

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 10. № 1/2024

DISCOURSE

Volume 10. No. 1/2024

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2024

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Strkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Сюй Цзявэнь, Мори́на Л. П. Влияние системы Бертольта Брехта на традиционный китайский театр.....	5
Коряковцев А. А. Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две?.....	15
Пономарёв А. И., Баженов С. С. Трансформация взаимодействия власти и общества в контексте модернизации информационных технологий.....	32

СОЦИОЛОГИЯ

Барина́ва О. Н., Кузи́на О. Н., Манаева И. В. Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа)	42
Строгеецкая Е. В., Бетигер И. Б. Вовлечение студентов в науку в фокусе социологического анализа	56
Маргуля́н Я. А., Рочева Я. С., Шаво́нин А. Л. Формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ как основа их социальной инклюзии	73
Пашковский Е. А. Национальные проекты как инструмент реализации социального государства в современной России	86

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Поляков О. М. Об одной лингвистической проблеме.....	100
Безрукова В. В., Гаркуша А. В. Реализация концепта «тайна» в произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна	114
Glazunova O. I. Mathematical Approaches to the Study of Human Information Processing.....	128
Кисельникова А. А. Речезанровая характеристика экспресс-консультации как нового феномена медицинского дискурса	137
Vakhterova E. V., Stebletsova A. O. Medical Research Genres in the English Academic Discourse.....	151
Богданов Б. С., Шумков А. А. Влияние инверсии и согласования в валлийском языке на английский синтаксис.....	163

Из редакционной почты

Дорофеев Д. Ю. Борис Васильевич Марков. Памятное слово	177
---	-----

Правила представления рукописей авторами	181
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Xu Jiawen, Morina L. P. The Influence of the Bertolt Brecht System on Traditional Chinese Theater	5
Koryakovtsev A. A. F. Engels and K. Marx on the Origin of Private Property and the State: One Concept or Two?.....	15
Ponomarev A. I., Bazhenov S. S. Transformation of Government-Society Relations in Context of Contemporary Informational Technologies	32

SOCIOLOGY

Barinova O. N., Kuzina O. N., Manaeva I. V. Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis).....	42
Strogetskaia E. V., Betiger I. B. Student Involvement in Science in the Focus of Sociological Analysis.....	56
Margyan Ya. A., Rocheva Ya. S., Shavonin A. L. Formation of a Positive Image of People with Disabilities in Modern Russian Media as the Basis for their Social Inclusion.....	73
Pashkovsky E. A. National Projects as a tool for Implementing the Welfare State in Modern Russia.....	86

LINGUISTICS

Polyakov O. M. About One Linguistic Problem	100
Bezrukova V. V., Garkusha A. V. Concept of "Mystery" and its Realization in the Works of J. Lippard and N. Buntline	114
Glazunova O. I. Mathematical Approaches to the Study of Human Information Processing.....	128
Kiselnikova A. A. Speech and Genre Characteristics of Express Consultation as a New Phenomenon of Medical Discourse	137
Vakhterova E. V., Stebletsova A. O. Medical Research Genres in the English Academic Discourse	151
Bogdanov B. S., Shumkov A. A. Influence of Welsh Inversion and Agreement on English Syntax.....	163

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-5-14>

Влияние системы Бертольта Брехта на традиционный китайский театр

Сюй Цзявэнь¹, Лариса Павловна Морина²✉

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹st106485@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8376-1704>

²✉mlp207@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-1265>

Введение. Статья посвящена феномену современного китайского театра и ставит своей целью исследовать пути его эволюции от подражания европейским авангардным формам театрального искусства до формирования самобытного художественного языка. Значимой целью является также выявление факторов, определивших уникальные эстетические и содержательные характеристики современного китайского театра.

Методология и источники. В результате применения метода сравнительного анализа в статье сопоставляются театральные концепции Ибсена, Станиславского и Брехта, в той или иной степени повлиявшие на образ современного китайского театра.

Результаты и обсуждение. Показывается особая роль европейского театрального авангарда, а именно концепции диалектической драмы Брехта, которая получила свое распространение в Китае в конце XX в. За двадцатилетний период (1959–1979) в Китае состоялись три так называемых «брехтовских бума», радикально трансформировавших китайский традиционный театр. Однако несмотря на высокую популярность брехтовских идей, Китайский театр не превратился в дословного транслятора европейского авангарда, но сформировал собственный художественный стиль с опорой на традиционные структуры зрительского восприятия. Ключевую роль в этом процессе сыграл национально-культурный контекст – социально-политический и ментальный, – обусловивший специфические формы адаптации культурных смыслов европейского театра. История китайского авангардного театра длится более сорока лет, с начала 1980-х гг. Пережив период прямого заимствования, китайские театральные деятели пришли к осознанию необходимости переосмыслить европейское наследие в контексте собственной культуры. В итоге именно срединный путь развития китайского театра оказался самым продуктивным – путь, который вобрал в себя выдающиеся художественные идеи Станиславского и Брехта, современного западного авангарда, но также не отвергнув при этом и традиционные художественные принципы. Так сложилась китайская театральная культура с собственным уникальным стилем.

Заключение. XX в. стал эпохой взаимообмена восточной и западной театральными традициями, что во многом сформировало мировой культурный ландшафт, в котором взаимодействие теории Брехта и традиционной китайской культуры образует особый топос.

© Сюй Цзявэнь, Морина Л. П., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Бертольт Брехт, К. С. Станиславский, китайский традиционный театр, авангард, «эффект отчуждения», диалектическая драма, философия культуры, эстетика

Для цитирования: Сюй Цзявэнь, Морина Л. П. Влияние системы Бертольта Брехта на традиционный китайский театр // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-5-14.

Original paper

The Influence of the Bertolt Brecht System on Traditional Chinese Theater

Xu Jiawen¹, Larisa P. Morina²

^{1, 2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*st106485@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8376-1704>*

²*mlp207@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3905-1265>*

Introduction. The article is devoted to the phenomenon of modern Chinese theater and aims to explore the ways of its evolution – from imitation of European avant-garde forms of theatrical art to the formation of an original artistic language. An important goal is also to identify the factors that have determined the unique aesthetic and meaningful characteristics of modern Chinese theater.

Methodology and sources. As a result of the application of the comparative analysis method, the article compares the theatrical concepts of Ibsen, Stanislavsky and Brecht, which influenced the image of modern Chinese theater.

Result and discussion. The special role of the European theatrical avant-garde is shown, namely, the concept of Brecht's dialectical drama, which became widespread in China at the end of the XX century. Over a twenty-year period (from 1959 to 1979), three so-called “Brecht booms” took place in China, radically transforming Chinese traditional theater. However, despite the high popularity of Brecht's ideas, the Chinese Theater did not turn into a literal translator of the European avant-garde, but formed its own artistic style based on traditional structures of audience perception. The key role in this process was played by the national cultural context – socio-political and mental – which determined the specific forms of adaptation of the cultural meanings of the European theater. The history of Chinese avant-garde theater lasts for more than forty years and began in the early 1980s. After experiencing a period of direct borrowing, Chinese theatrical figures came to rethink the European heritage in the context of their own culture. As a result, it was the middle path of Chinese theater development that turned out to be the most productive – a path that absorbed the outstanding artistic ideas of Stanislavsky and Brecht, the modern Western avant-garde, but also without rejecting traditional artistic principles. This is how Chinese theatrical culture has developed with its own unique style.

Conclusion. The 20th century became the era of the interchange of Eastern and Western theatrical traditions, which largely shaped the world cultural landscape, in which the interaction of Brecht's theory and traditional Chinese culture forms a special topos.

Keywords: Bertolt Brecht, K.S. Stanislavsky, Chinese National Theater, avant-garde, “alienation effect”, dialectical drama, philosophy of culture, aesthetics

For citation: Xu, Jiawen and Morina, L.P. (2024), “The Influence of the Bertolt Brecht System on Traditional Chinese Theater”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-5-14 (Russia).

Уникальный вклад Бертольта Брехта (1898–1956), известного немецкого драматурга и теоретика диалектического театра, в историю мировой драматургии заключается главным образом в его теории драмы и литературном творчестве, которые преодолели нормы традиционной европейской драматургической эстетики и создали совершенно новую систему драмы. Брехт оказал большое влияние на становление современного китайского театра. Первым человеком, представившим Брехта в Китае, был Чжао Цзиншэнь. Он предложил анализ пьесы Брехта «Барабаны в ночи» в 1929 г. [1]. Ведущие специалисты в китайском театральном мире переводили произведения Брехта и изучали его концепцию диалектической драмы. За двадцатилетний период (1959–1979) в Китае можно выделить три исследовательских бума, посвященных творчеству Брехта. Исследованию влияния системы Брехта на традиционный китайский театр, пути его формирования, а также факторов, сформировавших его уникальность, и посвящена эта статья.

В 1956–1957 гг. для изучения пьес Брехта по инициативе китайского правительства была создана группа искусствоведов под руководством профессора Фэн Чжи, которая занималась переводом и изучением творчества Брехта. Наконец, в преддверии десятой годовщины установления дипломатических отношений между Китаем и Германией внимание к наследию Брехта в Китае достигло кульминации. Была опубликована книга «Избранное Брехта» [2], в которую вошли сценарии трех пьес: «Пистолет дамы Караль», «Господин Пунтила и его слуга Матти» и «Мамаша Кураж и её дети». Постановка пьесы Брехта «Мамаша Кураж и её дети» режиссером Хуан Цзолинь в 1959 г. в Шанхайском народном художественном театре вызвала шквал статей театроведов и литераторов. Казалось, идеи Брехта захватили весь китайский театральный мир. Так, Хуан Цзолинь в своей речи «О немецком драматурге Бертольте Брехте» [3] перед репетицией спектакля «Мамаша Кураж и её дети» в Шанхайском народном художественном театре подробно проанализировал принципы театральной концепции и сценические нововведения Брехта, а также указал на наиболее значимые аспекты его системы, которые могли бы быть применены в китайском театре. В некоторых рецензиях, посвященных анализу пьес Брехта, были обобщены художественные принципы его театральной концепции. Так, роль актера заключается не том, чтобы передавать эмоции персонажа зрителям, а в том, чтобы подвести зрителей к пониманию ее сути. Важно показать противоречия между людьми и социальной средой, спровоцировать зрителей на глубокие размышления [3, с. 128].

Однако, анализируя первый бум Брехта в Китае и исследуя его влияние на китайский театр, можно заметить, что вначале большинство китайских драматургов сосредоточилось на политических идеях Брехта и не углублялось в художественные достоинства его пьес, что сделало понимание концепции Брехта китайским театральным сообществом слишком поверхностным. Это нашло отражение и в упомянутой ранее речи: согласно культурному соглашению между Китаем и Германской Демократической Республикой, в целях укрепления культурного обмена и дружбы между двумя народами должны были проходить и театральные обмены. Поскольку Брехт являлся авторитетным и прогрессивным драматургом Германской Демократической Республики, который, хотя и не был членом коммунистической партии, вел активную политическую деятельность, а также с большим уважением относился к председателю Мао, лидеру китайского народа [3, с. 128], было вполне естественно, что Брехт стал одним из лидеров культурного обмена между двумя странами.

В 1962 г. центральное правительство Китая провело в Гуанчжоу симпозиум по вопросу создания национальной драмы и оперы, на котором выступил с длинной речью под названием «Размышления о взглядах на театр» известный китайский режиссер, сценарист и писатель Хуан Цзолинь [4]. Эта речь имела огромное значение и стала отправной точкой второго бума изучения творчества Брехта в Китае. Далее в своем эссе «Размышления о взглядах на театр» Хуан Цзолинь высказал свое понимание теории Брехта и выделил следующие моменты [5]. Первый момент: театр Брехта не предназначен для распространения марксистских идей; мы должны сосредоточиться на его театральной природе и философском содержании. В нездоровой социальной среде люди вынуждены что-то менять в себе, и то, как они могут это делать, является главным в понимании театра Брехта. Второй момент: существуют сходства и различия между системами Брехта и Станиславского, а также связь между системой Брехта и искусством традиционной китайской оперы. Последнее утверждение Хуан Цзолиня было особенно значимым в деле реформы традиционной китайской оперы.

Однако после столь бурного периода популярности брехтовской системы в китайском театре произошел спад интереса продолжительностью более десяти лет, прежде чем начался новый брехтовский бум. Причинами тому были произошедшая Культурная революция и тяжелая политическая ситуация, в результате которых театральная жизнь сошла практически на нет. После окончания Культурной революции в 1979 г. разразился третий бум Брехта, который по своему размаху был более масштабным, чем два предыдущих.

В этот период повсеместно появляются переводы драматических и теоретических произведений Брехта, а также вторичная исследовательская литература. Первым признаком третьего бума стал выход в свет большого количества театральных произведений Брехта. Так, в 1980 г. издательство «Народная литература» опубликовало «Избранные пьесы Брехта» [6], добавив к сборнику, изданному в 1959 г., два новых произведения – «Жизнь Галилея» и «Трёхгрошовая опера», так что авторитетная театральная подборка уже включала в общей сложности восемь произведений Брехта.

Во-вторых, в этот период Китайский молодежный художественный театр показал свою постановку «Жизнь Галилея» под совместным руководством Хуан Цзолиня и Чэнь Юна, которая имела огромный резонанс и, в отличие от обычной практики спектаклей, пережила 90 постановок подряд, неизменно восторженно принимаемых публикой. Что касается сценических репетиций других театров, то Китайский молодежный художественный театр под руководством Чэнь Юна в этот период также поставил ряд произведений Брехта, например, «Кавказский меловой круг». Народным художественным театром и Центральной академией драмы была поставлена пьеса «Добрый человек из Сычуани», которая, благодаря восторженному приему зрителей, несколько раз возобновлялась и, даже став классической постановкой, вошла в основной репертуар многих театров. В итоге можно утверждать, что на китайской сцене было поставлено большинство произведений Брехта.

Третьим проявлением стал расцвет исследований Брехта в академическом мире. Начиная с 1979 г. количество аналитических статей о системе Брехта по всей стране превысило общее количество статей за все предыдущие годы. Так, вышла в свет теоретическая монография «Брехт о театре» [7], содержащая 52 его наиболее важных эссе о театре. Кроме того,

в 1984 г. были опубликованы исследования отечественных ученых, вошедших в монографию «О драматическом искусстве Брехта» [8], посвященных творчеству писателя и его теории, а также сравнительному анализу концепции Брехта и других театральных концепций. В монографии содержался также полный библиографический указатель статей о Брехте, опубликованных в Китае. Появились и работы, посвященные биографии Брехта, среди которых можно отметить две особо выдающиеся – «Брехт» Фан Вэйгуй (1985) [9] и «Биография Брехта» Клауса Фалькеля в переводе Ли Цзяньмина (1986) [10].

В апреле 1985 г. в Пекине состоялся Первый всекитайский коллоквиум, посвященный творчеству Брехта, имевший огромное научное и практическое значение. На конференции исследователи обсуждали ключевые элементы теоретической системы Брехта, в частности, его идею диалектической драмы. Хотя некоторые из выступавших придерживались все же традиционных взглядов на китайский театр, семинар в целом стал важной вехой в истории брехтоведения. В «период открытых дверей» китайские ученые смогли активно участвовать в брехтовских академических семинарах по всему миру, выступать с научными докладами, в которых обобщали свой творческий опыт изучения наследия Брехта.

Влияние творчества Брехта на китайский театр проходило по трем основным направлениям.

Первое направление – влияние на традиционную китайскую оперу. По сравнению с западным театром традиционная китайская опера больше ориентирована на искусство индивидуального исполнения с упором на создание индивидуальных художественных образов в ущерб художественной структуре целого. Из-за этого перекоса китайской опере не хватало сценической динамики. После основания Нового Китая правительство стало активно поддерживать творческие поиски режиссеров в оперном искусстве, активно продвигая новые техники и идеи, представленные Брехтом. В дальнейшем наступил период интеграции оперы и драмы, и многие драматические режиссеры осваивали новые идеи, постепенно включая идеи Брехта в свои оперные постановки. Это помогло усилить художественную выразительность традиционной китайской оперы и оказало положительное влияние на ее дальнейшее развитие. Благодаря этому в Новое время появилось множество оперных постановок и исторических драм, например, «Цао Цао и Ян Сю», которые были адаптированы к китайской сцене и совершили большой прорыв в постановке исторических драм.

Второе направление – развитие плюралистического принципа в китайском театре. В 1980-х гг. было выявлено, что традиционный китайский театр придерживался единой художественной концепции и потому не владел разными художественными техниками. Вследствие этого он был не способен удовлетворять разнообразные эстетические запросы публики, что в итоге привело к потере большого количества зрителей и началу упадка китайского театра. Чтобы спасти китайскую театральную сцену, режиссер Хуан Цзолинь рекомендовал освоить идею эпического театра Брехта и применять ее повсеместно. В своем эссе «Происхождение и противоречия театрального взгляда» теоретик искусства Ду Цинь-юань так оценивает значение Хуан Цзолиня: «Хотя "отчуждение" как эстетический фактор, давно существует в создании и оценке искусства, играя специфически эстетическую роль. <...> Но тот факт, что "отчуждение" было возведено в ранг "театрального мировоззрения" и было оценено и использовано китайскими драматургами и художниками, напрямую связано с

внедрением и пропагандой товарища Хуан Цзолиня» [11, с. 41]. В статье «Новые изменения в концепции современной драматургии», опубликованной в форме интервью в 1985 г., искусствовед Чэнь Юн отметил: «Брехт говорил, что театр должен обращаться к разуму людей, что в его время было скорее пророчеством гения, но сегодня это стало тенденцией. Театр, безусловно, выиграл от этой смены концепции, которая предлагает новый выход для современного театра, находящегося в конце своего пути» [12, с. 5].

В истории человечества сформировались различные взгляды на природу, функции и эстетику театра. Можно выделить древнегреческий, шекспировский, классический, романтический, ибсеновский театры, а также театр Станиславского. Однако все перечисленные концепции театра имеют нечто общее – все они реализовывались в рамках единого сюжетно ориентированного подхода. В отличие от них эпические пьесы Брехта выстроены принципиально иначе. Их особенностью является то, что актерская игра, вместо того чтобы возбуждать эмоции зрителей и заставлять их сопереживать драме, апеллирует к разуму, оставляя в повествовании пространство для размышлений. Этому способствует и специфическая сценарная техника Брехта, суть которой состоит в следующем. Пьесы Брехта, как правило, начинаются с действия, а затем создают характер, вместо того чтобы сначала создать характер, а затем представлять его воплощения в действии, как это происходит в постановках сюжетно ориентированного подхода. Такой прием Брехт назвал «историзацией повседневной жизни» [13, с. 42]. Также он утверждал, что в разные времена и культурные ситуации театр должен использовать адекватный способ выражения социального содержания, а для этого зрители должны иметь небольшую паузу для размышлений, чтобы осознать свою роль в обществе и необходимость действовать. По сути, то был разрыв с традиционным театром и попытка создать театр новой эпохи. В специфическом культурном контексте Китая эта идея Брехта использовалась как мощное оружие для разрушения «пристрастного реализма» театра (изображения типических характеров в типических ситуациях). Таким образом, Брехту приписывают революцию в китайском театре.

Третье направление – это театральные инновации. Китайский театр имеет особую историю. Он сложился во время движения Четвертого мая, когда росли национальные антиимпериалистические и антифеодалные настроения. В своем последующем развитии китайская драма испытала сильное влияние реалистической традиции Ибсена и Станиславского. Однако в силу исторических условий китайский театр долгое время оставался закрытым, вплоть до наступления новой эры, когда повеял весенний ветер инноваций. В этот период теоретическая система Брехта получила широкое признание. Основные ее положения – нарративность и «отчуждение» – были приняты многими китайскими экспертами и воплотились в театральной практике. Например, роли «ведущего», «рассказчика» или «хора», используемые в постановках Брехта для ведения сюжета, были применены режиссером Хуан Цзолинем в 1951 г. в постановке пьесы «Великая живая газета антиамериканской войны». Это был первый важный опыт создания национального спектакля по системе Брехта. В 1959 г. он же поставил две пьесы Брехта – «Мамаша Кураж и её дети» в оригинальной версии, а в 1978–1979 гг. – «Жизнь Галилея» совместно с Чэнь Юн. Хуан Цзолинь при постановке «Мамаша Кураж и её дети» использовал брехтовский «эффект отчуждения», чтобы вывести зрителей из пассивного состояния. Чтобы вернуть пьесе первоначальный

вид и показать силу «эффекта отчуждения», Хуан Цзолинь тщательно изучал сценарий и видеозаписи, пытаясь в точности воспроизвести декорации, реквизит, костюмы, освещение и музыку оригинальной постановки Брехта. Вот почему считается, что «Мамаша Кураж и её дети» – это «копия» версии Брехта, которую поставил Хуан Цзолинь. К сожалению, усилия Хуан Цзолинь не были по достоинству оценены зрителями – многие покинули зал во время спектакля – и, таким образом, премьера «Мамаша Кураж и её дети» потерпела фиаско. Этот случай послужил уроком и поворотным пунктом в развитии китайской драмы. Стало понятно: чтобы пьесы Брехта имели успех в Китае, недостаточно просто их воспроизводить даже столь кропотливо, как это сделал Хуан Цзолинь, необходимо учитывать китайский социальный фон и ментальность зрителя. Что касается социального фона, то к моменту распространения идей Брехта в Китае только что завершилась 10-летняя Культурная революция. В этот период в Китае пропагандировалась почти исключительно «китайская модель оперы», что обусловило длительную эстетическую и идеологическую инерцию и, соответственно, низкий уровень усвоения новых театральных стилей. Что касается ментальности, то китайская аудитория коллективистски ориентирована и обладает сильным чувством национальной общности, в то время как западные театральные концепции делают больший акцент на значимости индивидуального бытия и самовыражения, что также усложняло рецепцию брехтовских идей.

На репетиции «Жизнь Галилея» в 1978–1979 гг. Хуан Цзолинь и Чэнь Юн сначала следовали требованиям Брехта в постановке пьесы. Они изучали реплики, социальный смысл пьесы и намерения автора. Затем, применив метод сегментации, разделили каждую сцену на части, кратко изложив смысл каждого события и зачитав их труппе, после чего приступили к репетиции. В этот раз режиссеры больше сосредоточились на характеристике персонажей и не стали слишком заикливаться на таких вопросах, как «что такое эмпатия» и «эффект отчуждения». Намерением обоих режиссеров было представить произведение Брехта так, чтобы оно понравилось китайским зрителям. Постановка «Жизнь Галилея» имела два разноплановых последствия для развития китайской драматургии: во-первых, она вдохновила режиссеров на написание собственных сценариев, во-вторых, разрушила «четвертую стену», обеспечив контакт со зрителем и создав эстетическую перспективу вдумчивого восприятия. «Жизнь Галилея» имела ошеломительный успех и стала прецедентом китайского художественного театра. С одной стороны, эта постановка соответствовала требованиям Брехта в части философского содержания и театрального стиля, а с другой – воплощала творческую энергию китайских театральных деятелей.

Помимо Хуан Цзолиня выдающимся пропагандистом театральной системы Брехта был драматург Гао Синьцзянь. До Брехта китайский драматический театр развивался под систематическим влиянием Ибсена и Станиславского, которые делали акцент на воспроизведении оригинального образа жизни, использовали строгие реалистичные приемы, выявляли типичных персонажей в типичной обстановке и создавали иллюзию сцены для зрителей благодаря игре актеров, которые полностью вживались в роли. Под влиянием Брехта Гао Синьцзянь написал ряд пьес, таких как «Станция» [14, с. 84] и «Дикарь» [14, с. 200], в которых применялись различные техники повествования и использовался прием отчуждения.

Например, в пьесе «Дикарь» история и реальность перемежались как две линии повествования, связанные с эмоциями главных героев пьесы. Этот новый тип полифонического повествования позволял выстроить дистанцию между зрителем и пьесой. Гао Синьцзянь так оценил роль Брехта в своем становлении: «Брехт был первым драматургом, который заставил меня понять, что закон театра также может быть восстановлен. В этом смысле он сыграл решающую роль в моем стремлении к театральному искусству в последующие годы» [15, с. 53]. В книге «Я и Брехт» Гао Синьцзянь пишет: «Я обнаружил, что работа от написания пьесы до актерской и режиссерской работы может быть чем-то совсем другим, чем-то отличным от театра Ибсена и Станиславского» [16, с. 89]. Гао Синьцзянь стал пионером китайского экспериментального театра, опираясь на теорию эпического театра Брехта и используя в полной мере его идею воспитательного эффекта театра. Брехт не переставал размышлять о человеческой природе и социальных отношениях в своих пьесах. Он задавался вопросом, должны ли актеры транслировать эмоции в зал, или они должны развивать зрителя? Брехт считал, что знания важнее эмоций: пусть зритель лучше научится пренебрегать своими чувствами и узнает чувства других. Даже свои собственные чувства он узнает лучше, если их ему представят как чувства других [17, с. 125].

Перемещение культурных смыслов из одного контекста в другой – сложный трансгрессивный процесс. Адаптация идей и теорий в новой среде неизбежно трансформирует исходные процессы производства и институционализации, функционировавшие в точке происхождения [18, с. 31]. Что бы ни проникало в китайский контекст – будь то «театр социальных проблем» Ибсена, система Станиславского или диалектическая драма Брехта, которую китайские театральные практики целенаправленно изучали, – в Китае создавалась собственная театральная культура, ставшая результатом последовательных переосмыслений различных театральных инноваций. Так, введение идей Ибсена и Станиславского в определенной степени стало переосмыслением принципов традиционного китайского театра, а освоение театра Брехта – системы Станиславского. В итоге срединный путь развития китайского театра оказался самым перспективным – путь, который вобрал в себя как идеи Станиславского, так и идеи Брехта, принципы традиционного китайского театра и западного авангарда. В Китае XX в. стал эпохой активного взаимодействия и взаимовлияния восточной и западной театральных традиций, что сформировало новый культурный ландшафт, в котором взаимодействие идей Брехта и традиционной китайской культуры, несомненно, создало особенный топос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжао Цзиншэнь. Позиции птиц в современной мировой литературе. Шанхай: Современные книги, 1930 (на кит. яз.).
2. Брехт Б. Избранное Брехта / пер. на кит. Фэн Чжи и Ду Вэньтан. Пекин: Народная литература, 1959.
3. Хуан Цзолинь. О немецком драматурге Бертольте Брехте // Театроведение. 1959. № 6. С. 127–136 (на кит. яз.).
4. Хуан Цзолинь. Размышления о взглядах на театр // Газета КНР. 25.04.1962 (на кит. яз.).
5. Хуан Цзолинь. Размышления о взглядах на театр // Шанхайская драма. 2006. № 8. С. 34–40 (на кит. яз.).
6. Брехт Б. Избранные пьесы Брехта / пер. на кит. Сунь Фэнчэн, Бянь Чжилинь, Чжан Ли. Пекин: Народная литература, 1980.

7. Брехт Б. Брехт о драме / пер. на кит. Дин Янчжун и др. Пекин: Китайское театральное изд-во, 1990.
8. О драматическом искусстве Брехта / Хуан Цзолинь, Тонг Даомин и др. Пекин: Китайское театральное изд-во, 1984 (на кит. яз.).
9. Фан Вэйгуй. Брехт. Ляонин: Народное изд-во Ляонина, 1985 (на кит. яз.).
10. Фалькель К. Биография Брехта / пер. на кит. Ли Цзяньминь. Пекин: Пекинское драматическое изд-во, 1986.
11. Ду Цинъюань. Происхождение и противоречия «театрального взгляда» // Драматическое искусство. 1984. № 4. С. 39–46 (на кит. яз.).
12. Чэнь Гунмин. Новые изменения в концепции современной драматургии // Драматическое искусство. 1985. № 3. С. 4–7 (на кит. яз.).
13. Брехт Б. Брехт о драме / пер. на кит. Дин Янчжун и др. Пекин: Китайское театральное изд-во, 1990.
14. Гао Синьцзянь. Сборник пьес Гао Синьцзяня. Пекин: Масса, 1985 (на кит. яз.).
15. Гао Синьцзянь. Поиск современного театра. Пекин: Китайское драматическое изд-во, 1988 (на кит. яз.).
16. Гао Синьцзянь. Я и Брехт // Современная литературная мысль. 1986. № 4. С. 83–92 (на кит. яз.).
17. Брехт Б. Театр: пьесы, статьи, высказывания: в 5 т. Т. 5/2 / пер. с нем. М.: Искусство, 1965.
18. Чжоу Юньлун. Трансгрессивное воображение: кросс-культурные театральные исследования в Китае, 1895–1949. Сямэнь: Изд-во Сямэньского ун-та, 2010 (на кит. яз.).

Информация об авторах.

Сюй Цзявэнь – аспирантка Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор одной научной публикации. Сфера научных интересов: театроведение, история культуры, эстетика.

Морина Лариса Павловна – доктор философских наук (2018), доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 68 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и философия культуры, семиотика, аксиология культуры.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.12.2023; принята после рецензирования 08.01.2024; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Zhao, Jingshen (1930), *Pozitsii ptits v sovremennoi mirovoi literature* [The positions of birds in modern world literature], Modern Books, Shanghai, CHN (in China).
2. Brecht, B. (1959), *Selected Brecht*, Transl. into Chinese Feng, Zhi and Du, Wentang, Izd. Narodnaya literatura, Beijing, CHN.
3. Huang, Zuolin (1959), "On the German playwright Bertolt Brecht", *Theater Studies*, no. 6, pp. 127–136 (in China).
4. Huang, Zuolin (1962), "Reflections on the views of theater", *PRC Newspaper*, 25.04.1962 (in China).
5. Huang, Zuolin (2006), "Reflections on the views of theater", *Shanghai Drama*, no. 8, pp. 34–40 (in China).
6. Brecht, B. (1980), *Selected plays by Brecht*, Transl. into Chinese Sun, Fengcheng, Bian, Zhilin and Zhang, Li, People's Literature, Peking, CHN.

7. Brecht, B. (1990), *Brecht on Drama*, Transl. into Chinese Ding, Yangzhong et al., Chinese Theater Publishing House, Beijing, CHN.
8. Huang, Zuolin, Tong, Daoming, et al. (1984), *On Brecht's Dramatic Art*, Chinese Theater Publishing House, Beijing, CHN (in China).
9. Fang, Weigui (1985), *Brecht*, Liaoning People's Publishing House, Liaoning, CHN (in China).
10. Falkel, K. (1986), *Brecht's biography*, Transl. into Chinese Li, Jianmin, Beijing Drama Publishing House, Beijing, CHN.
11. Du, Qingyuan (1984), "The origin and contradictions of the "heater view", *Beijing. Dramatic Art*, no. 4, pp. 39–46 (in China).
12. Chen, Gongming (1985), "New changes in the modern notion of drama", *Beijing. Dramatic Art*, no. 3, pp. 4–7 (in China).
13. Brecht, B. (1990), *Brecht on Drama*, Transl. into Chinese Ding, Yangzhong et al., Chinese Theater Publishing House, Beijing, CHN.
14. Gao, Xingjian (1985), *Collection of plays by Gao Xingjian*, Massa Publishing House, Beijing, CHN (in China).
15. Gao, Xingjian (1988), *The search for modern theater*, China Drama Publishing House, Beijing, CHN (in China).
16. Gao, Xingjian (1986), "Me and Brecht", *Beijing: Modern Literary Thought*, no. 4, pp. 83–92 (in China).
17. Brecht, B. (1965), *Theater: Pieces. Articles. Statements*, Transl., in 5 vols., vol. 5/2, Iskusstvo, Moscow, USSR.
18. Zhou, Yunlong (2010), *Transgressive imagination: cross-cultural theater studies in China, 1895–1949*, Xiamen Univ. Press, Xiamen, CHN (in China).

Information about the authors.

Xu Jiawen – Postgraduate at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of one scientific publication. Area of expertise: theatre studies, cultural history, aesthetics.

Larisa P. Morina – Dr. Sci. (Philosophy, 2018), Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 68 scientific publications. Area of expertise: theory and philosophy of culture, semiotics, axiology of culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.12.2023; adopted after review 08.01.2024; published online 21.02.2024.

Оригинальная статья

УДК 101.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31>

Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две?

Андрей Александрович Коряковцев

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия,
akoryakovtsev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-0361>*

Введение. В марксоведении давно поставлена проблема неполного совпадения взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. На эту тему высказывались Д. Маклеллан, М. Рюбель, К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов. Однако они ограничились политической экономией и онтологией. Мы обсудим взгляды классиков на происхождение частной собственности и государства.

Методология и источники. В данной статье предпринят текстологический анализ работ Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и работ К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», являющейся частью «Экономических рукописей 1857–1861 гг.», и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». Применяется историко-компаративистский подход, позволяющий сопоставлять идеи классиков с идеями представителей более поздних марксистских школ.

Результаты и обсуждение. Ф. Энгельс объясняет появление государства классовыми противоречиями. Однако, он не отличает понятие «класс» от понятия «сословие» и игнорирует тот факт, что в докапиталистическую эпоху индивиды противостояли друг другу как представители общностей, обеспечивших определенный уровень жизни. В параграфе, озаглавленном «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.», К. Маркс описывает, как государство возникало в качестве организатора принудительных общинных работ. Эта принудительность была определена не социально-политическими, а природными факторами. Труд создавал не только общественный продукт, но и само отношение господства. Мы показываем смысловую связь этой концепции с той, которая была воплощена К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.».

Заключение. В классическом марксизме отсутствует единая концепция происхождения государства и частной собственности; концепции К. Маркса и Ф. Энгельса отличаются друг от друга трактовкой роли труда в данном процессе. Ф. Энгельс приписывает труду страдательную роль. У К. Маркса роль труда активная: труд сам создает свою противоположность, частную собственность и государство. Последнее в учении К. Маркса фигурирует не как функция классового господства, а как сила, способная на самостоятельное развитие.

Ключевые слова: социальная философия, история философии, государство, частная собственность, классический марксизм, класс, сословие

Для цитирования: Коряковцев А. А. Ф. Энгельс и К. Маркс о происхождении частной собственности и государства: одна концепция или две? // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 15–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31.

© Коряковцев А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

F. Engels and K. Marx on the Origin of Private Property and the State: One Concept or Two?

Andrey A. Koryakovtsev

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia,
akoryakovtsev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-0361>*

Introduction. The problem of incomplete coincidence of views of K. Marx and F. Engels has long been raised in marxology. On this topic, D. McLellan, M. Ryubel, K.N. Lubutin and P.N. Kondrashov spoke. However, they were limited to political economy and ontology. We will discuss the views of classics on the origin of private property and the state.

Methodology and sources. In this article the textual analysis of the works “Origin of family, private property and state” by F. Engels and “Forms preceding capitalist production” and “Manuscripts of 1844” by K. Marx is taken. The author adopts a historical-comparative approach, combining the ideas of the classics with those of later Marxist schools.

Results and discussion. F. Engels explains the appearance of the state by class contradictions. However, it does not distinguish the concept of “class” from the concept of “estate” and ignores the fact that in the pre-capitalist era an individual opposed another individual as a representative of a community that provided a certain standard of living. In a paragraph entitled “Forms Preceding Capitalist Production” in the “Economic Manuscripts of 1857–1861”, K. Marx describes how the state emerged as an organizer of forced community works. This coercion was determined not by socio-political factors but by natural factors. Labor created not only a social product, but also the very relationship of domination. We show the semantic connection of this concept with that which was embodied K. Marx in “Economical-philosophical manuscripts of 1844”.

Conclusion. In classical Marxism there is no unified concept of the origin of the state and private property; the concepts of K. Marx and F. Engels differ from each other in the interpretation of the role of labor in this process. F. Engels attributes a passive role to labor. For K. Marx, the role of labor is active: labor itself creates its opposite, private property, and with it the state, which arises and exists due to the limitations of labor.

Keywords: social philosophy, history of philosophy, state, private property, classical Marxism, class, estate

For citation: Koryakovtsev A.A. (2024), “F. Engels and K. Marx on the Origin of Private Property and the State: One Concept or Two?”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 15–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-15-31 (Russia).

*Памяти Константина Николаевича Любутина
и Петра Николаевича Кондрашова*

Введение. В марксоведении давно озвучен тезис о необходимости проводить различие между взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса (даже не опровергая их коренное теоретическое и методологическое единство). Эта точка зрения представлена в западной марксоведческой науке (укажем на исследования McLellan D. [1] и Рюбеля М. [2]). В России ее сторонниками являются К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов. По их мнению, «необходимо различать, с одной стороны, *социально-антропологическую* философию К. Маркса, с другой – *сциентистскую* философию Ф. Энгельса» [3, с. 6]. Ибо, как продолжают они далее: «непонимание Маркса такими крупными учеными, как Э. Дюркгейм, М. Вебер или К. Р. Поппер, было

фундировано именно в том, что они считали *марксизмом Маркса* вульгаризированную форму странного коктейля из «Маркса–Энгельса» [3, с. 7].

Жаль, что далее они не раскрывают, в чем состояла «сциентистская философия» Ф. Энгельса, отличная как от философии К. Маркса, так и от «вульгаризированного» марксизма. Более того: один из них позже дезавуировал противопоставление К. Маркса и Ф. Энгельса в области онтологической тематики [4, с. 215–241].

Но остается еще социальная теория. Имеется ли какое-либо различие между идеями К. Маркса и Ф. Энгельса в ней и, если да, то насколько оно является решающим? Ответом на этот вопрос будет результат поиска и сравнительного анализа текстов, написанных классиками. О таком поиске в связи с «Капиталом» упоминает Д. Маклеллан в интервью: «Так что, как вы говорите, Энгельсу пришлось собрать воедино второй и третий тома «Капитала», и сейчас ведется большая работа, особенно в Германии, над изданиями «Капитала», и Энгельсу отводится довольно зловещая роль, поскольку он наполовину переписывает Марксовы тезисы» [1].

Но это касается «Капитала». Данная же статья посвящена аспекту, ранее в марксоведении не освещенному: различию идей классиков относительно генезиса частной собственности и государства.

Методология и источники. Мы предприняли текстологический анализ брошюры Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и рукописного наследия К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и «Рукописи 1844 г.». Кроме того, мы применили историко-компаративистский подход, сопрягая идеи классиков с идеями представителей более поздних марксистских школ: В. И. Ленина и В. П. Илюшечкина.

Результаты и обсуждение. Начнем с того, что реконструируем цепочку рассуждений Ф. Энгельса по поводу генезиса частной собственности и государства.

Он отталкивается от «естественного» разделения труда, отражавшего физиологию человеческих существ. «Внутри родового строя ... разделение труда – чисто естественного происхождения, оно существует только между полами. <...> Каждый из них – хозяин в своей области: мужчина в лесу, женщина – в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребленных им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка» [5, с. 159].

Это рассуждение является воплощением методологической установки, которую оба марксистских классика ранее, еще в 1845 г., выразили следующим образом: «первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею их отношение к остальной природе» [6, с. 19]. Важно подчеркнуть, что «первый» в данном случае означает не ценность, а «исторически первый», т. е., речь идет о том, что в древности не социальные, а *природные* условия определяли общественное развитие. Продолжение этой мысли мы находим в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» К. Маркса: в древности «действительное присвоение

посредством труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, а представляются его природными ...предпосылками» [7, с. 468].

Итак, согласно классикам марксизма, трудовые процессы протекают в рамках, заданных не только внешней природой, но и антропологическими факторами, внутренней природой человека, его телесностью, физиологией, полом, возрастом. Общественные отношения в древности определяли не сами по себе орудия труда (эту идею несправедливо приписывает Ф. Энгельсу С. де Бовуар, обвиняя его в «экономическом монизме» [8, с. 49]). Их определяло *разделение труда*, которое, конечно, зависело от них, но к ним не сводилось. Отличие между орудиями труда и разделением труда состоит в том, что орудие труда есть вещь или человек, низведенный до положения вещи, пассивного, подчиненного инструмента, (раба [5, с. 58–59]), «рабочей машины» [7, с. 458]; тогда как разделение труда есть *общественное отношение*, заключающееся (в данном случае) в *принудительном* обмене деятельностью, обмене, исключающем наслаждение им и самой деятельностью. Или, если выразиться словами К. Маркса, «разделение труда» (специализация) и основанный на нем обмен¹, представляют собой «экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения» [9, с. 140].

Другой фактор, по Ф. Энгельсу, определяющий общественные отношения наряду с разделением труда – это *накопленные излишки или общественное богатство*. «По мере того, как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение..., и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение...» [5, с. 59].

Таким образом, согласно классикам марксизма, не просто неорганическая природа сама по себе (вещь, взятая как орудие труда), а «увеличение производства» вкупе с *развитием средств производства*, т. е. вкупе с *развитием* неорганической природы, используемой в своих целях людьми в процессе труда, являются факторами, определяющими формы разделения труда (специализацию индивидов в процессе отчужденного труда). Отметим, между прочим, что эта мысль – не просто материализм, толкующий о зависимости духа от вещей и природы, а именно *практический материализм* [6, с. 42], развивающий идею «созерцательного философа» Л. Фейербаха об универсальности человеческой практики [10, с. 141; 11, с. 682; см.: 12, с. 347].

В свою очередь, формы разделения труда влияют на степень развитости обмена и, следовательно, на общественную форму продукта: создается ли он ради непосредственного потребления (натуральный продукт) или на продажу (товар). Господствующая общественная форма продукта определяет доминирующий тип социальной связи («форму общения»). Товарное производство подразумевает экономическую связь, ориентация производства на натуральный продукт – ее слабость, и либо преобладание внеэкономических связей, либо изоляция общин. Взаимодействие общин или их обособленное существование влияет на их культуру – вплоть до культуры семейных отношений. Содержание всех остальных социальных форм (в том

¹ «Обмен и разделение труда взаимно обусловлены. Так как каждый работает сам по себе, а его продукт есть ничто сам по себе, то он, конечно, должен обменивать, не только для того, чтобы принять участие во всеобщей производственной способности, но и для того, чтобы превратить свой собственный продукт в жизненное средство для самого себя» [7, с. 103].

числе и отношение господства-подчинения, включая бытовое, семейное) зависит, в конечном счете, от уровня развития производительных сил и форм разделения труда.

«Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением сферы производительной деятельности при тогдашних исторических условиях, взятых в совокупности, с необходимостью влекло за собой рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [5, с. 161]. «...Государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества» [5, с. 169]. Так произошло в древних Афинах. «У германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств» [5, с. 169]. Но, так или иначе, государство «никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу» [5, с. 169]. Оно «возникло из потребности держать в узде противоположность классов» [5, с. 171]. «Государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно» [5, с. 170].

Сказано предельно ясно и однозначно: первоначально, на базе первого общественного разделения труда (между духовным и материальным трудом), зарождаются частная собственность и классы, классовые противоречия и классовая борьба, затем в ответ на это возникает государство. Так в своем труде 1884 г. Ф. Энгельс воспроизводит, только в расширенном виде, собственные рассуждения, сформулированные в «Анти-Дюринге» (1878): «Робинзон поработает Пятницу только для того, чтобы Пятница работал в пользу Робинзона. А каким путем Робинзон может извлечь для себя пользу из труда Пятницы? Только тем путем, что Пятница производит своим трудом большее количество жизненных средств, чем то, какое Робинзон вынужден давать ему для того, чтобы Пятница сохранял свою трудоспособность» [13, с. 163]. «Насилие, – добавляет Энгельс, – есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода» [13, с. 164].

Может показаться, что, изобразив общество раздираемым экономическими противоречиями, – как могущественного и коварного Робинзона и трудолюбивого и покорного Пятницу – Ф. Энгельс, по сути, воспроизводит ход рассуждений Т. Гоббса в «Левиафане». Английский мыслитель также исходит из факта общественного распада. Дабы избежать взаимного уничтожения граждане делегируют (по Т. Гоббсу, «отчуждают» [*alienate*]) свои права в пользу некой новой инстанции в обмен на защиту: «мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности» [14, с. 101]). Эта инстанция и образует государство – «Левиафан», чудовище библейского мифа, грозное, но необходимое для общественного выживания. Рассуждения Т. Гоббса и Ф. Энгельса действительно похожи, но отнюдь не тождественны. То, что первый считает «естественным» состоянием человечества (пресловутое «*bellum omnium contra omnes*»), второй изображает как состояние временное, исторически конечное и преодолимое по тем же причинам, которые его породили, из-за роста производительности труда и общественного бо-

гатства. Однако даже такое неполное сходство с теорией Т. Гоббса должно насторожить и указать на неполноту картины, нарисованной Ф. Энгельсом.

Эта неполнота выражается в размытости используемого Ф. Энгельсом понятия «класс». Классами Ф. Энгельс называет рабов и господ (рабовладельцев), дворян, крепостных и свободных крестьян, наемных рабочих и представителей капитала [5, с. 171–172]. Кроме того, в ту же категорию он включает полноправных граждан античных полисов [5, с. 119] и купцов как «посреднический класс» [5, с. 156]. Он оперирует категориями «имущий класс» и «угнетенный класс» [5, с. 173], предполагая широкие общности, лишенные внутренних различий. Категории военнообязанного населения, введенные рексом Сервием Туллеем, он тоже называет «классами» [5, с. 128].

Кстати вспомним, что в «Манифесте коммунистической партии» читатель встречается с таким же расплывчатым понятием *класс*: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [15, с. 424]. Стоит напомнить читателю, что Третий том «Капитала» его автор завершает вопросом: «что образует класс?» [16, с. 458] – и здесь имеется в виду, очевидно, не какой-то конкретный класс, а класс как особая социально-экономическая категория. Ответа мы не находим: рукопись обрывается. Хотя уже тот факт, что данный вопрос задан в главе, находящейся в отделе «Доходы и их источники», намекает, в каком направлении необходимо вести поиск правильного ответа.

Несомненно, мысль В. И. Ленина в определении экономических классов двигалась путем, начертанным К. Марксом, ибо в его известном определении речь идет именно о «доходах и источниках» как о классообразующих факторах [17, с. 15].

Но Ф. Энгельс в анализируемой работе использует понятие класс, отличное от ленинской трактовки, смешивая правовые и экономические характеристики. Столь смутно по этому поводу выражается и Ч. Диккенс в одном из своих романов, но его странно называть марксистом. Если бы В. И. Ленин сформулировал свою концепцию класса не в 1919 г., а два года раньше, так ли прямолинейно он следовал за Ф. Энгельсом в своей работе «Государство и революция» 1917 г.?

О недопустимости смешения правовых и экономических признаков социальных групп писал советский историк В. П. Илюшечкин: «...неосознанная подмена одних понятий другими, экономических правовыми, равно как и смешение их, является неправомерной и только запутывает суть дела. Она некорректна, потому что экономический и правовой подходы к типизации и классификации общественных отношений основаны на совершенно различных принципах, вследствие чего одноименные экономические и правовые категории не совпадают по своему содержанию» [18, с. 82]. «Например, понятия “класс рабов”, “класс рабовладельцев” и “класс феодалов” в действительности обозначают лишь соответствующие сословия или сословные группы, а понятие “класс феодально-зависимых крестьян” – вовсе не класс и не сословие, а гораздо более широкий круг непосредственных производителей» [18, с. 148–149].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, хотя в классическом марксизме имеются четкие определения конкретных классов¹, само понятие *класса как такового* в противоположность некоей бесклассовой общности, еще размыто. Следовательно, теория классовых отношений в марксистской теории классического этапа еще только *становится*. Выходит, только становится и теория классового антагонизма, несмотря на ее фундаментальный характер для марксистского социального учения.

Дело усложняется тем, что необходимо различать экономическое существование класса и его *политическое* бытие. Классы и классовые антагонизмы могут существовать объективно, в процессе производства, но в то же время индивидами может не осознаваться их личная принадлежность к тому или иному классу, либо она может представляться ложным образом. Так же может быть не осознан, или осознан в ложной форме, сам классовый антагонизм. В докапиталистическую эпоху, когда реальность тотально осознавалась индивидами не в социологических, не в экономических и не в политологических понятиях, а в родовых, сословных (правовых), морально-этических категориях и религиозно-мифологических образах, иначе быть не могло [20, с. 31–36]. Если в ту эпоху имели место социальные конфликты, то борьба в них шла не за новое общество; борьба шла за *новую церковь*, за *религиозное обновление*, за власть *благородных* и т. д., а классовый антагонизм воспринимался как антагонизм высших мистических сил, на стороне одной из которых выступает восставшая сторона. Ложная форма протестной идеологии препятствовала осознанию собственных интересов угнетенными классами, что открывало дорогу политическим манипуляциям, снижающим остроту классового конфликта.

Классовому антагонизму препятствовала сама сословная структура общества, постольку поскольку правовые отношения и связанные с ними традиции и моральные установки скрывали отношения экономические, мешали им выражаться открыто. В художественной форме это отражено в исторических романах А. Дюма. Простая мысль Д'Артаньяна: «мне уже сорок лет, а я все еще лейтенант мушкетеров» вкуче с последующими его действиями ради заработка в его эпоху (вторая половина XVII в.) означала разрыв не только с друзьями-мушкетерами, но и с дворянским кодексом чести и верности монаршей особе. Одним словом, она означала разрыв с сословием, подлинную социальную революцию в пределах индивидуальной судьбы. Д'Артаньян, следуя этой мысли, превращался в когда-то им же презираемого г. Буонасье – мелочного алчного буржуа.

Поэтому участники восстаний, мятежей, переворотов докапиталистической эпохи, даже если они одерживали военно-политическую победу (подобно тайпинам в 1853 г.), не создали и не могли создать никаких новых общественных отношений. Они воспроизводили прежний социально-экономический уклад и прежнюю социальную иерархию. Все это были сословные, правовые конфликты, так сказать, *нотариальные проблемы*. Стоявший за ними

¹ «Под “пролетариатом” в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает “капитал” и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости господина капитала» [19, с. 628]; «Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответствующими источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства» [16, с. 457].

классовый антагонизм не принимал форму собственно *классовой борьбы*. Ф. Энгельс связывает реформу Солона с «политической революцией», коль скоро она «вторгалась» в отношения собственности [5, с. 115], однако она не выходила за рамки распределительных практик своей эпохи, и за ней не следовали никакие изменения в самом господствующем способе производства. По этой причине, как замечает сам классик, «уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает» [5, с. 155] – в силу того, что он не знает *классовых* восстаний, иначе говоря, *социально-политических революций*. Даже переход от античного рабовладения к колонату во II и III вв. – это трансформация правовых отношений, прежде всего, в ходе которых экономический базис сословно-классового общества оставался прежним [18, с. 131–133].

Движущие силы *социально-политических революций*, преодолев в себе сословные различия, «бесконечную раздробленность интересов и положений» [16, с. 458], представляют собой угрозу самому господствующему способу производства. *Социально-политическая революция* потому и является революцией, что *позитивна*; она решает социальные проблемы своей эпохи, а не воспроизводит их в отличие от *политической революции*, которая только перераспределяет собственность и власть [5, с. 115].

Очевидно, все это подразумевают сами классики, когда пишут: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов» [6, с. 54]. «До тех пор, пока угнетенный класс – в данном случае, следовательно, пролетариат – еще не созрел для освобождения самого себя, он будет в большинстве своем признавать существующий общественный порядок единственным возможным и политически будет идти в хвосте класса капиталистов, составлять его крайнее левое крыло» [5, с. 173]. Или, как энергично выразится К. Маркс: «рабочий класс революционен, либо он ничто» [21, с. 64]. Иначе говоря, классы, не осознав свои экономические интересы и не борясь за их воплощение, существуют только как абстракции, только *в возможности*, как *классы-в-себе*. Но это только начало их исторической эволюции: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе ... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами» [22, с. 183].

Все эти соображения проблематизируют концепцию Ф. Энгельса 1884 г. Если не проведена грань между классами и сословиями, а также между *классом-в-себе* и *классом-для-себя*, – а возникновение этой грани есть результат долгого исторического процесса, – то становится непонятным, что считать *классовой борьбой*, а что только сословным (внутриклассовым или межсословным) конфликтом, остающимся в пределах данного способа производства и не перерастающим в *классовый конфликт* (в социально-политическую революцию, способ производства изменяющую).

Тезис Ф. Энгельса, состоящий в том, что государство «возникло из потребности держать в узде противоположность классов» предполагает, что уже в древности существовали классы-для-себя и классовая борьба в ее зрелых формах. Это модернизация истории. Экономическая

выгода, на которую он упирает, видя в ней фактор, определяющий возникновение частной собственности и отношений господства, осознавалась массами и господствующими слоями не столь ясно, как в более позднее время. Было бы точнее сказать, что сословно-корпоративная структура общества обуславливала своеобразную *амбивалентность* государственных структур: они могли быть использованы господствующим классом не только как инструмент господства и подавления социальных низов, но и противоположным образом. Ф. Энгельс сам указывает на помощь, оказанную государством Солона рядовым общинникам [5, с. 114]. И это несмотря на то, что несколько страниц ранее он назвал юное государство учреждением, «которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним» [5, с. 108]. Подобное противоречие связано как раз с тем, что классик предпочел обозначить доминирующую тенденцию эпохи в ущерб «нюансам». Однако в древности, в архаичном, «сословно-классовом обществе» (Илюшечкин В. П.), эти «нюансы» преобладали.

Особо укажем, что это обстоятельство несколько не ставит под сомнение ленинское определение государства как «аппарата насилия» [23, с. 69]. Сохранить привилегии, полученные в результате реформ Солона, беднейшим афинянам удалось благодаря тирании Писистрата, боровшейся против родовой аристократии до тех пор, пока последняя не была окончательно сломлена реформами Клисфена, опиравшегося на афинский вооруженный демократический режим [24, с. 248–249]. И ни одно «социальное государство», даже во время своего расцвета в середине XX в., не распустило ни армию, ни полицию, ни чиновников.

Итак, анализ концепции Ф. Энгельса привел нас к затруднению: не модернизируя исторический процесс, нельзя утверждать, что уже в древности государство вырастает непосредственно из классовой борьбы в ее «чистом виде», из противоборства классов как политико-экономических общностей, как политических субъектов, как классов-для-себя. Сами классы как классы угнетенных, так и классы эксплуататоров еще только возникают, их представители свои интересы еще не осознают, а если и осознают, то в превратной форме. Господствует общинная и всякая иная корпоративная, племенная, сословная, цеховая и т. д. солидарность, заставляющая часто представителей разных классов действовать сообща (скажем, объединяясь ради защиты прав своего сеньора или привилегий своего полиса). Очевидно, что недостаточно объяснять возникновение государства одним только классовым соперничеством точно так же, как и возникновение частной собственности – одной только экономической выгодой. Требуется *что-то еще*, и С. де Бовуар в этом требовании [8, с. 46–47] оказывается права.

В поиске выхода из данного затруднения обратимся к К. Марксу. У него имеется работа, посвященная той же теме, что и рассмотренное уже произведение Ф. Энгельса. Речь идет о параграфе «Экономических рукописей 1857–1859 гг.», озаглавленном «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Первое, что бросается в глаза при его прочтении: рассматривая генезис частной собственности и государства, К. Маркс ни разу не использует понятия *класс*! Основные категории, которыми он описывает общественные процессы древности, это *труд, община, род, природа/земля, собственность, производство* и т. д. И ни слова о классах и классовой борьбе! Для К. Маркса, стало быть, дело вовсе не в них, не они в его теории являются факторами, рождающими частную собственность и государство.

Классик выделяет следующие древние «формы собственности»: «азиатская», «античная», «германская». Это многообразие есть следствие не столько поступательного общественного развития самого по себе (как трактовала докапиталистическую эпоху сталинская теория пяти формаций), сколько *природной разности стартовых общественных ситуаций*.

Каждая из этих «форм собственности» представляет собой оригинальный путь формирования частной собственности и государства. Для нашего исследования мы отвлечемся от их особенностей и укажем на их общий признак. По К. Марксу он состоит в том, что «отношение к земле как к собственности трудящегося индивида ... сразу же опосредовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как члена какой-либо общины, его естественно сложившимся существованием как члена племени и т. д.» [7, с. 478–479]. Эта «опосредствованная принадлежностью к общине собственность как *общая собственность*» существует в разных исторических формах, и К. Маркс описывает каждую из них [7, с. 479], однако, главным является то, что принадлежность к *целому* здесь служит основанием частного, а не наоборот. Поэтому богатство обособленных, частных, индивидов (в виде накопленных стоимостей), в данных условиях не выступает «как цель производства» (за исключением «немногих торговых народов»). Целью производства здесь является человек, «как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении» [7, с. 481]. Таково «древнее воззрение», отражающее наличие объединяющего начала, которое концентрирует в себе общий интерес коллектива, подконтрольного ему и в силу всего этого присваивающего себе часть прибавочного продукта. Это объясняет повсеместно распространенное в докапиталистической бесклассовой и сословно-классовой древности *частичное обратное перераспределение* последнего (потлач, реформы Солона, благотворительные практики мусульман во время ураза-байрам, распределение «хлеба и зрелищ» в древнем Риме и т. д.) – отдаленный прообраз возникшей в XX в. регулярной социально-ориентированной перераспределительной системы («социального государства» западного и советского типа). В последней, как раз, и воплотилась наиболее последовательным образом вышеупомянутая общественная амбивалентность государства. Но это уже результат острой классовой борьбы XIX в. и первой половины XX в., а не рудименты родового общества.

Таким образом, К. Маркс акцентирует экономические и военные причины возникновения государства как организатора коллективных работ, как представителя общих интересов. Иначе и быть не могло в эпоху, когда господствовало производство продуктов, удовлетворяющих потребности тех, кто их производит, т. е. потребительских стоимостей (см. [19, с. 49]). Это не отрицает существования в докапиталистическую эпоху классов и классовых противоречий, но говорит о том, что последние не выражали себя прямо, а были прикрыты толщей корпоративной, сословной структуры. Это обстоятельство существенно тормозило созревание классового самосознания, без которого невозможна классовая борьба. Протестное сознание и протестная практика тех столетий – от восстания античных рабов или должников до восстания тайпинов – не содержали в себе никакой социально-экономической альтернативы существующим порядкам. Ф. Энгельс связывает реформу Солона с «политической революцией», коль скоро она «вторгалась» в отношения собственности [5, с. 115]. Однако она

не выходила за рамки распределительных практик своей эпохи и за ней не следовали никакие изменения в самом господствующем способе производства. Сам переход от античного рабовладения к колонату во II и III вв. – это трансформация правовых отношений, прежде всего, в ходе которых экономический базис сословно-классового общества оставался прежним [18, с. 131–133].

На ранних стадиях классового общества потребности воспроизводства человеческой общности обуславливают необходимость существования некоего «объединяющего единого начала», концентрирующего в себе общую волю внутриплеменных единиц (семей, мелких общин) и выступающего в качестве организатора и руководителя их коллективного производственного процесса. Преобладающий ручной труд имеет принудительный характер. Эффективным он может быть только в общине, функционирующей лишь постольку, поскольку имеется внешнее объединяющее начало. В роли такого начала выступает вождь племени, представитель «важнейшей в племени семьи» (реже – отцы нескольких главенствующих семей). Будучи верховным распорядителем имущества своего племени, он становится, следовательно, «высшим собственником или верховным собственником, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы» [7, с. 468]. Для последних собственность опосредствуется волей действительного собственника, предоставляющего им право владения землей на основании общей для них обоим принадлежности к общине.

Подчеркнем повторением: потребность в «объединяющем едином начале», равно как и оно само, являются результатами общественно необходимого труда, имеющего, несмотря на свою общественную значимость, принудительный характер и потому не способного самоорганизоваться. Он требует *внешней* организации и *внешнего* управления. Разделение материального и духовного труда (отмеченное Ф. Энгельсом) здесь дополняется разделением труда на труд управленческий и производительный. Так труд порождает частную собственность, предполагает ее, создавая для нее сам ее предмет (стоимость) и являясь *общественно необходимым* условием для ее существования. Труд и частная собственность выступают в диалектическом единстве как *самоотчуждение* работника и *отчуждение* создаваемого им продукта, как целостное отчуждение, как тотальный распад связей между общественными индивидами и каждого из них с самим собой.

Пример Ф. Энгельса с Робинзоном и Пятницей следует дополнить. Экономическая выгода Робинзона не только в том, что, принуждая Пятницу к труду, он присваивает прибавочный продукт, необходимый ему для поддержания личной жизнедеятельности. Кроме того, выгода для него состоит и в избегании тех форм деятельности, которые сами по себе не являются потребностью Робинзона. Невозможно представить, что он стал бы отказываться в пользу Пятницы (тем более что тот в его глазах был существом второго сорта) от деятельности, которой бы наслаждался сам.

Итак, возникновение частной («обособленной» [5, с. 160]) собственности как отчуждаемой независимо от общества и возникновение ассоциированного с ней государства, являются следствиями принудительного характера общинного труда (самоотчуждения труда) и его разделения. Частная собственность выражает возникшее в результате роста самостоятельности общинников неравенство в распределении продуктов труда и закрепляет обще-

ственное разделение производительной деятельности. Противоположная концепция, изображающая дело так, будто причиной отчужденного принудительного труда, труда-средства, является частная собственность, чревата идеализациями первобытного коммунизма в духе *руссоистской утопии*. Еще абсурднее это выглядит, когда утверждают, что причиной отчужденного труда является капитализм (см., например, [25]).

«Рабство погубило Афины», – писал Энгельс [5, с. 119]. Но мы бы уточнили: погубило их то обстоятельство, что из социального организма, основанного на *самоотчуждении общинников в труде*, афинский полис превратился в общественный институт, основанный на их *отчуждении* друг от друга.

Трактовка «форм, предшествующих капиталистическому производству» в рукописях 1857–1861 гг., продолжает концепцию, изложенную К. Марксом в рукописях 1844 г.

Во-первых, в них К. Маркс многократно подчеркивает тождество частной собственности и отчуждения, выражаемого в труде. Например: «...под влиянием частной собственности, *то есть* [курсив наш. – А. К.] отчуждения человека...» [9, с. 116]. Или: «частная собственность, как материальное, резюмированное выражение отчужденного труда охватывает оба эти отношения: отношение рабочего к труду, к продукту своего труда и к не-рабочему и отношение не-рабочего к рабочему и к продукту его труда» [9, с. 99]. Словом, если «труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и разделение труда есть не что иное, как отчужденное полагание человеческой деятельности в качестве реальной родовой деятельности, или в качестве деятельности человека как родового существа» [9, с. 140].

Во-вторых, классик недвусмысленно указывает: «Хотя частная собственность и выступает как основа и причина самоотчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием... Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия. Только на последней, кульминационной стадии развития частной собственности вновь обнаруживается ее тайна: частная собственность оказывается, с одной стороны, продуктом самоотчужденного труда, а с другой стороны, средством его самоотчуждения, реализацией этого самоотчуждения» [9, с. 97].

Когда речь в социальном учении К. Маркса идет о разделении труда, отчужденном труде и частной собственности, то говорится об одном и том же, только под разными ракурсами и с использованием категорий из разных дисциплин: социологии, философии и политэкономии. «Отчуждение» есть категория философская, «разделение труда» и частная собственность – категории социологические или политэкономические (если политэкономия толковать как социологию экономики). Но описывается этими разными категориями один и тот же феномен: *внешнее опосредование социальных отношений/взаимодействий; косвенное общественное отношение* [12, с. 426], в котором исторически первичными являются *принудительный (отчужденный) труд* и *господствующие над человеком природные условия*.

Проанализировав отношение труда и частной собственности в Рукописях 1844 г., Маркс делает вывод, что противоречие между ними «есть противоречие отчужденного труда с самим собой» [9, с. 97] – различие в тождестве, существенное противоречие. Следовательно, противоречие между трудом и частной собственностью, напротив, есть «мнимое

[scheinbare] противоречие»¹ [26, с. 336]. Это многое объясняет в идейной эволюции промышленного пролетариата, которую он пережил в условиях «общества потребления» западного и советского типа.

В некоторых обществах, основанных на «азиатской» форме собственности, объективные потребности производства привели к возникновению элементов государства прежде, чем возникла индивидуальная частная собственность (обособленная от общинной). Они еще не возвышаются над ассоциацией производителей, а включены в нее в качестве органического элемента, поскольку подчинены общему интересу. Там же, где потребность в верховном организующем начале (государстве) была в силу производственной необходимости исключительно велика, это приводило к консервации данной формы собственности и способа хозяйствования, точнее, внешних их форм. Хотя община оставалась коллективным частным собственником земли, государство, используя свой аппарат насилия, становилось верховным организатором общественной жизни, противостоя родовую знати и защищая интересы общинного коллектива. Так произошло в странах Древнего Востока и раннеклассовых обществах Европы в эпоху бронзы. Это подтверждается этнографическими и историческими исследованиями советских ученых [29, с. 156; 30, с. 67].

Заключение. У К. Маркса и Ф. Энгельса – разные теории возникновения государства. Они отличаются друг от друга трактовкой роли труда в этом процессе. У Ф. Энгельса труд играет страдательную роль. У К. Маркса роль труда активная: труд сам создает свою противоположность – частную собственность, а вместе с ней и государство, которое возникает и существует в силу ограниченности труда. Государство в учении К. Маркса фигурирует как социальная сила, способная на самостоятельное, независимое от граждан (к какому бы классу они не принадлежали) развитие, но не как простая функция доминирования класса, отличного от самой государственной машины. В работе 1851–1852 гг. «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта» К. Маркс воплотит этот подход в концепции «бонапартизма». Интересно, что и сам Ф. Энгельс в одном из писем рассуждал в том же духе: «Для меня становится все более ясным, что буржуазия не способна властвовать сама непосредственно, и поэтому там, где нет олигархии, которая могла бы взять на себя за хорошее вознаграждение (как она это делает здесь в Англии) управление государством и обществом в интересах буржуазии, – там бонапартистская полудиктатура является нормальной формой. Она отстаивает существенные материальные интересы буржуазии даже против воли буржуазии, но в то же время не допускает ее к самой власти. С другой стороны, сама эта диктатура, в свою очередь, вынуждена против своей воли объявлять своими эти материальные интересы буржуазии» [31, с. 174].

¹ «Wir aber sehn ein, das dieser scheinbare Widerspruch der Widerspruch der entfremdeten Arbeit mit sich selbst ist, und das die Nationalökonomie nur die Gesetze der entfremdeten Arbeit ausgesprochen hat» [27, S. 373]. «Но мы видим, что это мнимое противоречие есть противоречие отчужденного труда с самим собой, и что политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда» [26, с. 336; 28, с. 570]. Заметим, что в издании 1974 г. «scheinbare» переведено как «очевидное» [9, с. 97]. Этот перевод представляется нам ошибочным, ибо противоречит учению классика о фундаментальном противоречии между отчужденным трудом [entfremdeten Arbeit] и свободной деятельностью, самодеятельностью [die Selbstbetätigung], на фоне которого противоречие между трудом и частной собственностью действительно является мнимым, кажущимся, «scheinbare» (см.: [12, с. 492–530]). В издании 1956 г. содержится верный перевод.

Поздние рассуждения К. Маркса в конспекте работы Л. Моргана «Древнее общество» [32] не дают оснований говорить, что он пересмотрел свою более раннюю концепцию, хотя именно этот конспект был использован Ф. Энгельсом для написания своего «Происхождения...».

Мы не хотим сказать, что имеется какой-то «энгельсизм» как отдельное от марксизма учение. Речь о том, что классический марксизм – это живой организм, имеющий внутри себя собственные противоречия, порожденные обстоятельствами его исторического существования.

В неожиданном ракурсе теперь предстают концепции государства таких западных исследователей, как Т. Скочпол [33], М. Манна [34], Р. Лахмана [35] и Б. Джессопа [36]. Они формулировали свои идеи в полемике с якобы противоположной концепцией классического марксизма. Но... дело оказывается сложнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ray L., Wilkinson Ia. Interview with David McLellan July 2018 // J. of Classical Sociology. 2019. Vol. 19, iss. 1. pp. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468795X1881058>.
2. Рубель М. Маркс против марксизма / пер. с фр. Ю. В. Гусевой. М.: Праксис, 2006.
3. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007.
4. Кондрашов П. Н. Девять мифов о философии Карла Маркса. От демифологизации к реконструкции изначальных идей. М.: ЛЕНАНД, 2023.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23–178.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»): в 2 ч. / пер. с нем. Ч. I. М.: Политиздат, 1980.
8. Де Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. М.: Азбука-Аттика, 2017.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
10. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Сочинения: в 2 т. Т. 1. / пер. с нем. Б. В. Мееровского, С. А. Ромашко. М.: Наука, 1995. С. 90–146.
11. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955. С. 490–810.
12. Коряковцев А. А., Вискунов С. В. Марксизм и полифония разумов. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. / пер. с нем. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–338.
14. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с лат. и англ. Н. Федоров, А. Гутерман // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–545.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
16. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962.

17. Ленин В. И. Великий почин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 1–29.
18. Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука, 1986.
19. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
20. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
21. Маркс – Энгельсу, 18 февраля 1865 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1963. С. 62–65.
22. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 65–185.
23. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 64–84.
24. Архаическая Греция // История Европы: в 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 217–258.
25. Нарский И. С. Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983.
26. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010.
27. Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Bd. 1–43. Bd. 2. Berlin: Dietz-Verlag, 1982. S. 363–375.
28. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517–642.
29. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985.
30. Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 57–68.
31. Энгельс – Марксу в Маргет (Манчестер) 13 апреля 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1963. С. 174–175.
32. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. Т. IX / под ред. Митина М. Б. Л.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. С. 1–194.
33. Скорчол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2017.
34. Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты / пер. с англ. А. Герасимова, М. Масловского // Неприкосновенный запас. 2018. № 2. С. 3–33.
35. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Территория будущего. 2010.
36. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: ДЕЛО, РАНХиГС, 2019.

Информация об авторе.

Коряковцев Андрей Александрович – кандидат философских наук (1994), доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, 620091, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, история марксизма и марксистских школ, история социализма, эволюция капитализма.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.12.2023; принята после рецензирования 08.01.2024; опубликована онлайн 21.02.2024.

REFERENCES

1. Ray, L. and Wilkinson, Ia. (2019), "Interview with David McLellan July 2018", *J. of Classical Sociology*, vol. 19, iss. 1, pp. pp. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468795X1881058>.
2. Rubel, M. (2006), *Marx: critique du marxisme*, Transl. by Guseva, Yu.V. Praxis, Moscow, RUS.
3. Lyubutin, K.N. and Kondrashov, P.N. (2007), *Filosofskaya antropologiya Karla Marksa* [Philosophical anthropology of Karl Marx], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.
4. Kondrashov, P.N. (2023), *Devyat' mifov o filosofii Karla Marksa. Ot demifologizatsii k rekonstruktsii iznachal'nykh idei* [Nine myths about the philosophy of Karl Marx. From demythologization to reconstruction of original ideas], LENAND, Moscow, RUS.
5. Engels, F. (1961), "Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., Politizdat, Moscow, USSR, pp. 23–178.
6. Marx, K. and Engels, F. (1955), "The German Ideology", *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 7–544.
7. Marx, K. (1980), *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf) 1857–1858: Anhang, 1850-1859*, part I, Politizdat, Moscow, USSR.
8. De Beauvoir, S. (2017), *Le Deuxième Sexe*, Transl. by Malakhova, I., Orlova, E. and Sabashnikova, A., Azbuka-Attika, Moscow, RUS.
9. Marx, K. (1974), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 42, Transl., Politizdat, Moscow, USSR, pp. 41–174.
10. Feuerbach, L. (1995), "Grundsätze der Philosophie der Zukunft", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 1, Transl. by Meerovskii, B.V. and Romashko, S.A., Nauka, Moscow, RUS, pp. 90–146.
11. Feuerbach, L. (1995), "Vorlesungen über das Wesen der Religion", *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works], in 2 vol., vol. 2, Gospolitizdat, Moscow, RUS, pp. 490–810.
12. Koryakovtsev, A.A. and Viskunov, S.V. (2017), *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and polyphony of minds], Kabinetnyi uchenyi, M., Ekaterinburg, RUS.
13. Engels, F. (1961), "Anti-Dühring", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., vol. 20, Transl., Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 5–338.
14. Hobbes, T. (1991), "Leviathan; Or The Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil", *Sochineniya* [Works], in 2 vol., vol. 2, Transl. by Fedorov, N. and Guterman, A., Mysl', Moscow, RUS, pp. 3–545.
15. Marx, K. and Engels, F. (1955), "Manifests der Kommunistischen Partei", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 4, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 419–459.
16. Marx, K. (1962), "Das Kapital. B. III", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 25, part. 2, Gospolitizdat, Moscow, USSR.
17. Lenin, V.I. (1970), "The Great Initiative", *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed., vol. 39, Politizdat, Moscow, USSR.
18. Ilyushechkin, V.P. (1986), *Soslovno-klassovoe obshchestvo v istorii Kitaya (opyt sistemno-strukturnogo analiza)* [Estate-class society in the history of China (experience of system-structural analysis)], Nauka, Moscow, USSR.
19. Marx, K. (1960), "Das Kapital. Bd. I", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 23, Gospolitizdat, Moscow, USSR.
20. Gurevich, A.Ya. (1990), *Srednevekovyi mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The medieval world: the culture of the silent majority], Iskusstvo, Moscow, USSR.
21. "Marx to Engels, Feb. 10, 1865" (1963), Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 31, Politizdat, Moscow, USSR.
22. Marx, K. (1955), "Misère de la philosophie", Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 4, Gospolitizdat, Moscow, USSR.

23. Lenin, V.I. (1970), "About the state. Lecture at Sverdlovsk University on July 11, 1919", *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed., vol. 39, Politizdat, Moscow, USSR,
24. "Archaic Greece" (1988), *Istoriya Evropy in 8 vol., vol. 1, Drevnyaya Evropa* [History of Europe; in 8 vol., vol. 1. Ancient Europe], Nauka, Moscow, USSR, pp. 217–258.
25. Narskii, I.S. (1983), *Otchuzhdenie i trud: po stranitsam proizvedenii K. Marksa* [Alienation and labor: through the pages of the works of K. Marx.], Mysl', Moscow, USSR.
26. Marx, K. (2010), *Ehkonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskii proekt* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works], Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
27. Marx, K. (1982), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte", Marx, K., Engels, F. *Gesamtausgabe (MEGA)*, Herausgegeben vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. Bd. 2. Dietz-Verlag. Berlin, GER, S. 363–375.
28. Marx, K. (1956), "Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844", Marx, K. and Engels, F. *Iz rannikh proizvedenii* [From early works], Gospolitizdat, Moscow, USSR.
29. Bongard-Levin, G.M. and Il'in, G.F. (1985), *Indiya v drevnosti* [India in ancient times], Nauka, Moscow, USSR.
30. Kabo, V.R. (1966), "Formation of class society among the peoples of Oceania", *Narody Azii i Afriki*, no. 2, pp. 57–68.
31. "Engels to Marx in Margate (Manchester) April 13, 1866" (1963), Marx, K. and Engels, F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], 2nd. ed., Transl., vol. 31, Politizdat, Moscow, USSR.
32. Marx, K. (1941), "Conspectus of Lewis Morgan's "Ancient Society", *Arhiv Marksa i Engel'sa* [Marx and Engels Archive], vol. IX, OGIz-Gospolitizdat, Leningrad, USSR. С. 1–194.
33. Skocpol, T. (2017), *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*, Transl. by Moiseev, S., Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.
34. Mann, M. (2018), "Mann M. Autonomous power of the state: origins, mechanisms and results", Transl. by Gerasimov, A. and Maslovskii, M., *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, pp. 3–33.
35. Lachmann, R. (2010), *Capitalists in spite of themselves .elite conflict and economic transitions in early modern Europe*, Transl. by Lazarev, A., Territoriya budushchego, Moscow, RUS.
36. Jessop, B. (2019), *The State Past, Present, Future*, Transl. by Moiseev, S., in Karasev, D. (ed.), DELO, RANHiGS, RUS.

Information about the author.

Andrey A. Koryakovtsev – Can. Sci. (Philosophy, 1994), Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov ave., Ekaterinburg 620091, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, the history of Marxism and Marxist schools, the history of socialism, the evolution of capitalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.12.2023; adopted after review 08.01.2024; published online 21.02.2024.

Оригинальная статья
УДК 168.53, 172.1
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-32-41>

Трансформация взаимодействия власти и общества в контексте модернизации информационных технологий

Андрей Игоревич Пономарёв¹, **Сергей Сергеевич Баженов²**

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>

²ssbazhenov@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2309-420X>

Введение. Статья посвящена влиянию цифровых технологий на политические процессы. Целью статьи является формулировка основных тенденций и перспектив развития цифровых технологий в их приложении к политической практике.

Методология и источники. В статье применяется анализ тенденций развития техники в виде искусственного интеллекта в прикладном аспекте – политической практике. Современное применение искусственного интеллекта в политическом контексте излагается по тексту С. Рассела и П. Норвига.

Результаты и обсуждения. Анализ тенденций внедрения цифровых технологий в политический процесс показывает, что можно выделить три этапа на пути трансформации политических практик. На первом этапе доминируют аналоговые технологии политической репрезентации несмотря на то, что цифровые технологии существуют и активно применяются в жизни людей. На втором этапе происходит активное внедрение цифровых технологий со стороны политиков, однако граждане не могут активно участвовать в политическом процессе. Третий этап делает интернет-пользователей не пассивными, а активными деятелями политического процесса. На третьем этапе в политическую практику активно внедряются системы ИИ, связанные с обработкой больших объемов данных. Современное состояние политической системы во многих аспектах базируется на успешности работы систем ИИ, однако нет уверенности, что эти системы будут работать успешно. Активное внедрение ИИ в политическую практику имеет также перспективы негативного развития трудовых отношений в государстве.

Заключение. История внедрения цифровых технологий в политическую практику показывает как позитивные, так и негативные тенденции. Ответ на вопрос, как снизить эффект от негативных тенденций, таких как деградация трудовых отношений, еще предстоит найти.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые технологии, геймификация, политические практики, цифровая политика

Для цитирования: Пономарёв А. И., Баженов С. С. Трансформация взаимодействия власти и общества в контексте модернизации информационных технологий // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 32–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-32-41.

© Пономарёв А. И., Баженов С. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Transformation of Government-Society Relations in Context of Contemporary Informational Technologies

Andrei I. Ponomarev¹, **Sergei S. Bazhenov²**

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*aiponomarev@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9326-4336>*

²*ssbazhenov@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2309-420X>*

Introduction. The article concerns the problem of digital technologies influence on political processes. The main goal of the paper is clarification of trends and perspectives of digital technologies in their application to political practice.

Methodology and sources. Paper's main approach is analysis of contemporary trends in artificial intelligence in context of political practices. Modern applications of AI-technologies in political practices examined on works of S. Russel and P. Norvig.

Results and discussion. Analysis of trends in digital technologies application in political process shows that it could be distinguished three stages in transformation of political practices. On the first stage analogous technologies are dominated despite those digital technologies exist and apply widely in human lives. On the second stage digital technologies are widely applied by politicians but citizens couldn't actively influence in political process. The third stage make internet users true actors of political practices. On the same stage artificial intelligence systems concerned to big data is vigorously introduced in politics. Contemporary political systems in many ways based on success in AI-technologies however there is no full confidence in such a success in near future. Mass introduction of AI-technologies in politics has also negative influence on labor relations in society.

Conclusion. Review of digital technologies application in political practice shows positive trends as well as negative ones. The answer on question how minimize negative effect of degradation of labor relations is still to be found.

Keywords: artificial intelligence, digital technologies, gamification, political practices, digital politics

For citation: Ponomarev, A.I. and Bazhenov, S.S. (2024), "Transformation of Government-Society Relations in Context of Contemporary Informational Technologies", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 32–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-32-41 (Russia).

Введение. Трансформация общественных практик, вызванная информатизацией многих сфер жизни, в том числе государственного управления и политической коммуникации как следствие вызывает постепенное преобразование политической жизни. Дистанционное голосование, правительство в смартфоне, аккаунты политиков в социальных сетях, сайты государственных услуг – вот неполный список инноваций, который можно продолжать и далее. Нельзя сказать, что это первый подобный случай в истории, когда технологии, нацеленные на массовую коммуникацию, становятся причиной преобразования политической жизни. В качестве примера подобной трансформации можно представить влияние газет на общественную и политическую жизнь, что прослеживается с конца XVIII в., т. е. с момента вовлеченности большого числа граждан в чтение и обсуждение политических личностей и событий [1, 2]. Газета выступает в качестве инструмента воздействия на субъектов политической жизни с целью создания желаемого общественного мнения. Позднее количество инструментов информационного вовлечения только увеличивается – добавляются радио, теле-

видение, Интернет, программные средства и решения с использованием технологии искусственного интеллекта (далее ИИ).

С точки зрения влияния информационных технологий и ИИ актуальными видятся несколько важных вопросов. Во-первых, требуется описание основных этапов применения указанных технологий и их влияние на развитие политических практик. Во-вторых, следует проанализировать современные технологии, применяемые в политической сфере. В-третьих, предложить возможные варианты развития описываемой прикладной области с учетом передовых информационных методов, включая ИИ. Анализ применения технологий ИИ в политической сфере позволяет самым наглядным образом продемонстрировать перспективы развития трудовых отношений, а также перспективы возможного коллапса политической системы по причине большой зависимости от систем ИИ.

Отметим также, что понятие ИИ является многозначным, включающим как научную область, так частные технологии, разрабатываемые под конкретные задачи, иногда в исследовательских целях. При этом ИИ можно рассматривать как проект создания искусственного разума в противовес естественному разуму человека, что на современном этапе некоторыми авторами ставится под сомнение [3]. В этой связи в ходе дальнейшего повествования предлагается рассматривать ИИ только как совокупность технологических решений, относящихся к сфере информационных технологий. Инструментальность применения ИИ выводит на первый план человека как бенефициара, а также субъекта политического взаимодействия в широком понимании этого процесса.

Методология и источники. В качестве основы исследования выступает сравнительный анализ, позволяющий выделить основные черты этапов применения информационных технологий, а также выявить современные технологии, применяемые в описываемой сфере. Центральной работой в области ИИ является работа С. Рассела, П. Норвига, обобщающая основные сведения с программной точки зрения [4]. Также приводится ряд работ, описывающих особенности применения информационных технологий в сфере политического взаимодействия. Основное внимание в статье уделено анализу и прогнозированию тенденций развития современных систем ИИ в их приложении к политической сфере.

Результаты и обсуждение. Для понимания модернизации информационных технологий в контексте взаимодействия власти и общества необходимо обратиться к понятию «информационные технологии», которое в широком смысле предполагает совокупность методов обработки информации, а в узком – программные и аппаратные вычислительные средства, связанные с компьютерами и их применением. В этой связи для рассмотрения средств массовой информации и методов их использования для воздействия на общество может условно рассматриваться и применение информации и коммуникационных технологий в докомпьютерную эпоху. И хотя, строго говоря, подобные технологии не относятся к информационным технологиям, на современном этапе средства компьютеризации и цифровизации широко используются в СМИ.

Таким образом, в качестве первого этапа развития и применения информационных технологий в сфере политики можно выделить период от становления первых печатных СМИ, нацеленных на широкую аудиторию (конец XVIII в.), до начала широкого применения Интернета (середина 90-х гг. XX в.). Для этого этапа характерно распространение аналоговых

технологий массовых коммуникаций (газеты, радио, телевидение). Вместо цифровых методов применяются численные, а также математическое моделирование.

Для второго этапа характерно появления первичного интереса и освоение информационного пространства как нового канала коммуникации, что фактически приравнивает интернет к другим традиционным средствам массовой коммуникации.

Российское политологическое сообщество пытается осмыслить происходящую под влиянием информационных технологий трансформацию с начала 2000-х гг. Одной из первых работ в этой области была статья Г. В. Грачева «Информационные технологии политической борьбы в российских условиях», которая обратила внимание на проблематику информационных войн и применения нового средства – информационных технологий [5]. В последующие годы был выполнен ряд научно-исследовательских работ в описываемой области, что характеризует высокий интерес молодых ученых к проблеме [6–9]. Отметим, что исследования, проводимые в данной сфере, констатируют в первую очередь коммуникативную сторону взаимодействия политических субъектов. Также в качестве рассматриваемого направления научного анализа выступала репрезентация власти, которая осуществляется посредством формирования образа политического деятеля в сети интернет как особого пространства для общения с избирателями. Взаимодействие осуществляется в одностороннем формате, т. е. политик формирует информационный повод, размещает его в сети и далее отслеживает реакцию аудитории. То есть фактически качественной трансформации на данном этапе не происходит. Политические субъекты продолжают занимать неравное положение по отношению друг к другу, сложившаяся модель «ведущий политик и ведомый электорат», продолжает воспроизводиться уже в условиях информационной реальности глобальной сети интернет.

К концу первого десятилетия XXI в. начинает складываться третий этап, который можно охарактеризовать повышением роли отдельных граждан (политических активистов, блогеров, лидеров общественного мнения) в политической коммуникации. Основу этого процесса заложило широкое распространение социальных сетей, видео-сервисов и мессенджеров, что было спровоцировано доступностью интернета как средства связи с одной стороны, так и распространением смарт-устройств (телефоны, планшеты, ноутбуки) с другой. Все большее и большее число людей становилось постоянными пользователями сети интернет, что породило взрывной рост численности сообществ, а также запрос на цифровизацию некоторых аспектов повседневной жизнедеятельности. В этот период появляются и начинают развиваться сайты и страницы в социальных сетях государственных учреждений, получает распространение иная форма взаимодействия, предполагающая наличие откликов, полей для связи и пр., что принципиально изменило коммуникацию. Теперь органы госвласти и политики не только формируют повестку посредством организации новостного портала, как это было на предыдущем этапе, но и начинают реагировать на запросы граждан.

В некоторой степени происходит «геймификация» взаимодействия государственных органов: с одной стороны, сам процесс становится более прозрачным и алгоритмизированным, с другой – наличие специальных приложений, возможности подгружать сканированные версии документов существенно облегчают процесс получения государственных услуг или политической коммуникации, что повышает его результативность. Если на предыдущем этапе проблемы локального и муниципального уровня, даже в случае освещения федеральными СМИ, так и

оставались чем-то далеким, то теперь информатизация позволила не только объединиться локальным сообществам по интересам, но и вызывать широкий общественный резонанс.

На третьем этапе помимо осмысления роли информационных технологий в политике наметилась тенденция перехода полученных знаний в область образовательной практики, появляются учебные пособия, посвященные теме, открываются магистерские программы [10–12]. То есть практическая деятельность по применению информационных технологий в политике становится более организованной, нацеленной на профессионализацию, превращаясь в дополнительный инструмент взаимодействия власти и общества.

Исследования образа политического деятеля середины второго десятилетия XXI в. также касаются тематики применения информационных технологий [13–17]. Во-первых, при анализе образа широко используются интернет-источники, с другой стороны, в качестве элемента образа затрагиваются такие характеристики как «наличие страницы или личного канала», а также «общение с аудиторией» [14, с. 168]. При этом следует отметить, что факт взаимодействия с аудиторией не является новшеством, но изменился формат, способы коммуникации, а также степень вовлеченности аудитории.

В последнее десятилетие начали появляться работы о применении ИИ в сфере политического взаимодействия, что позволяет говорить о начале четвертого этапа применения информационных технологий – этапа внедрения ИИ. В этой связи отдельно следует обратить внимание на аспект нормативно-правового и этического регулирования, отраженный в ряде работ [18–22]. Вопрос применения ИИ в широком смысле связан с рисками для человечества, а в более узком – с угрозой «цифрового концлагеря». Как уже упоминалось ранее, проблема рисков для человека со стороны ИИ является в настоящее время дискуссионной, при этом не поддается сомнению вопрос необходимости контроля применения технологий ИИ для обеспечения безопасности, неприкосновенности, сохранения персональных и биометрических данных.

Как и в случае с информационными технологиями ИИ также внедряется в образовательную практику при подготовке политологов, что выступает в качестве маркера ускорения процессов внедрения новых технологий в профессиональную деятельность, а также актуальность и востребованность знаний и навыков в области ИИ [23].

Отдельный интерес представляют текущие и перспективные возможности применения технологий ИИ в политической деятельности. А. Тамрович и А. Алмамаев выделяют следующие направления применения подобных технологий [21]:

- создание агитационного контента (текстовые и визуальные материалы);
- рассылка таргетированных сообщений;
- использование чат-ботов для ответов на вопросы избирателей, т. е. использование цифрового ассистента, что существенно повысит качество работы и аккумулирование информации по основным запросам;
- моделирование политических предпочтений, выстраивание модели предпочтений избирателей, а также их кластеризация;
- совершенствование предсказательных моделей за счет анализа больших данных;
- проведение социологических опросов и их цифровой анализ;
- анализ фейков, а также последующая работа по их разоблачению.

Приведенный обзор показывает, что изменению подвержена сама деятельность разных акторов в политическом пространстве. Для политических деятелей всегда была важна правильная репрезентация в медиа, но в современных условиях множества фейков, правильная репрезентация становится труднее. Для политиков всегда была важна коммуникация с электоратом и населением, но при имеющихся возможностях моделирования и манипулирования массовым мнением возникают сомнения, может ли политик вообще получить знание о массовых предпочтениях или только о результатах политтехнологической практики. Массовая коммуникация в политической сфере сегодня также невозможна без цифровых технологий, к которым можно отнести и электронные приемные различных органов власти, и разработку специализированных рекламных и агитационных сообщений для разных групп населения. Все указанные формы коммуникации уже немыслимы без применения ИИ, поскольку полноценная обработка большого объема данных невозможна с помощью одних только человеческих ресурсов. Аналогично прогнозы общественных процессов всегда были важны для политической деятельности, и сегодня эти объемные данные также нуждаются в применении ИИ для обработки.

Однако существует несколько препятствий, делающих такое развитие невозможным. Во-первых, технологии ИИ энергозатратны, при этом наблюдается тенденция падения выработки энергии, неизбежным результатом которой является падение уровня технического уклада. При продолжении этой тенденции политикам будущего придется выбирать, какую из видов экономической деятельности обеспечивать энергией в первую очередь, а какую по остаточному принципу. Поскольку сама политическая деятельность зависит от энергозатратного применения технологий ИИ, выбор отрасли, обеспечиваемой энергией, всегда будет базироваться не только на объективных представлениях об интересах государства, не только на лоббистском факторе, но и на исключительно субъективных интересах – никто из перспективных политиков не будет отключать политическую систему.

Во-вторых, у применения ИИ есть предел человеческого контроля: если человек перестанет понимать задачи ИИ и контролировать его, то отношения ИИ–человек перестанут соответствовать изначальной цели. Не обязательно все люди должны понимать любые действия механизмов и программное обеспечение, но если никто не понимает, как работает система с ИИ, то эту систему контролировать невозможно, следовательно, невозможно ее и использовать. В политическом контексте все эти эффекты усугубляются тем, что от решений политиков зависят жизни многих граждан. В-третьих, в современной ситуации не прямой контакт политика и избирателя обрастает большим количеством ИИ-посредников. Политическая сфера является одной из важнейших в жизни человека, позволяя ему принимать деятельное участие и влиять на подобных себе, поэтому подмена межлических отношений отношениями человек–машина в политической области однозначно будет приводить к политическому отчуждению.

Меняется не только форма политической деятельности, но и ее содержание. Применение систем ИИ само становится вопросом, регулярно обсуждаемым в политическом контексте, прежде всего в трудовых отношениях. Несмотря на то, что зачастую проблематика ИИ обсуждается в контексте массового трудоустройства и безработицы, а также проблем рутинного и творческого труда, истинные причины лежат глубже. Замена ручного труда на машинный яв-

ляется частью политического контекста уже по причине того, что организация трудовых отношений находится в рамках утопического мышления и в рамках желаемого образа будущего. Тяжелый труд может приносить плоды, но редко когда бывает частью желаемого будущего. Повсеместное внедрение машинного труда с применением ИИ не только трансформирует массовые представления о желаемом будущем, в котором не будет необходимости в тяжелом труде, но и создает впечатление (возможно, ложное), что такое общественное состояние придет весьма скоро. Среди граждан растет убежденность в том, что скоро их труд будет не нужен, что определяет и их планы на будущее, и их политические предпочтения.

Заключение. Необходимо констатировать, что информатизация и применение цифровых технологий приводит к переменам, которые несут за собой качественную трансформацию политической жизни. В ходе развития информационных технологий политическая сфера уже прошла несколько этапов трансформации, при этом нельзя утверждать, что процесс завершен. Можно констатировать, что развитие технологий ИИ оказывает существенное влияние на политическую сферу, и это влияние будет только усиливаться. В этой связи внимание научного сообщества и широкой общественности, привлеченное к проблеме внедрения ИИ, создает условия для контроля со стороны общества и осуществления задачи минимизации отрицательных эффектов от применения описываемых технологий. Возможный технологический спад или коллапс из-за нехватки энергии с неизбежностью вызовет и политический кризис, поскольку сама политическая система зависит от того, насколько эффективно ИИ будет справляться с обработкой больших данных и того, насколько специалисты в области ИИ будут способны понимать и контролировать работу этих систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сабова А. Д. Французская массовая пресса в 1881–1914 гг.: развитие традиций фельетона и репортажа // МедиаАльманах. 2019. № 2 (91). С. 123–133. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2019.123133.
2. Винничук А. В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S14. С. 79–84.
3. Walsh T. The Singularity May Never be Near // Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016), Phoenix, Arizona, February 12–13th, 2016.
4. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход: в 3 т. Т 1. 4-е изд. / пер. с англ. и ред. А. В. Слепцова. СПб.: Диалектика, 2021.
5. Грачев Г. В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 151–156.
6. Соустин Ю. В. Современные информационные технологии в российском политическом процессе как инструмент взаимодействия государства и общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Российская акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 2005.
7. Соленикова Н. В. Политический интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Российский гос. соц. ун-т. М., 2007.
8. Кондрашина Н. В. Интернет-технологии как инструмент взаимодействия политической власти и общества в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Астраханский. гос. ун-т. Астрахань, 2009.

9. Кашина Е. А. Формирование электронного правительства в Российской Федерации: социально-политический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Уфимский. гос. нефт. технич. ун-т. Уфа, 2009.
10. Балашов А. Н. Информационные технологии в политике: сущность, содержание и классификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2 (32). С. 85–91.
11. Поступление на программы магистратуры // СПбГУ. URL: <https://politology.spbu.ru/obrazovanie/postupayuschim/magistratura/> (дата обращения: 30.09.2023).
12. Белянцев А. Е., Берендеев В. А., Шамин И. В. Новые информационные технологии в мировой политике: учеб.-метод. пособие. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019.
13. Стексова Т. И. Образ политика в СМИ и обыденном языковом сознании // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, № 6. С. 78–83.
14. Комарова А. А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // Вестн. университета. 2021. № 6. С. 166–171. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-166-171.
15. Хачмафова З. Р., Погребняк Н. В. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе // Вестн. АГУ. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 112–116.
16. Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян / М. Ю. Виноградов, Е. Г. Джибилова, Н. С. Попов и др. // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7, № 1. С. 76–90. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-76-90>.
17. Белов С. И. Проблемы цифровизации политической коммуникации между властью и обществом в современной России // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 3. С. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22>.
18. Воронцов С. А., Мамычев А. Ю. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. Вестн. ВГУЭС. 2019. Т. 11, № 4. С. 9–22. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-4/009-022.
19. Бахтеев Д. В. Предпосылки становления и этапы развития технологии искусственного интеллекта // Genesis: исторические исследования. 2019. № 8. С. 89–98. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.8.30382.
20. Блажеев В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2022.
21. Тамрович А., Алмамаев А. Искусственный интеллект идет в политику / Российский совет по международным делам. 06.07.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyu-intellekt-idet-v-politiku/> (дата обращения: 28.11.2023).
22. Федорченко С. Н. Искусственный интеллект в сфере политики, медиапространства и государственного управления: размышления над тематическим портфелем // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 3–9. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-9.
23. Программа подготовки магистров: искусственный интеллект и цифровые технологии в современной политике / Факультет политологии МГУ им М. В. Ломоносова. URL: https://polit.msu.ru/abit/master/digital_politics/ (дата обращения: 30.09.2023).

Информация об авторах.

Пономарёв Андрей Игоревич – старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, история науки, философия сознания, моральная философия.

Баженов Сергей Сергеевич – аспирант, старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор шести научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, моральная философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.12.2023; принята после рецензирования 08.01.2024; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Sabova, A.D. (2019), "The French mass press in 1881–1914: development of feuilleton and reportage traditions", *MediaAlmanah*, no. 2 (91), pp. 123–133. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2019.123133.
2. Vinniichuk, A.V. (2006), "The emergence and formation of a state newspaper in Russia: mid-19th – early 20th centuries", *Univ. News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, no. S14, pp. 79–84.
3. Walsh, T. (2016), "The Singularity May Never be Near", *Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016)*, Phoenix, Arizona, USA, February 12–13th, 2016.
4. Russel, S. and Norvig, P. (2021), *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, 4-th ed., in 3 vol., vol. 1., Transl. from English, Dialektika, SPb., RUS.
5. Grachyov, G.V. (2000), "Information Technologies of Political Struggle under Russia's Conditions", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 151–156.
6. Soustin, U.V. (2005), "Modern information technologies in the Russian political process as a tool for interaction between state and society", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Russian Academy of Civil Service under the President of the Russian Federation, Moscow, RUS.
7. Solenikova, N.V. (2007), "Political Internet in Russian election campaigns: trends and development problems", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Russian State Social Univ., Moscow, RUS.
8. Kondrashina, N.V. (2009), "Internet technologies as a tool for interaction between political power and society in modern Russia", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Astrakhan State Univ., Astrakhan, RUS.
9. Kashina, E.A. (2009), "Formation of electronic government in the Russian Federation: socio-political aspect", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Ufa State Univ., Ufa, RUS.
10. Balashov, A.N. (2014), "Information technologies in politics: definition, content and classification", *Central Russian J. of Social Sciences*, no. 2 (32), pp. 85–91.
11. "Admission to master's programs", *SPbU*, available at: <https://politology.spbu.ru/obrazovanie/postupayuschim/magistratura/> (accessed 30.09.2023).
12. Belyantsev, A.E., Berendeev, V.A. and Shamin, I.V. (2019), *Novye informatsionnye tekhnologii v mirovoi politike* [New information technologies in world politics], Izd-vo NNGU, N. Novgorod, RUS.
13. Steksova, T.I. (2012), "The image of a politician in mass media in the common language usage" *Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, vol. 11, no. 6, pp. 78–83.
14. Komarova, A.A. (2021), "The image of an ideal politician in the minds of Russian youth", *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 166–171. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-166-171.
15. Khachmafova, Z.R. and Pogrebnyak, N.V. (2018), "Metaphorical modeling of an image of the politician in a media discourse", *The Bulletin of Adyghe State Univ. Ser. 2. Philology and Art Studies*, no. 4 (227), pp. 112–116.
16. "The Image of the digital world and the perception of digitalization policy in the public consciousness of Russians" (2023), M.Yu. Vinogradov, E.G. Dzibilova, N.S. Popov, G.D. Sultanova and E.S. Fidrya, *J. of political research*, vol. 7, no. 1, pp. 76–90. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-76-90>

17. Belov, S.I. (2021), "Problems of digitalization of political communication between government and society in modern Russia", *J. of political research*, vol. 5, no. 3, pp. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-3-16-22>.

18. Vorontsov, S.A. and Mamychyev, A.Yu. (2019), "Artificial intelligence" in modern political and legal life of society: problems and contradictions of digital transformation", *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State Univ. of Economics and Service*, vol. 11, no. 4, pp. 9–22. DOI: [10.24866/VVSU/2073-3984/2019-4/009-022](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-4/009-022).

19. Bakhteev, D.V. (2019), "Prerequisites for establishment and development stages of the technology of artificial intelligence", *Genesis: Historical research*, no. 8, pp. 89–98. DOI: [10.25136/2409-868X.2019.8.30382](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.8.30382).

20. Blazheev, V.V. (2022), *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v usloviyakh pandemii i infodemii* [Legal regulation of artificial intelligence in a pandemic and infodemic], in Blazheev, V.V. and Egorova, M.A. (eds.), Prospekt, Moscow, RUS.

21. Tamrovich, A. and Almatatov, A. (2023), "Artificial intelligence goes into politics", *Russian International Affairs Council*, 06.07.2023, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-idet-v-politiku/> (accessed 28.11.2023).

22. Fedorchenko, S.N. (2020), "Artificial Intelligence in politics, media and public administration: reflections on the thematic portfolio", *J. of political research*, vol. 4, no. 2, pp. 3–9. DOI: [10.12737/2587-6295-2020-3-9](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-9).

23. "Master's educational program: Artificial intelligence and digital technologies in modern politics", *Faculty of Political Science MSU*, available at: https://polit.msu.ru/abit/master/digital_politics/ (accessed 30.09.2023).

Information about the authors.

Andrei I. Ponomarev – Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, history of science, philosophy of mind, moral philosophy.

Sergei S. Bazhenov – Postgraduate, Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 6 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, moral philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 12.12.2023; adopted after review 08.01.2024; published online 21.02.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.454

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55>

Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа)

Ольга Николаевна Барина¹, Ольга Николаевна Кузина²,
Ирина Владимировна Манаева³✉

^{1, 2, 3}Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

¹bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>

²olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>

³✉ manaeva.i.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4530-9699>

Введение. Актуальность изучения национальных диаспор в России обусловлена активизацией этноконфессиональных противоречий в ближнем зарубежье и расширением миграционных потоков. Повышается значимость вопросов адаптации и интеграции мигрантов в рамках устоявшихся региональных социумов, фиксируется определенный конфликтогенный потенциал внутри диаспор. Научная новизна состоит в том, что в научный оборот были введены данные социологического исследования армянской диаспоры за 2023 г. Цель статьи – описать социокультурный портрет армянской диаспоры в условиях полиэтнического и поликонфессионального региона (Республика Мордовия).

Методология и источники. Жанр социологического портрета в рамках изучения общества предполагает комплексное описание социума, системный анализ его базовых характеристик. При составлении социокультурного портрета армянской диаспоры авторы сделали акцент на проблематике адаптации и интеграции армян в полиэтническое пространство региона.

Результаты и обсуждение. В качестве первичных данных выступили результаты двух волн социологических исследований 2017 и 2023 гг., проведенных сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». В 2017 г. опрошено 185 респондентов, в 2023 г. – 285. Выборка целевая, рекрутинг респондентов осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, а также методом «снежного кома». Выявлены особенности расселения армянской диаспоры, занятости и трудовых практик. Охарактеризованы этнические и конфессиональные установки диаспоры. Раскрыта специфика социальной идентичности и языковых установок.

Заключение. Социокультурный портрет армянской диаспоры в Мордовии довольно статичен и отличается уже сформировавшимися чертами. Социальное самочувствие армян в Мордовии в целом позитивное. В восприятии материального положения, взаимоотношений с местным обществом, соблюдения своих прав преобладают положительные оценки. Интеграционные процессы, протекающие в армянской диаспоре, отличаются высокой степенью выраженности и позитивной динамикой, но не предпо-

© Барина О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

лагают полной ассимиляции. Интеграция протекает с разной степенью интенсивности в конкретных сферах повседневной жизни: экономической, социальной, культурной и политической.

Ключевые слова: армянская диаспора, социокультурный портрет, конфликтогенность, этничность, конфессиональность, социальная идентичность

Для цитирования: Барина О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В. Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 42–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55.

Original paper

Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis)

Olga N. Barinova¹, Olga N. Kuzina², Irina V. Manaeva³✉

^{1, 2, 3}*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia*

¹*bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>*

²*olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>*

³✉*manaeva.i.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4530-9699>*

Introduction. The relevance of studying national diasporas in Russia is due to the intensification of ethno-confessional contradictions in the near abroad and the expansion of migration flows. The importance of the issues of adaptation and integration of migrants within the framework of established regional societies increases, a certain conflict potential within diasporas is fixed. The scientific novelty consists in the fact that the data of the sociological study of the Armenian Diaspora for 2023 was introduced into scientific circulation. The purpose of the article is to describe the socio-cultural portrait of the Armenian Diaspora in the conditions of a multi-ethnic and multi-confessional region (Republic of Mordovia).

Methodology and sources. The genre of the sociological portrait in the framework of the study of society involves a comprehensive description of society, a systematic analysis of its basic characteristics. The authors compiled a sociocultural portrait of the Armenian diaspora, and at the same time emphasized the problems of adaptation and integration of Armenians into the multiethnic space of the region.

Results and discussion. The primary data were the results of two waves of sociological research in 2017 and 2023, conducted by employees of the State Institution of the Republic of Moldova «Scientific Center for Socio-Economic Monitoring». 185 respondents were interviewed in 2017 and 285 in 2023. The sample is targeted, the recruitment of respondents was carried out through regional diaspora networks, as well as by the «snowball» method. As a result, the features of the settlement of the Armenian Diaspora, employment and labor practices are identified. The article characterizes the ethnic and confessional attitudes of the diaspora, and also reveals the specifics of social identity and linguistic attitudes.

Conclusion. The socio-cultural portrait of the Armenian Diaspora in Mordovia is quite static and differs in already formed features. The social well-being of Armenians in Mordovia is generally positive. Positive assessments prevail in the perception of the financial situation, relations with the local society, and respect for their rights. The integration processes taking place in the Armenian Diaspora are characterized by a high degree of expression and positive dynamics, but do not imply complete assimilation. Integration occurs with varying degrees of intensity in specific areas of everyday life, such as economic, social, cultural and political.

Keywords: Armenian Diaspora, socio-cultural portrait, conflictogenicity, ethnicity, confessionality, social identity

For citation: Barinova, O.N., Kuzina, O.N. and Manaeva, I.V. (2024), "Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis)", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 42–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55 (Russia).

Введение. Обращение к кейсу армянской диаспоры в социальной среде российской провинции значимо по целому ряду причин. С одной стороны, армянская диаспора в России демонстрирует собой «уникальный продукт многовековой культурной и социальной истории армянского рассеяния» [1, с. 124]. Более чем в 20 регионах России армянские диаспоры по численности выдвигаются на второе-третье место после русского этноса, политически, экономически, социокультурно взаимодействуя с другими российскими народами. С другой стороны, изучение социального самочувствия диаспор в составе провинциальных сообществ, особенно с полиэтничным и поликонфессиональным составом, расширяет исследовательское поле российской этносоциологии и этнополитологии. Современная социальная среда российской провинции рассматривается под таким углом зрения, когда стоящие перед диаспорами вызовы усугубляются внутренними социально-экономическими и этноконфессиональными проблемами принимающего региона.

Жанр социологического портрета в контексте изучения общества предполагает интегральное описание социума как комплекса многообразных, но вместе с тем системно взаимосвязанных характеристик [2, с. 899]. В качестве последних могут выступать социальная структура, человеческий капитал, трудовые мотивации, практики личностной самореализации, политические представления, конфликтогенность и т. д.

В активе российской «портретной» социологии имеется несколько знаковых исследований «больших» общностей: первые портретные зарисовки постсоветского социума ученых во главе с академиком М. К. Горшковым, разработка портретной галереи региональных социумов членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным и его сотрудниками. В описании российского общества акцент делается на выявление и объяснение переходных явлений и процессов, анализ ключевых тенденций развития постсоветского пореформенного социума [3, с. 214]. При изучении «портретного» своеобразия регионов они рассматривались «как социокультурные территориальные сообщества в их целостности и в контексте социокультурного пространства России как дифференцированного целого» [4, с. 2].

К составлению портретов «малых» общностей исследователи обращались при изучении русскоязычных диаспор в странах ближнего зарубежья. Предметом исследования выступали этносоциальные и этнокультурные процессы, протекающие в постсоветских республиках; политические, культурные, образовательные и иные стратегии проживающих в них соотечественников; механизмы адаптации и интеграции к реалиям принимающего общества и т. д. [5, с. 5]. Особое значение подобные проекты приобретают в рамках геостратегических регионов (например, Балтийский регион), где русскоязычные диаспоры обладают уникальными особенностями (длительный опыт взаимодействия с титульными народами, компактное расселение, представительство в местных органах власти и др.) [6, с. 155].

Значительно проработана проблематика социального самочувствия национальных диаспор в России, изучение которых содержит элементы «портретных» исследований. Про-

водится анализ базовых характеристик этнических сообществ, транскультурных и трансграничных связей диаспор, проблем национальной идентичности членов диаспоры, современных установок и практик, социально-экономических и общественно-политических аспектов их деятельности [7]. Особое внимание уделяется изучению наиболее крупных национальных диаспор, отличающихся выраженной консолидацией сугубо этнически ориентированного актива, ростом социально-экономических и общественно-политических инициатив и своего общественного влияния [8, с. 35].

При обращении к армянскому кейсу в фокусе внимания российских исследователей находится тема взаимодействия диаспоры и принимающего общества. В исследованиях поднимаются вопросы адаптации и интеграции армян в конкретных регионах, сохранения их этнического своеобразия в иноязычной среде, коммуникации с внешним окружением. Например, проблема сохранения идентичности армян в Красноярском крае [9, с. 58] и Республике Удмуртия [10, с. 73] раскрывается через анализ разнообразных национальных культурных практик в рамках деятельности религиозных и национально-культурных объединений. Интеграция армянской диаспоры в поликультурное пространство Алтайского края оценивалась по параметрам сплоченности этнического сообщества, укорененности, психологического самочувствия и экономического благосостояния [11, с. 146].

Развитие армянской диаспоры Мордовии нашло отражение в работах А. А. Шевцовой, Л. И. Никоновой, освещавших вопросы этноконфессиональной самоидентификации, эволюции традиционной культуры в поликультурном пространстве, этнопедагогике, народной медицины и др. Давая оценку интеграционным процессам внутри армянского сообщества, исследователи указывают, что армяне демонстрируют стремление как к вхождению в местное общество, так и к сохранению своего этнокультурного облика, «уникального армянского культурологического иммунитета» [12, с. 184].

Несмотря на выраженный интерес к изучению этнических диаспор в России, в частности армянской, в условиях усложняющихся миграционных процессов сохраняется потребность в продолжении научных изысканий в сфере социального самочувствия национальных общностей в этноконфессиональной среде российского государства.

Методология и источники. Выбирая сложившийся в социологической науке жанр «портретных» исследований для описания армянской диаспоры в Мордовии, авторы трактуют диаспору «как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности судьбы или представлениях, исторической памяти и этнических мифах» [13, с. 127]. Ключевыми характеристиками диаспоры, формирующими ее социокультурный портрет, в исследовании выступили такие элементы, как этничность, конфессиональность, конфликтогенность, укорененность и адаптивность.

В качестве первичных данных были взяты результаты двух волн социологических исследований 2017 и 2023 гг., проведенных Государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». В 2017 г. опрошено 185 респондентов, в 2023 г. – 285. Выборка целевая, рекрутинг респондентов осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, а также методом «снежного кома».

Целью исследования выступает формирование социокультурного портрета армянской диаспоры Республики Мордовия, непосредственными задачами – анализ этнического, конфессионального, ценностного, экономического и прочего своеобразия сообщества. Объект – этническая группа из числа представителей армянской национальности, проживающих на территории Республики Мордовия. В их число включены как граждане России армянской национальности, так и армяне-мигранты, не имеющие российского гражданства. Предмет исследования – социально-экономические и общественно-политические компоненты социального облика армянской диаспоры.

Исследовательские гипотезы включали в себя следующие положения:

– армянская диаспора Мордовии представляет собой устоявшееся гомогенное сообщество, мало подверженное миграционным процессам и практически лишённое реэмиграционных установок;

– этническому сообществу свойственен скорее высокий или высокий уровень интеграции в принимающее общество. Диаспора стала неотъемлемой частью регионального социума, в основной своей массе включившись в социальные, экономические и политические процессы внутри республики. Их социальные связи не ограничиваются своей диаспорой, а включают в себя иные социальные сообщества (на работе, учебе, в доме и т. д.);

– поддержание этнической самобытности происходит в первую очередь за счет факторов языка и веры.

Результаты и обсуждение.

Численность и особенности расселения. Во второй половине XX в. – начале XXI в. численность армянской диаспоры в Республике Мордовия демонстрировала поступательный рост (1970 г. – 207 чел., 1989 г. – 777 чел., 2010 г. – 1342 чел.) и в 2023 г. достигла 1356 чел. (0,2 % от всего населения республики) (рис. 1). На сегодняшний день армяне входят в число 7 национальностей, численность которых в регионе превышает 1000 чел. (армяне, русские, мордва, татары, таджики, украинцы и узбеки).

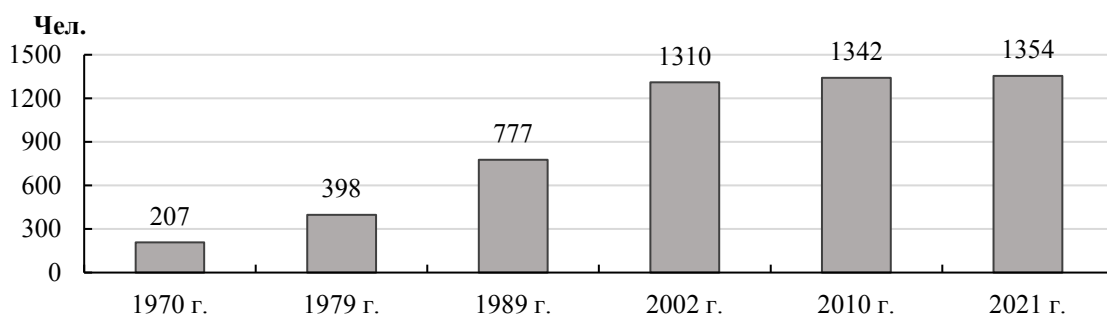

Рис. 1. Динамика численности армянской диаспоры в Республике Мордовия
Fig. 1. Dynamics of the number of the Armenian Diaspora in the Republic of Mordovia

Исторически сложилось так, что мигранты из соседних государств или переселенцы из других областей страны при расселении в Мордовии отдавали предпочтение крупным населенным пунктам, районным центрам вблизи транспортных центров и железнодорожных путей. В связи с этим армяне в настоящее время проживают преимущественно в столице Мордовии, Зубово-Полянском, Чамзинском, Ромодановском, Рузаевском, Ичалковском и Лямбирском районах [14, с. 53].

Неравномерный характер расселения армян в регионе обусловлен тем, что одним из основных источников информации при выборе места жительства являются личные контакты. Они традиционно отправляются не только туда, где есть возможность трудоустроиться, но и где уже проживают родные, знакомые или друзья [15]. В этой связи причины личного, семейного и экономического характера являются доминирующими мотивами переезда армян в Мордовию. В частности, каждый третий респондент в 2023 г. указал на такие причины, как устройство на работу (31 %) и улучшение материального положения (28 %), каждый четвертый – на переезд к родным, изменение семейного положения (26 %), каждый пятый – на приглашение от уже проживающих в регионе (18 %) (рис. 2). Реже отмечалась альтернатива «получение профессионального образования» (15 % в 2017 г., 9 % в 2023 г.). Незначительная доля респондентов (6 %), отметивших альтернативу «этнические конфликты на месте прежнего проживания». Это может указывать на то, что большая часть опрошенных достаточно давно проживает вне пределов своей исторической родины и оказалась не задета современными межнациональными конфликтами стран СНГ.

Рис. 2. Причины переезда в Мордовию
Fig. 2. Reasons for moving to Mordovia

Семейно-родственные отношения. У армян традиционно достаточно высок уровень семейственности, что существенно облегчает социальную адаптацию членов диаспоры к новой этнокультурной среде региона, жизненным ориентациям местного населения. Характерные национальные черты армянского народа – приверженность крепкой семье, почитание старших, взаимопомощь и сохранение исторической памяти о родине, обуславливают для армянской диаспоры Мордовии высокую значимость поддержания тесных семейно-родственных связей. Результаты исследования показывают, что примерно две трети армян республики (68 %) состоят в зарегистрированном браке, почти каждый второй (50 %) имеет на иждивении несовершеннолетних детей. Абсолютное большинство респондентов находятся в тесном общении с родными и знакомыми, проживающими в Армении (в 2017 г. – 95 %, в 2023 г. – 81 %).

Крепость семейно-родственных уз в армянской диаспоре Мордовии подчеркивалась и в рамках историко-этнографических исследований, проведенных в начале 2000-х гг. В частности, указывалось, что носителями традиционных черт брачно-семейной культуры выступали в первую очередь армянские мигранты/переселенцы – выходцы из сельских районов

Армении. Они практически не вступали в «гражданские» браки, существенно реже разводились, поддерживали тесные отношения с родственниками [12, с. 80].

Специфика брачно-семейного поведения армян (семейные практики, экзогамные запреты, брачность, разводимость и др.), выступающая в качестве механизма поддержания этнических границ, определяет характер этноцентрических установок представителей армянской диаспоры. Брачный союз для армян зачастую воспринимается как важная жизненная ценность, в связи с чем к выбору супруга (супруги) требуется подходить с особой ответственностью. Несмотря на то, что брак с представителем другой национальности в 2023 г. в целом положительно воспринимали примерно три четверти (70 %) опрошенных армян, каждый третий (30 %) одобрит его, «если будут сохранены обычаи моего народа».

В 2017 г. результаты были еще более выразительны: среди состоящих в браке армян почти три четверти (76 %) имели супруга или супругу своей национальности. Следовательно, для определенной части армян республики (от 15 до 30 %) ценность межэтнического брака находится под большим вопросом.

Использование русского и родного (национального) языка. Оценивая повседневную коммуникацию диаспоры с местным сообществом, важно отметить отсутствие языкового барьера. Армяне Мордовии активно используют русский язык: на нем или в основном на нем большинство общается на работе/учебе (83 %), более половины – с соседями, друзьями и родственниками (60 %). Зоной бытования армянского языка выступает в первую очередь семья, где на родном языке или в основном на нем разговаривают более четверти респондентов (27 %), около половины используют его наравне с русским языком (48 %).

Можно сказать, что армяне Мордовии находятся в ситуации активного билингвизма, когда два языка (русский и армянский) являются частью важного компонента языкового общения в полилингвальном и поликультурном пространствах. При этом объем функций языков неодинаков: родной (национальный) бытует преимущественно в семье и близком окружении, язык-посредник (русский) – в общественном и публичном пространстве (работа, учеба, улица).

Занятость и трудовые практики. В 2017–2023 гг. работали более половины армян Мордовии (61 и 59 % соответственно), из которых большая часть являлись работниками по найму, меньшая – предпринимателями. Следует заметить, что доля армян, занимающихся в регионе предпринимательской деятельностью (13 % в 2023 г.), существенно превышает долю предпринимателей среди населения Мордовии (3 %) и России (4 %). Последнее свидетельствует о достаточно высоком уровне включенности диаспоры в экономические процессы республики и, соответственно, о высокой степени адаптации к социально-экономическим реалиям принимающего общества.

Армяне Мордовии в экономическом пространстве региона в 2023 г. заняты в основном в сферах торговли и общественного питания (30 %) и строительства (25 %). Примерно каждый десятый трудится в сферах сельского хозяйства (8 %), транспорта и связи (8 %). Характерно, что подобный исторически сложившийся выбор сфер занятости отмечался и в историко-этнографическом сообществе республики: «Еще в конце 80-х гг. XX в. армянские строительные бригады работали почти в каждом районе Мордовии» [12, с. 23]. В этой связи приведем слова Л. Г. Сарксяна, председателя Мордовского регионального отделения Общероссийской

общественной организации «Союз армян России»: «... значительная часть [земляков] смогла устроиться по специальности. Имели место лишь незначительные нюансы в трудоустройстве. Большинство заняты в строительной отрасли...» [16].

Материальное положение. Анализ данных исследования показал, что в материальном положении армян в 2023 г. преобладают позитивные оценки. В зоне субъективного благополучия находятся большинство респондентов (85 %), для которых неактуальна проблема приобретения товаров и услуг первоочередного спроса (продукты питания, одежда и услуги ЖКХ). Только примерно каждого десятого опрошенного (8 %) в соответствии с субъективной самооценкой своего материального положения можно отнести к зоне социального неблагополучия, где на повестке стоит вопрос удовлетворения базовой потребности в пище.

В динамике 2017–2023 гг. отмечается рост материального благополучия с 76 до 85 %. Причем существенно выросла доля армян с относительно высоким уровнем благосостояния, которые либо вообще ни в чем себе не отказывают, либо не испытывают проблем с покупкой товаров длительного пользования.

Социальная идентичность. Армяне Мордовии обладают так называемой многоуровневой идентичностью, сложившейся иерархией взаимодополняемых и совместимых идентичностей [17, с. 164]. В армянской диаспоре доминирует российская идентичность, уровень которой на протяжении пяти лет демонстрирует существенную позитивную динамику (рис. 3). Если в 2017 г. жителями России себя ощущали 46 % армян, то в 2023 г. – 65 %. Рост показателя российской идентичности, де-факто воспринимаемой как гражданско-государственная идентичность, в реалиях последних лет стал следствием значительной консолидации российского общества. Региональная идентичность в 2017–2023 гг. стала менее выраженной: в два раза снизилась доля тех, кто считает себя жителем Мордовии (с 36 до 18 %). Практически неизменной остается доля респондентов, заявляющих о своей национальной идентичности (16 % – в 2017 г., 15 % – в 2023 г.).

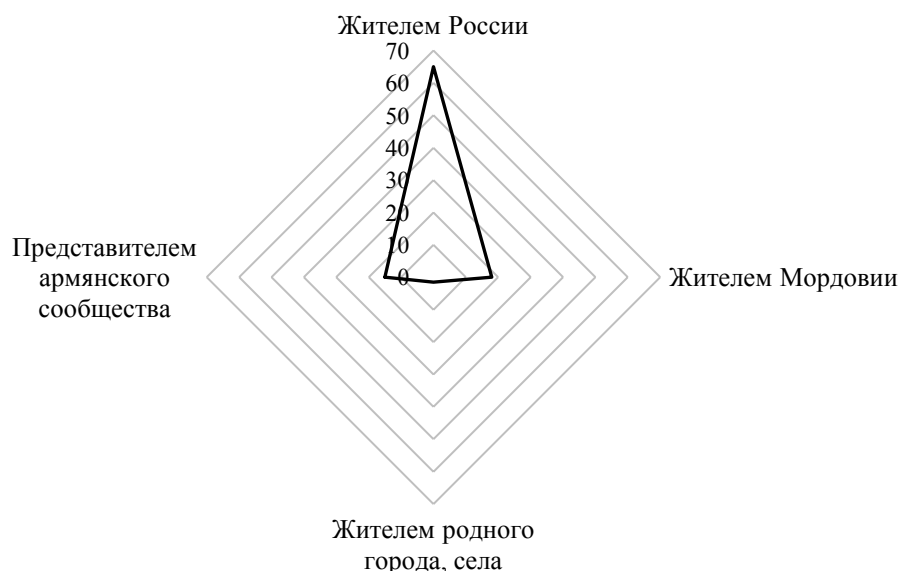

Рис. 3. Иерархия идентичностей армянской диаспоры Мордовии (ответы на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?»), %
Fig. 3. Hierarchy of identities of the Armenian Diaspora of Mordovia (answers to the question: “Who do you feel first of all?”), %

Эмиграционные установки. Доля представителей диаспоры, готовых покинуть регион пребывания, соответствующим образом характеризует миграционную привлекательность местного общества. В ходе исследований 2017–2023 гг. абсолютное большинство армян Мордовии заявляли об отсутствии желания покинуть республику (в 2017 г. – 83 %, в 2023 г. – 92 %), тем самым указав на благоприятные социальные условия в регионе для проживания, удовлетворения личных целей и развития бизнеса. Лишь незначительная часть опрошенных (1 %) планируют в будущем сменить место пребывания, указывая при этом на многочисленные примеры отъезда знакомых.

Конфессиональность. Опрос среди армян Мордовии показал, что армянская диаспора в целом состоит из сообщества верующих людей (97 % в 2017 г., 99 % в 2023 г.). При высоком уровне декларируемой религиозности армяне демонстрируют одновременно и достаточно высокую степень воцерковленности (в 2023 г. 36 % – «верующий, соблюдаю все требования религии»). При этом для населения Мордовии и России в целом ситуация выглядит иначе: при относительно высокой религиозности населения фиксируется его низкая воцерковленность [18, с. 26].

Основная часть опрошенных (74 %) причисляют себя к Армянской апостольской церкви, с Русской Православной церковью соотносит себя лишь каждый четвертый респондент (25 %). Учитывая тот факт, что большинство верующих Мордовии принадлежит к Русской Православной церкви, схожесть традиционных ценностей обеих конфессий в большей степени положительно отражается на межконфессиональных взаимоотношениях внутри республики.

В то же время для абсолютного большинства (90 %) армян республики вероисповедание не является определяющим признаком в повседневных межличностных взаимоотношениях. Только 10 % респондентов заявили о том, что религиозный фактор важен в общении. Последнее позволяет связать их взгляды на межконфессиональную коммуникацию не с возрастными или территориальными особенностями, а, скорее, с мировоззренческими, берущими свое начало в трагических событиях истории армянского народа (геноцид армян, армяно-азербайджанский конфликт, спитакское землетрясение и т. д.). В частности, весьма типично бытующее среди армян представление о себе как о народе с древнейшей и богатейшей историей и культурой, веками жившем во враждебном окружении и сумевшем сохранить себя как этническую общность благодаря языку, вере и особому «культурологическому иммунитету» [19, с. 199].

Социально-политические настроения. Сравнивая результаты общереспубликанских исследований электоральной и социально-политической тематики, заметим, что представители армянской диаспоры показывают более высокий уровень удовлетворенности как местной, так и федеральной властью. В определенной степени можно говорить о демонстрации максимально возможной лояльности к официальным структурам в принимающем обществе.

Отношение к власти и лицам, ее олицетворяющим, выступает маркером лояльности представителей диаспоры и одновременно является показателем общественно-политической напряженности. Результаты исследований 2017–2023 гг. показывают, что абсолютное большинство армян в той или иной степени удовлетворено деятельностью Президента России и главы Республики Мордовия. Так, в 2023 г. уровень удовлетворенности составлял 90 и 89 % соответственно, в 2017 г. – 90 и 85 %.

Готовность принять участие в политических или социально-экономических акциях протеста является одним из значимых индикаторов общественно-политической напряженности, давая возможность оценить как личный, так и в определенной степени конфликтный потенциал диаспоры. По результатам исследования 2023 г., примерно три четверти армян Мордовии (72 %) в той или иной степени исключали для себя возможность участия в каких-либо акциях протеста. В то же время 7 % респондентов готовы выйти на протестные акции.

Социальное самочувствие представителей армянской диаспоры в той или иной степени определяется и спецификой беспокоящих их проблем. В 2023 г. армяне отмечали проблемы экономического характера, прямо или косвенно влияющие на их материальное положение: рост цен (63 %), низкая оплата труда (49 %), низкие пенсии (28 %), безработица (27 %) и плохое состояние ЖКХ (24 %). Примерно каждого пятого (22 %) в 2023 г. беспокоила политическая ситуация в стране, о чем респонденты стали упоминать значительно чаще.

Для армянской диаспоры региона остаются значимыми проблемы, связанные с сохранением национальной самобытности и оказанием взаимной социальной поддержки внутри общины. Наиболее эмоционально окрашенным остается вопрос установки хачкара – памятного камня-креста, о чем и в 2017, и в 2023 г. упоминали более половины респондентов. Примерно десятую часть армян беспокоит отсутствие в Мордовии армянской церкви и школы.

Вместе с тем позитивным для представителей армянской диаспоры являются личные ожидания от ближайшего будущего. Так, в 2023 г. отмечался довольно высокий уровень социального оптимизма: примерно три четверти (73 %) опрошенных указали, что сохраняют оптимизм, и ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему. Условно негативные ожидания от ближайшего будущего свойственны около трети респондентов (28 %).

В заключение была построена модель социального самочувствия (рис. 4). При этом учитывались следующие показатели: социальный оптимизм (оценка личных ожиданий), миграционные установки (готовность выехать на постоянное место жительства), протестная активность (готовность принять участие в акциях протеста), лояльность к власти

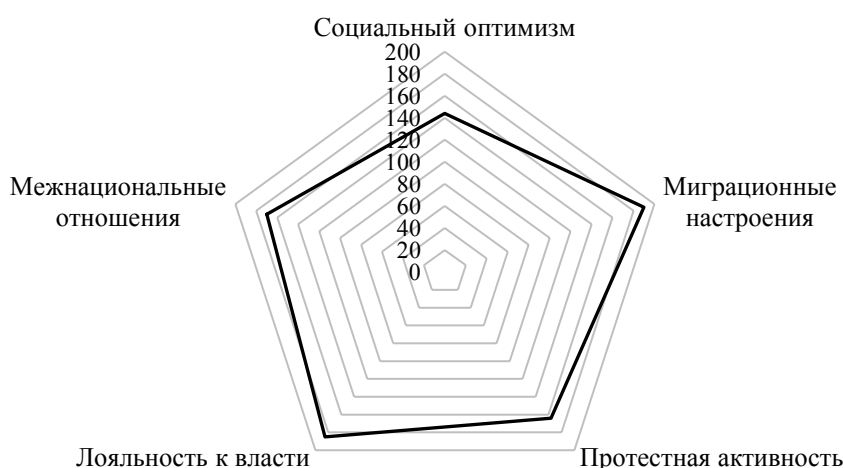

Рис. 4. Модель социального самочувствия армянской диаспоры Мордовии
Fig. 4. The model of social well-being of the Armenian diaspora of Mordovia

(удовлетворенность деятельностью Президента Российской Федерации) и межнациональные отношения. На основании полученных данных рассчитана разность между долей положительных и отрицательных ответов¹.

В зависимости от значения показателя можно выделить три модели социального самочувствия: позитивная (от 150 до 200 п.), умеренная (от 100 до 150 п.) и тревожная (от 0 до 100 п.). Если при графическом изображении модель приближена к форме неправильного многоугольника, то это может говорить об определенных проблемах внутри диаспоры.

Выстроенная модель визуально приближена к форме правильного многоугольника, что говорит о позитивном характере социального самочувствия диаспоры.

Заключение. Исследование подтвердило значительную часть сформулированных гипотез, в то же время актуализировав новые, не охваченные вниманием исследователей вопросы: растущий уровень бытовой напряженности в повседневном межэтническом взаимодействии, демонстрируемая политическая лояльность в условиях нарастания противоречий в отношениях между Россией и Арменией, экономическая ориентация на определенные рыночные ниши и др.

Социокультурный облик армянской диаспоры в Мордовии довольно статичен и отличается уже сформировавшимися чертами: численно сложившимся сообществом с отсутствием значительной динамики состава, высокой степенью «укорененности» в республике (большая часть армян проживает в регионе длительное время, имея здесь семьи и собственное жилье), отсутствием реэмиграционных настроений, массово декларируемой религиозностью при относительно высоком уровне воцерковленности, устоявшимися экономическими нишами занятости.

Социальное самочувствие армян в Мордовии в целом позитивное. В восприятии материального положения, взаимоотношений с местным обществом, соблюдения своих прав преобладают положительные оценки. Восприятие армянами межэтнических и межконфессиональных процессов в регионе отличается толерантностью.

Армянская диаспора Мордовии, с одной стороны, сохраняя свой неповторимый этнокультурный облик, а с другой, являясь неотъемлемой частью этноконфессионального пространства республики, в условиях глобализации и урбанизации выступает естественным объектом интеграционных процессов. Полиэтническая среда проживания, межнациональные взаимодействия оказывают влияние на традиционную культуру армян, «трансформируя повседневные практики жизнеобеспечения, традиционную обрядность, профессиональные установки, гендерные стереотипы, сохраняя при этом – этничность, самоидентификацию и ключевые этнопсихологические особенности армянского этноса» [12, с. 184].

Интеграционные процессы, протекающие в армянской диаспоре, отличаются высокой степенью выраженности и позитивной динамикой, тем не менее не предполагая полной ассимиляции [20, с. 58]. Интеграция протекает с разной степенью интенсивности в конкретных сферах повседневной жизни: экономической, социальной, культурной и политической. В одних сферах (например, трудовая занятость) демонстрируется активная включенность в общую полиэтноконфессиональную среду, в других сферах, напротив, участие ограничено.

¹ Для того чтобы избежать появления отрицательных значений, к разнице прибавлялось 100. В соответствии с этим значение показателя может колебаться от 0 до + 200.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фирсов Е. Ю. Исследуя гетерогенную диаспору (на примере армян-переселенцев в российскую провинцию) // Вестн. Евразии. 2008. № 3. С. 123–141.
2. Андреев А. Л. В жанре социологического портрета // Вестн. РАН. 2017. Т. 87, № 8. С. 898–904. DOI: 10.7868/S0869587317100048.
3. Лубский А. В., Сериков А. В., Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. рецензия // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 212–217.
4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Е. А. Когай и др.; сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
5. Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет / К. Ф. Затулин, А. В. Докучаева, В. Г. Егоров и др. М.: Ин-т стран СНГ, 2010.
6. Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.
7. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области / Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян, И. В. Лескова и др. // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (дата обращения: 05.08.2023). DOI: 10.15862/23SCSK221.
8. Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7 (351). С. 34–44.
9. Жанкова Л. А., Колесник М. А. Этническая идентичность армян в Красноярском крае: какие практики существуют в армянской национально-культурной автономии для сохранения этнической идентичности? // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 58–65. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-58-65.
10. Кудрявцева И. К. Армяне в Удмуртии: практики сохранения этнической идентичности в многонациональном регионе // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 1. С. 68–76. DOI: 10.15350/26191490.2023.1.9.
11. Оганнисян А. А. Социальная интеграция армянской диаспоры в Алтайском крае // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 145–149.
12. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук Респуб. Мордовия, 2011.
13. Дятлов В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–139.
14. Шевцова А. А. Семейные традиции армян в Республике Мордовия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 51–63.
15. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова и др.; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук Респуб. Мордовия, 2012.
16. Армяне Мордовии адаптируются легко // Еркарамас. 16.09.2011. URL: <https://yerkramas.org/ru/article/20772/armyane-v-mordovii-adaptiruyutsya-legko> (дата обращения: 07.08.2023).
17. Жаде З. А., Гвашева Б. З., Шадже Л. А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи // Вестн. Калмыц. ун-та. 2022. № 4 (56). С. 157–165. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165.
18. Козин В. В., Фадеева И. М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарёва, 2022.
19. Шевцова А. А., Никонова Л. И. Этноконфессиональная и региональная самоидентификация армян Мордовии // Регионоведение. 2012. № 1 (78). С. 196–202.
20. Погосян Г. А., Осадчая Г. И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриации // Социол. исслед. 2023. № 1. С. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250015318-2.

Информация об авторах.

Барина Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровое общество, информационная открытость органов власти.

Кузина Ольга Николаевна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, социология информационного общества.

Манаева Ирина Владимировна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, информационная открытость органов власти.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2023; принята после рецензирования 22.11.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.

REFERENCES

1. Firsov, E.Yu. (2008), "Exploring the heterogeneous diaspora (using the example of Armenian migrants to the Russian province)", *Acta Eurasica*, no. 3, pp. 123–141.
2. Andreev, A.L. (2017), "In the genre of sociological portrait", *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 87, no. 8, pp. 898–904. DOI: 10.7868/S0869587317100048.
3. Lubsy, A.V., Serikov, A.V. and Gorchkov, M.K. (2012), "Russian society as it is (experience of sociological diagnostics), *Novy Chronograph*, Moscow, RUS, 2011: review", *Humanities of the South of Russia*, no. 1, pp. 212–217.
4. Lapin, N.I., Belyaeva, L.A., Kogai, E.A. et al. (2009), *Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiiskom kontekste* [Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in the All-Russian context], in Lapin, N.I. and Belyaeva, E.A. (eds.), Academia, Moscow, RUS.
5. Zatulin, K.F., Dokuchaeva, A.V., Egorov, V.G. et al. (2010), *Russkoyazychnye v Tsentral'noi Azii. Sotsial'nyi portret* [Russian speakers in Central Asia. Social portraits], Institute of CIS Countries, Moscow, RUS.
6. Simonyan, R.H. (2022), "Russian-speaking diaspora in the Baltic States: a socio-cultural aspect", *Baltic Region*, vol. 14, no. 2, pp. 144–157. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.
7. Osadchaya, G.I., Pogosyan, G.A., Leskova, I.V. et al. (2021), "Diaspora phenomenon: analysis of the current state through the prism of research in this area", *World of Science. Ser. Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 12, no. 2, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (accessed 05.08.2023). DOI: 10.15862/23SCSK221.
8. Arutiunian, Yu.V. (2013), "On ethnic diasporas in the Russian environment", *Sociological Studies*, no. 7 (351), pp. 34–44.
9. Zhankova, L.A. and Kolesnik, M.A. (2020), "Ethnic identity of Armenians in the Krasnoyarsk territory: what practices exist in the Armenian national-cultural autonomy to preserve ethnic identity?", *Social Anthropology of Siberia*, vol. 1, no. 4, pp. 58–65. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-58-65.
10. Kudryavtseva, I.K. (2023), "Armenians in Udmurtia: practices of preserving ethnic identity in a multinational region", *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*, vol. 13, no. 1, pp. 68–76. DOI: 10.15350/26191490.2023.1.9.
11. Ogannisyan, A.A. (2020), "Social integration of the Armenian diaspora in the Altai Territory", *Sociology in the modern world: science, education, creativity*, no. 12, pp. 145–149.
12. Nikonova, L.I. and Shevtsova, A.A. (2011), *Traditsionnaya kul'tura armyan v polikul'turnom prostranstve Respubliki Mordoviya* [Traditional culture of Armenians in the multicultural space of the

Republic of Mordovia], in Yurchenkov, V.A. and Nikonova, L.I. (eds.), Saransk, NII gumanitar. nauk Respubliki Mordoviya, RUS.

13. Dyatlov, V.I. (2004), "Diaspora: the expansion of the term into the public practice of modern Russia", *Diaspora*, no. 3, pp. 126–139.

14. Shevtsova, A.A. (2011), "Family traditions of the Armenian migrants in the Republic of Mordovia", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 140, pp. 51–63.

15. Nikonova, L.I. et al. (2012), *Narody Mordovii: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [The peoples of Mordovia: a historical and ethnographic study], in Yurchenkov, V.A. and Nikonova, L.I. (eds.), Saransk, NII gumanitar. nauk Respubliki Mordoviya, RUS.

16. "Armenians of Mordovia adapt easily", *Yerkramas*, 16.09.2011, available at: <https://yerkramas.org/ru/article/20772/armyane-v-mordovii-adaptiruyutsya-legko> (accessed 07.08.2023).

17. Zhade, Z.A., Gvasheva, B.Z. and Shadzhe, L.A. (2022), "Multilevel identity in the assessments of the scientific community of Adygea", *Bulletin of the Kalmyk Univ.*, no. 4 (56), pp. 157–165. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165.

18. Kozin, V.V. and Fadeeva, I.M. (2022), *Religioznaya situatsiya v Respublike Mordoviya* [Religious situation in the Republic of Mordovia], MGU im. N. P. Ogareva, Saransk, RUS.

19. Shevcova, A.A. and Nikonova, L.I. (2012), "Ethno-confessional and regional Armenian self-identification of Mordovia", *Russian J. of Regional Studies*, no. 1 (78), pp. 196–202.

20. Poghosyan, G.A. and Osadchaya, G.I. (2023), "Armenian Diaspora of Russia: Integration vs Repatriation", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250015318-2.

Information about the authors.

Olga N. Barinova – Senior Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 32 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digital society, information openness of government bodies.

Olga N. Kuzina – Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, sociology of information society.

Irina V. Manaeva – Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, information openness of government bodies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.10.2023; adopted after review 22.11.2023; published online 21.02.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.614

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-56-72>

Вовлечение студентов в науку в фокусе социологического анализа

Елена Витальевна Строецкая¹✉, Ирина Борисовна Бетигер²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ avs1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5304-2613>

²ssps@etu.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена следующим противоречием. По данным сравнительных международных исследований, в ряде развитых стран наблюдается снижение интереса молодежи к научной деятельности. В этом отношении Россия представляет исключение, поскольку молодые россияне более лояльно, чем, например, их сверстники в Европе, относятся к науке и высоко оценивают влияние научных достижений на общество. Вместе с тем проблема «изношенности» научных кадров в России полностью не решена. Процесс старения замедлился, но пока рано говорить о массовом притоке молодежи в науку. На фоне этого противоречия авторами были выдвинуты гипотезы о недостаточной вовлеченности студентов инженерных направлений подготовки в научные исследования и неудовлетворенности представителей цифрового поколения форматами научной коммуникации, с которыми им приходится сталкиваться.

Методология и источники. Для разработки методологии исследования авторы опирались на концепцию влияния вуза на студента (Э. Паскарелла, П. Теренцини); теорию детерминированности студенческого успеха его академической и социальной интегрированностью в различные сферы университетской жизни (В. Тинто). Для уточнения понятия «научная коммуникация» авторы обратились к концептуальной модели М. Буки и Б. Тренча, дифференцирующей каналы и методы доступа общества к научной информации.

Результаты и обсуждение. Цель исследования заключалась в определении степени студенческой вовлеченности в научную деятельность университета и анализ условий для формирования коммуникативных стратегий, способствующих этому. В исследованиях участвовали студенты 1–3-го курсов бакалавриата технических специальностей (N = 304).

Заключение. Получены следующие результаты. Во-первых, хотя студенты рассматривают науку как высоко значимый вид деятельности, они не осознают ее как модель своей профессиональной идентичности. Во-вторых, хотя наука для многих респондентов представляет интерес, он остается на уровне замыслов, а не действия. Препятствие для этого респонденты видят в собственной неуверенности в своей научно-технической подготовке. В-третьих, в ходе исследований были выявлены коммуникационные стратегии, которые одновременно вызывают интерес к науке и формируют у студентов ощущение прогресса в освоении научно-исследовательских компетенций.

© Строецкая Е. В., Бетигер И. Б., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: студенческая вовлеченность, научная коммуникация, цифровое поколение в науке, студенты и аспиранты инженерных специальностей, профессиональная идентичность

Для цитирования: Строецкая Е. В., Бетигер И. Б. Вовлечение студентов в науку в фокусе социологического анализа // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 56–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-56-72.

Original paper

Student Involvement in Science in the Focus of Sociological Analysis

Elena V. Stroetskaya^{✉1}, Irina B. Betiger²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹[✉]*avs1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5304-2613>*

²*ssps@etu.ru*

Introduction. The relevance of the topic is due to the following contradiction. According to comparative international studies, in a number of developed countries there is a decline in the interest of young people in scientific activities. In this regard, Russia is an exception, since young Russians are more loyal to science than, for example, their peers in Europe and highly value the impact of scientific achievements on society. At the same time, the problem of “worn-out” scientific personnel in Russia has not been completely resolved. The aging process has slowed down, but it is too early to talk about a massive influx of young personnel into science. Against the background of this contradiction, the authors put forward hypotheses about the lack of involvement of engineering students in scientific research and the dissatisfaction of representatives of the digital generation with the formats of scientific communication that they encounter.

Methodology and sources. To develop the research methodology, the authors relied on the concept of the influence of the university on the student (E. Pascarella, P. Terenzini); the theory of the determination of student success by its academic and social integration into various spheres of university life (V. Tinto). To clarify the concept of “scientific communication” the authors turned to the conceptual model of M. Buki and B. Trench, which differentiates the channels and methods of public access to scientific information.

Results and discussion. The purpose of the study was to determine the degree of student involvement in the scientific activities of the university and to analyze the conditions for the formation of communication strategies that promote involvement. Students of 1–3 years of bachelor's degree in technical specialties (N = 304) participated in the research.

Conclusion. The following results were obtained. Firstly, although students view science as a highly significant activity, they do not recognize it as a model of their professional identity. Secondly, although science is of interest to many respondents, it remains at the level of plans, not action. Respondents see an obstacle to this in their own lack of confidence in their scientific and technical training. Third, research has identified communication strategies that both arouse interest in science and provide students with a sense of progress in mastering research competencies.

Keywords: student engagement, scientific communication, digital generation in science, undergraduate and graduate students of engineering, professional identity

For citation: Stroetskaya, E.V. and Betiger, I.B. (2024), “Student Involvement in Science in the Focus of Sociological Analysis”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 56–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-56–72 (Russia).

Введение. Статья посвящена результатам исследования вовлеченности студентов инженерных специальностей в науку и анализу коммуникационных стратегий, способствующих вовлечению представителей цифрового поколения в научные исследования.

Актуальность темы обусловлена следующим противоречием. По данным международных исследований, в целом ряде развитых стран мира наблюдается снижение интереса молодежи к научной деятельности. В этом отношении Россия представляет определенное исключение, поскольку молодые россияне более лояльно, чем, например, их сверстники из Европы, относятся к науке в целом и высоко оценивают влияние научных достижений на общество, связывают экономический рост государства и повышение уровня жизни населения с научно-технологическим развитием [1, с. 11].

Вместе с тем трудно не отметить тот факт, что проблема «изношенности» научных кадров в России пока полностью не решена. Эта проблема еще в 10-е гг. XXI в. определялась как совокупность старения исследовательских кадров, деформации их структуры и разрыва преемственности в научных школах [2]. Процесс старения в настоящее время замедлился, но пока рано говорить о возрастном балансе исследовательских кадров. Неравномерность развития научных отраслей также не преодолена. Хотя прилагаются немалые усилия для трансформации высокотехнологичных отраслей, но далеко не все соответствующие научно-технические школы пополняются при этом перспективной молодежью, поскольку представители цифрового поколения предпочитают выбирать более динамичные и открытые сферы приложения своих способностей. Некоторые инженерные школы утрачены или близки к этому.

На фоне выявленного противоречия авторами были выдвинуты гипотезы о недостаточной вовлеченности студентов инженерных направлений подготовки в научные исследования и неудовлетворенности представителей цифрового поколения форматами научной коммуникации, с которыми им приходится сталкиваться.

Методология и источники. Исследовательская деятельность обучающихся в современной научной литературе в основном является объектом изучения педагогических наук. Рассмотрение данной темы с социологической точки зрения позволяет, опираясь на концепт «студенческая вовлеченность» («student engagement»), измерить уровень интереса студентов к научной деятельности, проанализировать их мотивы, оценить эффективность мероприятий, направленных на увеличение включенности молодежи в науку. Методологические аспекты исследования «студенческой вовлеченности» недостаточно изучены, хотя представляют особый интерес в социологии высшего образования. Концепт устанавливает взаимосвязь между институциональной, в том числе коммуникационной, средой вуза, поведением студента и результатами его образовательно-научной деятельности.

Теоретико-методологическая рамка представляемого исследования опиралась на концепцию влияния вуза на студента (E. Pascarella); психологическую традицию изучения студенческой вовлеченности (P. Terenzini, A. Astin, A. Martin, M. Dowson); теорию детерминированности студенческого успеха его академической и социальной интегрированностью в различные сферы университетской жизни (V. Tinto); на работы, посвященные роли университетской среды в формировании опыта студента (R. Paise).

Одним из первых исследователей, активно и обосновано вводящих в научный оборот концепт «студенческая вовлеченность», был Э. Паскарелла. Работая над способами оценки

успешности деятельности университетов, ученый предложил переместить фокус внимания с привычных индикаторов экономической эффективности вузов или востребованности их выпускников на сам образовательный процесс. Главный критерий результативности Паскарелла видел в «качестве усилий» студентов, вкладываемых в университетские образовательные практики [3]. Так, исследователь описал суть студенческой вовлеченности, а затем дал соответствующее определение вводимому понятию. Основная идея подхода Паскареллы заключалась в том, что максимального эффекта в своей деятельности достигают те вузы, которые обеспечивают наивысшую студенческую вовлеченность. Согласно этому подходу образовательная деятельность студентов, включающая в себя как учебную, так и научную составляющие, может быть успешной только в случае высокой вовлеченности в нее.

Концепт студенческой вовлеченности использовался Паскареллой для сравнения университетов, поэтому не случайно центральная задача подхода фокусировалась на создании валидной процедуры оценки нового индикатора. Эта процедура, по мнению автора, должна была минимизировать использование субъективных факторов, в то же время сконцентрировавшись на объективных характеристиках, например, на описании паттернов поведения студентов и на получении фактических данных о распределении времени на различные виды учебной и внеучебной деятельности [3]. Подход Паскареллы критиковали за ограниченность и отсутствие внимания к субъективным – психологическим и социальным – факторам студенческой вовлеченности.

Психологическая традиция изучения студенческой вовлеченности связана с именами П. Теренцини, А. Астина и др. Первый, не отвергая идеи Паскареллы о влиянии университета на студента, разрабатывал собственную концепцию, которая расширяла спектр факторов студенческой вовлеченности, делая центральным среди них индивидуальный опыт студента [4]. Второй, поддерживая Паскареллу в понимании значения поведенческого выражения студенческой вовлеченности, в своем определении объединял объективную и субъективную сторону данного явления. Студенческая вовлеченность по Астину – это совокупность физической и психической энергии, затрачиваемой для приобретения академического опыта [5, р. 299]. Физическая энергия проявляется в поведении студента, его участии в университетских практиках. Психическая энергия в понимании Астина сродни психоаналитическому понятию «катексис», т. е. представляет собой некий энергетический заряд, своеобразный психический квантум, вкладываемый в объект.

Объединяя два психологических подхода к анализу студенческой вовлеченности, можно утверждать, что принципиальным фактором для ее динамики, становится когнитивный фон, т. е. образы, представления о той или иной деятельности, ее восприятие акторами. Если под индивидуальным опытом понимать способ познания действительности, основанный на его чувственном практическом освоении, то результатом такого познания необходимо признать образы и представления об объектах действительности, сложившиеся в сознании индивида. Катексис репрезентирует объекты в психических структурах сознания и в зависимости от характера представлений может увеличиваться, уменьшаться или совсем исчезать. Таким образом, динамика студенческой вовлеченности связана с образами, представлениями и отношением к тем или иным учебным или научным практикам. Вовлеченность может увеличиваться или уменьшаться до инертного поведения в рам-

ках какой-либо деятельности [6], даже достигая полного отчуждения от нее [7]. Следовательно, вовлеченность молодежи в научные исследования детерминирована сформированным у нее образом науки, восприятием профессии ученого и интериоризацией исследовательского трека в модель профессиональной идентичности студентов.

Еще одно проявление психологической традиции изучения студенческой вовлеченности связано с работами А. J. Martin, M. Dowson. Австралийские ученые объединяют студенческую вовлеченность с мотивацией, интересом и академическими достижениями молодежи [8].

Большой интерес для исследований этого вопроса представляет собственно социологическая традиция. Наиболее влиятельной объяснительной моделью в этой традиции является идея В. Тинто о взаимосвязи уровня студенческой вовлеченности с социальной и академической интегрированностью студентов в университетское сообщество [9]. По мнению Тинто, социальная интеграция повышает вовлеченность, а она в свою очередь обуславливает академическую интеграцию. Под академической интеграцией исследователь понимает соблюдение эксплицитных норм, таких как нормы научной этики и академической честности в научно-образовательных исследованиях, а также интериоризацию ценностей академического сообщества. Социальную интеграцию Тинто определяет как включенность студентов в социальные отношения в университете.

Идеи Тинто о влиянии социальной интеграции на уровень студенческой вовлеченности обогащают Р. Bramming и R. Pase. Брамминг, вводя альтернативу «консьюмеристской» модели отношений студента с университетским сообществом [10], утверждает, что целеориентирующей базой социальных взаимодействий в вузе является взаимовыгодная трансформация обучающихся и обучающихся. Для осуществления этой трансформации крайне важным аспектом становятся университетские, в том числе научные, коммуникации [10]. Пэйс, отмечая взаимосвязь институциональных условий вуза и опыта обучения студентов, настаивает на том, что университетский опыт формируется за счет событий, происходящих в университетской среде (college environment) [11]. Таким образом, изучая студенческую вовлеченность в университетскую науку, необходимым представляется оценка студентами качества научных коммуникаций и привлекательности тех или иных научных событий.

Для уточнения понятия «научная коммуникация» и эксплицирования современных тенденций развития отношений между обществом и наукой авторы обратились к концептуальной модели М. Vucchi, В. Trench, дифференцирующей каналы и методы доступа общества к научной информации [12].

Эмпирической базой при написании статьи выступили результаты авторского социологического исследования, проведенного в период 2022–2023 гг. (N = 304 в 2022 г.; N = 103 в 2023 г.). В исследованиях приняли участие студенты 1–3-го курсов бакалавриата технических специальностей одного из ведущих вузов России. Методом исследования выступал электронный опрос. В качестве дополнительных данных, формирующих гипотезы и проверяющих выводы авторов, были использованы вторичные результаты социологических исследований.

Цель социологического исследования заключалась в определении степени студенческой вовлеченности в научную деятельность университета и анализ условий для формиро-

вания коммуникативных стратегий, усиливающих вовлечение. Согласно теоретико-методологической модели в задачи исследования входили:

- 1) реконструирование образа науки, сформировавшегося у студентов и аспирантов инженерных специальностей;
- 2) анализ уровня интереса, мотивации и готовности обучающихся заниматься научной деятельностью;
- 3) изучение мнения респондентов о качествах научных коммуникаций в университете и выявления уровня их удовлетворенности.

Результаты и обсуждение. Одним из определяющих факторов высокой студенческой вовлеченности в образование и науку является совокупность представлений студентов об этих видах академической деятельности. Когнитивные структуры определяют цели и выбор сценариев поведения студентами. Поэтому на первом этапе исследования необходимо было оценить качества когнитивного фона вовлечения молодежи в науку. Для этого проводилось реконструирование образа науки, сформировавшегося у студентов и аспирантов технических направлений.

Аналитическая реконструкция образа науки осуществлялась на нескольких уровнях. Во-первых, эксплицировалось общее отношение респондентов к науке как к явлению и как к отрасли человеческой деятельности. Во-вторых, реконструировалось восприятие профиля профессиональной деятельности ученого. В-третьих, определялась степень встроенности/исключенности научной деятельности из моделей профессиональной идентичности и образов желаемого будущего респондентов.

Экспликация отношения респондентов к науке осуществлялась как с помощью рациональных оценок значимости явления, так и посредством анализа ассоциативов и семантических полей, выражающих субъективное восприятие феномена.

Чтобы получить оценку значимости научной деятельности, респондентам предлагалось с помощью 10-балльной шкалы (где 10 баллов составляли наибольшую важность) определить важность развития науки и технологий (рис. 1). Средневыборочная оценка оказалась значительно выше 8 баллов. Это означает, что студенты высоко оценивают значение и важность научно-технологического развития. Данный результат совпал с выводами, сделанными исследователями ВШЭ и указывающими на отличительную черту российской молодежи в сравнении с их сверстниками из Европы [1].

Рис. 1. Шкала оценок важности развития науки и технологий
Fig. 1. Scale for assessing the importance of the development of science and technology

Субъективное восприятие науки студентами изучалось с помощью метода свободных ассоциаций и метода неоконченных предложений.

Ассоциативный ряд респондентов, связанный со словом «наука», представляет собой следующую структуру (ассоциации размещены в ней по мере убывания частоты упоминания в ответах респондентов):

- будущее;
- прогресс;
- технологии;
- развитие;
- исследования;
- открытия;
- изобретения;
- эксперимент.

Главенство имеют ассоциативы: наука – будущее, прогресс, развитие.

Для проверки субъективного восприятия науки студентами бакалавриата применялся метод неоконченных предложений, который, в частности, подразумевает выбор фиксированных/закрытых смысловых полей, связанных с изучаемым феноменом.

В данном случае респондентов просили закончить фразу: «Наука – ...» (рис. 2). Среди ответов предлагались формулировки, отобранные на предварительном этапе исследования, на котором в ходе фокус-группы были выделены лексические единицы, чаще всего упоминаемые участниками (студентами бакалавриата, аспирантами и молодыми учеными технических специальностей) для описания науки. Например, среди них были описания характера современной научно-исследовательской деятельности: «Наука – это серьезная и сложная деятельность»; «наука – это драйв». Также в перечень ответов вошли формулировки, образованные на основе гипотезы о восприятии науки «зумерами», т. е. представителями цифрового поколения: «Наука – это скучно и долго»; «наука должна сопровождаться хайпом». Наконец, в ответах были формулировки, позволяющие сделать предположения относительно встроенности или исключенности науки из структуры профессиональной идентичности респондента: «Наука – это образ жизни, привлекательный для меня», «наука – это занятие для избранных». Возможен был собственный ответ. Этой возможностью воспользовались только 3 % респондентов.

Рис. 2. Выбор семантических полей, связанных с восприятием особенностей современной науки
Fig. 2. Selection of semantic fields associated with the perception of the features of modern science

Подавляющее большинство респондентов (73 %) остановили свой выбор на описании характера научной деятельности, отметив ее серьезность и сложность. Особый интерес представляет ответ: «Наука – это образ жизни, приемлемый для меня». Так ответили всего 14 %.

Такой результат позволил сделать предположении об исключенности научной деятельности из модели профессиональной идентичности респондентов.

Для проверки этого предположения в исследовании использовался семантический дифференциал, позволяющий реконструировать восприятие профиля профессиональной деятельности ученого (рис. 3).

Рис. 3. Профиль профессиональной деятельности ученого в восприятии студентов
Fig. 3. Profile of a scientist's professional activity as perceived by students

Результаты анализа семантического дифференциала подтвердили выводы, сделанные в ходе реконструирования образа науки. Деятельность ученого представляется респондентами как полезный, влияющий на общество вид занятий во благо человечества. Вместе с тем, по мнению респондентов, это сложный вид занятий, непонятный простому человеку. Наибольшую неопределенность для респондентов составили такие характеристики профиля профессиональной деятельности ученого, как оплата труда и известность, достигаемая в случае успехов в профессии. Студенты не смогли отнести свою оценку ни к одному из полюсов двух соответствующих шкал. Это подтверждает гипотезу о том, что на ранних курсах большинство студентов технических направлений подготовки не рассматривают научные исследования как возможный/желательный карьерный трек.

Для уточнения степени встроенности/исключенности научной деятельности из моделей профессиональной идентичности и образов желаемого будущего респондентов задавался проверочный закрытый вопрос: «В какой из перечисленных областей Вы хотели бы работать после окончания университета?» (рис. 4).

Выбирая из предложенных сценариев своей профессиональной карьеры, 82 % респондентов остановились на работе в сфере бизнеса. Только 16 % сказали, что после окончания университета хотели бы работать в научном учреждении в качестве научного сотрудника и 8 % – в вузе в качестве ученого-исследователя. Треть студентов бакалавриата (32 %) наибо-

лее привлекательным карьерным треком, косвенно связанным с научными исследованиями, считают работу в должности аналитика-исследователя в коммерческих организациях. Можно сказать, что профессиональные задачи этого трека не предполагают самостоятельного продуцирования нового научного знания, но заключаются в обработке вторичных данных и несобственных результатов научных исследований в прикладных целях.

Рис. 4. Желательные сценарии профессиональной карьеры респондентов
Fig. 4. Desirable professional career scenarios for respondents

Таким образом, в ходе решения первой задачи было установлено, что студенты бакалавриата технических направлений подготовки СПбГЭТУ «ЛЭТИ» воспринимают науку как высоко значимый вид деятельности и оценивают научно-технологическое развитие как крайне важное для государства и человечества в целом. Образ научной деятельности, сформировавшийся у студентов 1–3-го курсов бакалавриата, включает в себя следующие характеристики науки: важная, полезная, влияющая на общество, служащая во благо человечества, серьезная, сложная, но абстрактная по отношению к личности студента (для 86 % опрошенных). Хотя студенты и считают науку высоко значимым видом деятельности, но не осознают ее как модель собственной профессиональной идентичности и своего профессионального будущего.

Выявленное противоречие указывает на то, что когнитивный фон способствует потенциально высокой студенческой вовлеченности в научную деятельность, но ее реальный уровень недостаточен для восприятия молодыми людьми научных исследований как искомого «дела жизни», что подтверждает исходную гипотезу исследования. Также гипотеза о слабой вовлеченности студентов 1–3-го курсов технических направлений в науку подтвердилась при замере ее текущего уровня.

На рис. 5 обозначено распределение ответов на вопрос о форматах научной деятельности, в которых респонденты принимали непосредственное участие. 65 % респондентов сообщили, что с научными исследованиями сталкивались только косвенно, в рамках обычного учебного процесса. Можно предположить, что такой уровень вовлеченности удовлетворяет студентов. Для проверки этого необходимо было проанализировать мотивацию и интерес, оценить готовность студентов заниматься научной деятельностью.

Рис. 5. Вовлеченность студентов в науку
Fig. 5. Student engagement in science

Определяющими мотивами для занятий научными исследованиями студенты технических направлений назвали (рис. 6):

- удовлетворение интереса к научной области;
- лучшие перспективы трудоустройства. Однако, как показали предыдущие выводы, не в сфере продуцирования новых знаний (научных открытий и изобретений), а в сфере бизнеса в профессиональной роли аналитика-исследователя;
- интеллектуальный вызов;
- знакомство и общение с учеными.

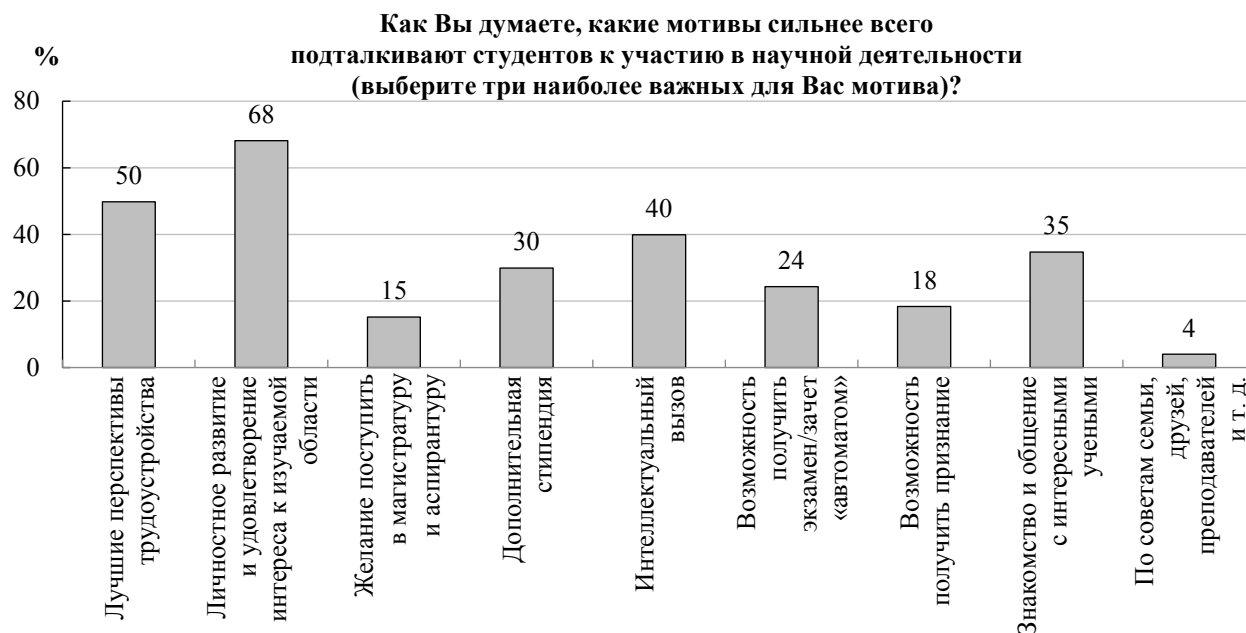

Рис. 6. Мотивы занятия научными исследованиями
Fig. 6. Motives for engaging in scientific research and interest in science

Поскольку большая часть ответивших (68 %) указали на интерес к научной области как на главный мотив для вовлечения, важно было оценить его уровень у респондентов (рис. 7).

26 % сообщили, что наука их не интересует. 5% указали, что их интерес к науке преобразовался в действия и заставил обратиться к исследовательской деятельности. Наиболее востребованные студентами формы исследовательских практик вне учебного процесса – это научные конкурсы и олимпиады (см. рис. 5).

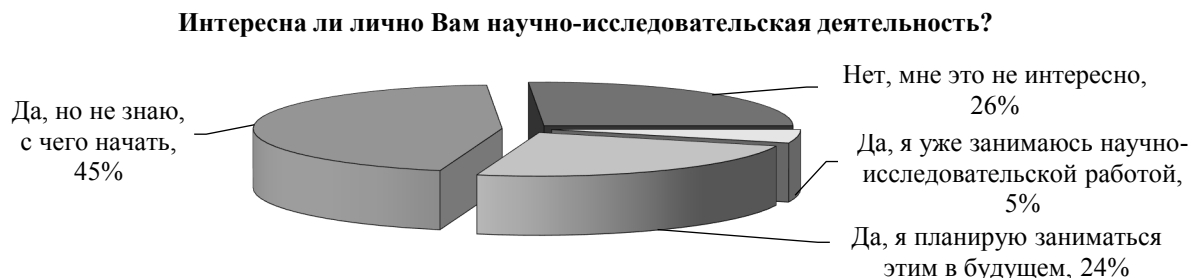

Рис. 7. Интерес к науке
Fig. 7. Interest in science

Интерес 69 % респондентов в действия не перешел. 24 % ответивших связывают науку не с настоящим, а с будущим, оставляя ее в области вероятного и абстрактного, а не практически реализуемого «здесь и сейчас» (рис. 7). Этот факт привлекает к себе внимание, поскольку исследования цифрового поколения показывают, что деятельность, осуществляемая «здесь и сейчас» и способная привести к быстрым достижениям, ценится «зумерами» выше, чем долгосрочные проекты с неопределенными и непрогнозируемыми итогами [13]. Наибольшая доля респондентов (45 %) сообщили, что научная деятельность им интересна, но преобразованию интереса в действия мешает незнание «с чего начать» (рис. 7).

На фоне явно выраженного интереса к научным мероприятиям надо было выяснить, что еще является препятствием к участию в них (рис. 8).

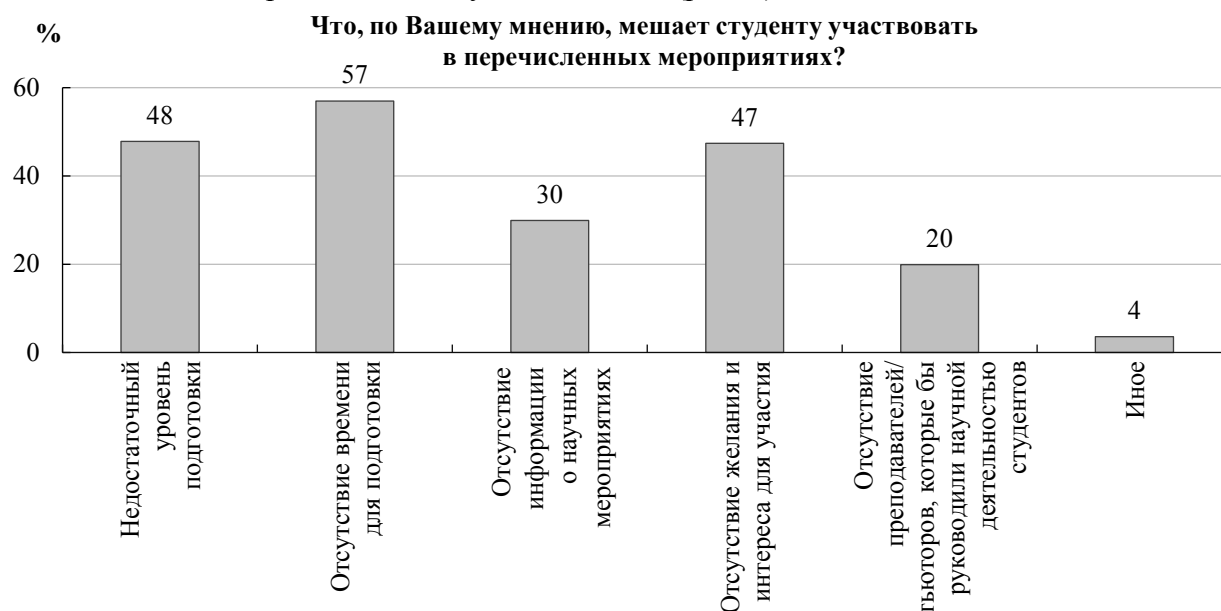

Рис. 8. Препятствия для вовлечения студентов в научную деятельность
Fig. 8. Barriers to student involvement in scientific activities

Гипотетически таким препятствием могло стать отсутствие информации о мероприятиях в университете. Однако с таким ответом были согласны только треть респондентов. С одной стороны, ребята указывают на то, что им неизвестно/непонятно, с чего начать реализацию

собственного интереса к науке, а с другой – в большинстве своем (70 %) они утверждают, что информации о научных мероприятиях и возможностях, имеющихся в университете, достаточно. Следовательно, даже имея информацию о поле реализации своего научного интереса, студенты 1–3-го курсов не знают, как воспользоваться этими возможностями.

Вероятнее всего, причина скрыта в распределении других ответов на вопрос о препятствиях (рис. 8). Доминирующими препятствиями вовлечения в научно-исследовательскую деятельность респонденты назвали недостаточный уровень подготовки для участия и отсутствие времени на эту подготовку. Такое распределение ответов привлекает особое внимание исследователей не только потому, что дает объяснение информационному противоречию (информации достаточно, а как начать научную работу, не знают), но и в контексте одного из доминирующих мотивов вовлечения в науку – интеллектуального вызова (см. рис. 5).

Термин «интеллектуальный вызов» вошел в научный язык вместе с разработкой концепций интеллектуальной культуры [14]. Интересно, что в повседневном языке это словосочетание использовалось и до концептуализации. Интуитивно его смысл легко распознавался пользователями. Концепт «интеллектуальный вызов» многоаспектен, но одно из его значений вполне понятно респондентам 17–20-летнего возраста: применительно к отдельной личности слова «интеллектуальный вызов» означают достижения определенного человека в области познавательной деятельности [14, с. 12]. Интеллектуальный вызов предполагает столкновение с новой, сложной задачей. Если человек ощущает и оценивает свои интеллектуальные ресурсы как достаточные для решения задачи, он принимает вызов и, вероятно, может достичь успеха. Если же есть неуверенность в своих силах, вызов не будет принят, самооценка еще более упадет, а интерес к данной задаче станет вытесняться для защиты положительного самовосприятия. Именно поэтому ощущение недостаточности научно-исследовательской подготовки, выявленное у студентов 1–3-го курсов технических направлений, составляет принципиально важную проблему для работы по повышению студенческой вовлеченности в науку. Преодоление этой проблемы становится первоочередной задачей в области совершенствования научных коммуникаций в академическом сообществе. Тем более, что коммуникативный аспект играет значительную роль в мотивации студентов к исследовательским практикам: «знакомство и общение с учеными» вышло на 4-е место в перечне определяющих мотивов научного участия респондентов.

Таким образом, в ходе решения второй задачи была подтверждена базовая гипотеза исследования о слабой студенческой вовлеченности в науку, а также опровергнута гипотеза об удовлетворенности студентов 1–3-го курсов технических направлений подготовки таким уровнем вовлеченности. Подавляющее большинство студентов интересуются научно-исследовательской деятельностью, но значительная доля не знает/не понимает, как включиться в научные практики. Кроме интереса к научной области, среди определяющих мотивов высокой вовлеченности респонденты выделили интеллектуальный вызов и возможность знакомства и общения с учеными. Мотив интеллектуального вызова ослабляется неуверенностью ребят в собственной научной подготовке и отсутствием времени на эту подготовку. Важно отметить, что последнее препятствие характерно для специфики цифрового поколения, в частности, для такой его проблемы как слабость самоорганизации. Мотив общения с учеными фокусирует внимание исследователей и практиков на коммуникационном аспекте процесса вовлечения. Проблема неуверенности молодежи в своих научно-исследовательских компетенциях требует особого внимания в выстраивании научных коммуникаций. Ее решение может рассматриваться как один из критериев успешности научных коммуникаций университета.

Финальная задача исследования заключалась в изучении мнения респондентов о качествах научных коммуникаций в университете и выявлении уровня удовлетворенности ими. Оценивая общую информированность о научных исследованиях в вузе, исследуемая общественность разделилась примерно поровну: более трети респондентов (39 %) утверждают, что информации достаточно; 43 % считают, что информации недостаточно или они не знают, где ее получить (рис. 9).

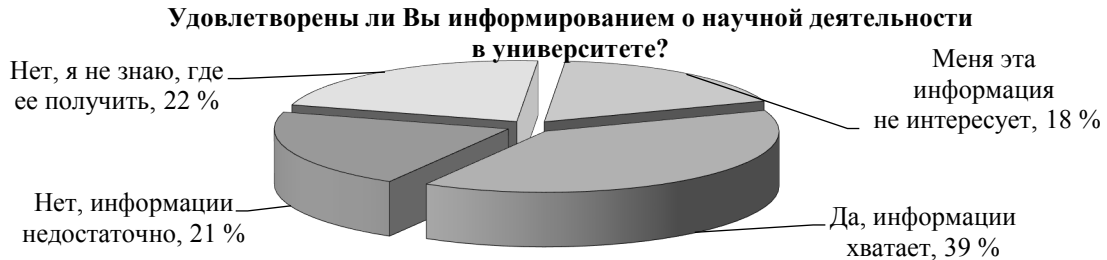

Рис. 9. Удовлетворенность информационным обеспечением о научных исследованиях в университете
Fig. 9. Satisfaction with information provision about scientific research at the university

На открытый вопрос о том, какой информации не хватает студентам, ответившие сказали, что им мало известно о привлечении молодежи университета в науку, а также о проблематике и научных достижениях его ведущих ученых. Примечательно, что согласно выводам, сделанным ранее, последнее составляет особый интерес студентов, участвовавших в социологическом исследовании.

Наиболее предпочтительным форматом информирования по теме «Наука» респонденты – представители цифрового поколения ожидаемо назвали социальные сети и мессенджеры (рис. 10).

Рис. 10. Привлекательные форматы информирования о науке
Fig. 10. Attractive formats for communicating science

Полученные результаты обращают особое внимание на такой формат, как фестивали науки и технологий, занявший второе место, по мнению респондентов (38 %). Этот формат дает возможность не только информировать, но и вовлекать студентов как в научную коммуникацию с учеными, так и в реализацию практической научной деятельности. Коммуникация с учеными позволяет поддерживать высокий уровень интереса у студентов, а возможность при этом непосредственно участвовать в реальных практиках научной деятельности укрепляет их уверенность во владении соответствующими компетенциями.

Если говорить о наполненности научных фестивалей, то самыми привлекательными событиями в их рамках могут стать мастер-классы известных ученых (49 %) (рис. 11), т. е. мероприятия, совмещающие в себе и возможность непосредственного общения для передачи опыта, и практику участия в научном исследовании «здесь и сейчас».

Рис. 11. Участие в научных мероприятиях
Fig. 11. Participation in scientific events

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, хотелось бы отметить, что его результаты подтвердили уважение и интерес российской молодежи к науке. Вместе с тем данные, собранные по целевой группе, состоявшей из студентов 1–3-го курсов технических специальностей, показывают, что только у 5 % респондентов их интерес перерос в действия, и привел ребят к участию в научных исследованиях. Причины низкой студенческой вовлеченности в научную деятельность кроются в неудовлетворенности молодежи качеством научной коммуникации с академическим сообществом и неуверенностью в собственных научно-исследовательских компетенциях. Названные факторы являются весомыми предпосылками для реформирования систем информирования об исследовательской деятельности университетов.

Интересно, что ожидания студентов в области научной коммуникации отражают общие тренды ее развития, наблюдаемые в мире. В частности, эти ожидания явно указывают на необходимость перехода коммуникационных стратегий вовлечения цифрового поколения в научную деятельность от дефицитной модели к диалоговым концепциям.

Дефицитная модель была основана на предположении о неподготовленности реципиентов, невозможности легко понять идеи ученых и сделанные ими открытия, слабой научной эрудиции аудитории. Поэтому такая научная коммуникация передавала готовые пакеты знаний в доходчивой форме. Нисходящая коммуникация чаще всего не включает объяснительные механизмы, ограничиваясь только результатами исследований без уточнения

их методологических принципов. Особенно это характерно для собственно коммуникативных стратегий учебного процесса. Дефицитная модель усиливает у реципиентов ощущение профанности, непосвященности и отстраненности от науки, что у одних студентов блокирует интерес к ней, а других заставляет отнестись планы заняться исследовательской деятельностью в область абстрактного будущего.

Среди диалоговых концепций наиболее заметными являются собственно модель диалога, а также модели вовлеченности и участия. Модель диалога, пришедшая непосредственно на смену односторонней дефицитной модели, так же, как и ее предшественница, подвергается критике, поскольку основное внимание уделяет «удовольствию от общения» на научные и околонучные темы, а не глубокому обсуждению самих научных результатов. Одним из вариантов практической реализации этой модели являются так называемые научные кафе. Несмотря на общую критику модели диалога, такая коммуникационная стратегия весьма полезна применительно к студенческой аудитории особенно младших курсов, так как формат научных кафе формирует благоприятный когнитивный фон восприятия науки как интересной и доступной сферы человеческой деятельности, снимая страх и отчужденность от невозможности ее понять.

Модель вовлеченности состоит из коммуникационных стратегий, направленных на общественность, заинтересованную как в получении информации о научных проблемах, так и включающих в себя самих популяризаторов науки. Участие в реализации этой модели студентов, начиная с 3-го курса, возможно и результативно. Они могут выступать в роли популяризаторов науки и наставников в исследовательских практиках школьников, укрепляя тем самым собственные исследовательские и академические компетенции.

Наконец, третья модель – модель участия – предполагает формирование открытого информационного пространства по принципам таких форматов коммуникации, как «граждане науки» и «открытая наука» [12]. Первая стратегия подразумевает вклад граждан, не являющихся или пока не являющихся учеными, в производство научных данных. Вторая – открытая и публично доступная публикация протоколов и данных исследований, результатов и заключений проведенных анализов и т. д. Представляется, что создание университетской цифровой платформы, функционирующей по принципам модели участия, благотворно скажется не только на развитии молодежной науки, но и исследовательских практик всего академического сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская молодежь: образование и наука / Н. Бондаренко, Ю. Войнилов, Г. Волкова и др. М.: ВШЭ, 2017.
2. Казарина Л. А., Казарина М. В. Тенденции и проблемы развития российской академической науки в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2 (43). С. 130–134. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.43.246.
3. Pascarella E. T. Identifying Excellence in Undergraduate Education: Are We Even Close? // Change: The Magazine of Higher Learning. 2001. Vol. 33, no. 3. P. 18–23. DOI: 10.1080/00091380109601796.
4. Terenzini P., Reason R. Toward a More Comprehensive Understanding of College Effects on Student Learning // Annual Conference of the Consortium of Higher Education Researchers (CHER). June 2010. Center for the Study of Higher Education. Oslo, 2010.

5. Astin A. Student involvement: a developmental theory for higher education // J. of College Student Development. 1984. Vol. 25, no. 4. P. 297–308.
6. Krause K., Coates H. Students' engagement in first-year university // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2008. Vol. 33, iss. 5. P. 493–505. DOI: <https://doi.org/10.1080/02602930701698892>.
7. Mann S. J. Alternative perspectives on the student experience: Alienation and engagement // Studies in Higher Education. 2001. Vol. 26, iss. 1. P. 7–19. DOI: 10.1080/03075070020030689.
8. Martin A. J., Dowson M. Interpersonal Relationships, Motivation, Engagement, and Achievement: Yields for Theory, Current Issues, and Educational Practice // Review of Educational Research. 2009. Vol. 79, iss. 1. P. 327–365. DOI: 10.3102/0034654308325583.
9. Tinto V. Classrooms as communities: Exploring the educational character of student persistence // J. of Higher Education. 1997. Vol. 68, Iss. 6. P. 599–623. DOI: 10.1080/00221546.1997.11779003.
10. Bramming P. An argument for strong learning in higher education // Quality in Higher Education. 2007. Vol. 13, iss. 1. P. 45–56. DOI: 10.1080/13538320701272722.
11. Pace R. Measuring the Quality of College Student Experiences. An Account of the Development and Use of the College Student Experience Questionnaire. LA: Univ. of California, 1984.
12. Bucchi M., Trench B. Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords // Tecnoscienza: Italian J. of Science & Technology Studies. 2016. Vol. 7, no. 2. P. 151–168.
13. Строгеецкая Е. В., Бетигер И. Б. Мотивационный портрет абитуриента цифрового поколения // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 97–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-97-115.
14. Лаптева М. Р. Интеллектуальный вызов как элемент интеллектуальной культуры // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI—XX. № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 9–16.

Информация об авторах.

Строгеецкая Елена Витальевна – кандидат политических наук (2000), доцент (2004), заведующая кафедрой социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 83 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, политика и стратегии развития высшего образования, методология и методики институциональных исследований в области образования, современные мировые исследования высшего образования.

Бетигер Ирина Борисовна – заместитель руководителя службы социологического и психологического сопровождения учебного процесса Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: социологические исследования в области образования, социальная психология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.11.2023; принята после рецензирования 18.12.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Bondarenko, N., Voynilov, Yu., Volkova, G. et al. (2017), *Rossiiskaya molodezh': obrazovanie i nauka* [Russian Youth: Education and Science], HSE, Moscow, RUS.
2. Kazarina, L.A. and Kazarina, M.V. (2018), "Tendencies and problems of development of the Russian academic science in modern conditions", *Business. Education. Law*, no. 2 (43), pp. 130–134. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.43.246.

3. Pascarella, E.T. (2001), "Identifying Excellence in Undergraduate Education: Are We Even Close?", *Change: The Magazine of Higher Learning*, vol. 33, no. 3, pp. 18–23. DOI: 10.1080/00091380109601796.
4. Terenzini, P. and Reason, R. (2010), "Toward a More Comprehensive Understanding of College Effects on Student Learning", *Annual Conference of the Consortium of Higher Education Researchers (CHER)*, June 2010, Center for the Study of Higher Education, Oslo, NOR.
5. Astin, A. (1984), "Student involvement: a developmental theory for higher education", *J. of College Student Development*, vol. 25, no. 4, pp. 297–308.
6. Krause, K. and Coates, H. (2008), "Students' engagement in first-year university", *Assessment & Evaluation in Higher Education*, vol. 33, iss. 5, pp. 493–505. DOI: <https://doi.org/10.1080/02602930701698892>.
7. Mann, S.J. (2001), "Alternative perspectives on the student experience: Alienation and engagement", *Studies in Higher Education*, vol. 26, iss. 1, pp. 7–19. DOI: 10.1080/03075070020030689.
8. Martin, A.J. and Dowson, M. (2009), "Interpersonal Relationships, Motivation, Engagement, and Achievement: Yields for Theory, Current Issues, and Educational Practice", *Review of Educational Research*, vol. 79, iss. 1, pp. 327–365. DOI: 10.3102/0034654308325583.
9. Tinto, V. (1997), "Classrooms as communities: Exploring the educational character of student persistence", *J. of Higher Education*, vol. 68, iss. 6, pp. 599–623. DOI: 10.1080/00221546.1997.11779003.
10. Bramming, P. (2007), "An argument for strong learning in higher education", *Quality in Higher Education*, vol. 13, iss. 1, pp. 45–56. DOI: 10.1080/13538320701272722.
11. Pace, R. (1984), *Measuring the Quality of College Student Experiences. An Account of the Development and Use of the College Student Experience Questionnaire*, Univ. of California, LA, USA.
12. Bucchi, M. and Trench, B. (2016), "Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords", *Tecnoscienza: Italian J. of Science & Technology Studies*, vol. 7, no. 2, pp. 151–168.
13. Strogetskaia, E.V. and Betiger, I.B. (2023), "Motivational Portrait of Digital Generation Applicant", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 97–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-97-115.
14. Lapteva, M.P. (2008), "The Intellectual Challenge as the Basic Element of Intellectual Culture", *Imagines mundi: almanac of studies of general history XVI-XX. Ser. Intellektualnaya istoriya* [Imagines mundi: almanac of studies of general history XVI-XX. No. 5. Ser. Intellectual history. Vol. 3], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS, pp. 9–16.

Information about the authors.

Elena V. Strogetskaia – Can. Sci. (Politics, 2000), Docent (2004), Head of the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 83 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, policies and strategies for the development of higher education, methodology and methods of institutional research in the field of education, modern world studies of higher education.

Irina B. Betiger – Deputy Head of the Service of Sociological and Psychological Support of the Educational Process, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: sociological research in education, social psychology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.11.2023; adopted after review 18.12.2023; published online 21.02.2024.*

Оригинальная статья
УДК 316.473
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-73-85>

Формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ как основа их социальной инклюзии

**Яков Аронович Маргулян¹, Яна Сергеевна Рочева^{2✉},
Артем Леонидович Шавонин³**

²Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации
им. Г. А. Альбрехта, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹ymargulyn@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3214-0341>

^{2✉}rocheva_yana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>

³artyomshavonin@hotmail.com

Введение. Политика российского государства направлена на вовлечение социально уязвимых групп населения во все сферы жизни общества. Одним из важнейших механизмов социальной инклюзии является формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ. Изучение особенностей репрезентации людей с инвалидностью в различных видах медиа позволит сформировать основу для их будущего социологического мониторинга и создания их положительного образа в российском социуме.

Методология и источники. Методологической основой проведенного исследования являются труды российских и зарубежных социологов, посвященные рассмотрению проблем социальной инклюзии людей с инвалидностью. Обоснован интегративно-инклюзивный подход, позволяющий обеспечить переход от решения ситуативных проблем к комплексной реализации инклюзивных практик лиц с инвалидностью. Основным методом исследования выступает качественный контент-анализ статей федеральных СМИ и социальных медиа.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование и сравнение его результатов с выполненным ранее анализом репрезентации инвалидов в федеральных СМИ позволили выявить основные особенности формирования положительного образа людей с инвалидностью в социальных медиа в соответствии с принципами социальной инклюзии. В социальных медиа образ людей с инвалидностью чаще, чем в традиционных СМИ, конструируется через истории отдельных представителей данной социальной группы, описание их жизни и быта. Подобный подход, по мнению авторов, выступает более эффективным инструментом социальной инклюзии инвалидов, чем материалы о социальной группе в целом и предоставляемых им льготах, которые чаще появляются в традиционных СМИ. Также особого подхода требует изучение комментариев под основными материалами, которые являются важным отличием социальных медиа от традиционных СМИ.

© Маргулян Я. А., Рочева Я. С., Шавонин А. Л., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. На основе сравнительного авторского исследования сделаны выводы о различиях в репрезентации людей с инвалидностью в традиционных СМИ и социальных медиа. На основании данных выводов сформулированы направления совершенствования деятельности российских СМИ по формированию положительного образа людей с инвалидностью, представлены рекомендации по дальнейшему изучению репрезентации этой социальной группы в медиа.

Ключевые слова: инвалиды, социальная инклюзия, контент-анализ, федеральные СМИ, социальные медиа

Для цитирования: Маргулян Я. А., Рочева Я. С., Шавонин А. Л. Формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ как основа их социальной инклюзии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-73-85.

Original paper

Formation of a Positive Image of People with Disabilities in Modern Russian Media as the Basis for their Social Inclusion

Yakov A. Margulyan¹, Yana S. Rocheva²✉, Artem L. Shavonin³

²*Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation
n.a. G. A. Albrecht, St Petersburg, Russia*

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*ymargulyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3214-0341>*

²✉*rocheva_yana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7162-8917>*

³*artyomshavonin@hotmail.com*

Introduction. The social policy of the Russian state is aimed at involving socially vulnerable groups of the population in all spheres of social life. One of the most important mechanisms of social inclusion is the formation of a positive image of people with disabilities in modern Russian media. Studying the features of the representation of people with disabilities in various types of media will form the basis for their future sociological monitoring and the creation of a positive image of people with disabilities in Russian society.

Methodology and sources. The methodological basis of the study is the works of Russian and foreign sociologists devoted to the problems of social inclusion of people with disabilities. An integrative and inclusive approach is substantiated to ensure a transition from solving situational problems to the comprehensive implementation of inclusive practices for people with disabilities. The main research method is qualitative content analysis of articles from federal media and social media.

Results and discussion. The conducted research and comparison of its results with a previously performed analysis of the representation of people with disabilities in the federal media made it possible to identify the main features of the formation of a positive image of people with disabilities in social media in accordance with the principles of social inclusion. In social media, the image of people with disabilities, more often than in traditional media, is constructed through the stories of individual representatives of this social group, a description of their life and everyday life. Such an approach, according to the authors, is a more effective tool for the social inclusion of people with disabilities than materials about the social group as a whole and the benefits provided to them, which more often appear in traditional media. Also, a special approach requires studying the comments under the main materials, which are the main difference between social media and traditional media.

Conclusion. Based on the author's comparative research, conclusions are drawn about differences in the representation of people with disabilities in traditional media and social media. Based on these findings, directions for improving the activities of Russian media in creating a positive image of people with disabilities are formulated, and recommendations for further study of the representation of people with disabilities in the media are presented.

Keywords: disabled people, social inclusion, content analysis, federal media, social media

For citation: Margulyan, Ya.A., Rocheva, Ya.S. and Shavonin, A.L. (2024), "Formation of a Positive Image of People with Disabilities in Modern Russian Media as the Basis for their Social Inclusion", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-73-85 (Russia).

Введение. Интеграция людей с инвалидностью в общество, обеспечение равенства прав и свобод всех без исключения граждан являются важными и социально значимыми задачами политики социального государства, которым является Российская Федерация. Устойчивое социальное развитие общества возможно лишь в условиях приоритетности соблюдения принципов инклюзии в отношении социально уязвимых категорий населения. Среди данных категорий необходимо выделить лиц с инвалидностью, которые имеют наибольшее количество ограничений, а значит, испытывают наибольшие трудности включения в жизнь общества [1].

Средства массовой информации занимают в процессе социальной инклюзии особое место, поскольку являются эффективным инструментом формирования положительного образа людей с инвалидностью. Полноценная интеграция – это, безусловно, залог их включенности в социальные практики эффективного функционирования общества, выдвигая на первый план идеи инклюзивного миропонимания, связанные с пониманием уникальности человеческой личности, ее ценности и неповторимости. Данная проблема актуализируется в современных условиях в связи с участием Вооруженных Сил РФ в специальной военной операции.

Цель работы – исследование проблемы инвалидности в контексте развития инклюзивных процессов в социуме и анализ формирования положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ. На основе данной цели сформулированы следующие задачи:

- рассмотрение феномена инклюзии в рамках интеграционных процессов нормализации;
- мониторинг современных российских СМИ в контексте освещения положения людей с инвалидностью;
- определение основных направлений формирования положительного образа людей с инвалидностью в российских СМИ.

Методология и источники. Анализ научной литературы, связанной с исследованием проблем социальной политики по отношению к уязвимым слоям населения и в первую очередь инвалидам, имеющим наибольшее количество ограничений, показывает трансформацию взглядов ученых от «концепции болезни» к «концепции нормализации». В основе исследований теории нормализации (1970-е гг.) лежат вопросы социокультурного конструирования инвалидности, позволяющие утверждать право каждого человека, независимо от любых ограничений здоровья, участвовать во всех формах жизнедеятельности, характерных для любого члена общества.

В рамках интеграционных процессов нормализации получает развитие теория социальной инклюзии как движения в направлении создания включающего общества, обеспечивающего равное отношение ко всем людям без исключения. Вопросы концептуализации социальной инклюзии исследовали Ю. А. Афонькина [1], С. В. Алехина [2], В. К. Антонова [3], М. С. Астоянц, И. Г. Россихина [4], А. С. Юлдасова [5], П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова [6] и др. По мнению М. С. Астоянц и И. Г. Россихиной, социальная инклюзия представляет собой «активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции» [4, с. 53]. В. К. Антонова включает в процесс социальной инклюзии определенные усилия для достижения равных возможностей для всех, независимо от пола, возраста, социального статуса, образования, этнической принадлежности и так далее, для обеспечения полноценного и активного участия во всех сферах жизни, борьбы с бедностью и социальной эксклюзией [3]. С точки зрения А. С. Юлдасовой, инклюзия предусматривает для человека с особыми потребностями неограниченное участие и свободу выбора его меры, форм и способов во всех социальных процессах [5].

Таким образом, феномен инклюзии базируется на общечеловеческих ценностях, основанных на идеях гуманизма и равноправия, выработанных в многовековой истории развития мировой цивилизации. Социальная инклюзия обеспечивает равноправный доступ всех социальных групп и слоев населения к получению того или иного вида социальных благ и услуг, достижению высокого качества жизни и благоприятного социального статуса, праву быть равноправными членами своих сообществ и общества в целом.

Важное значение приобретает мониторинг общего состояния общества, определение положения людей с ограниченными возможностями, реализации принципа социальной инклюзии инвалидов как наиболее уязвимой социальной группы населения. Одним из действенных инструментов формирования общественного мнения по созданию положительного образа людей с инвалидностью является деятельность средств массовой информации. Мониторинг современных российских СМИ позволяет не только получать своевременную информацию, на основе которой принимаются текущие управленческие решения, но и предоставляет данные для отслеживания эффективности решений, принятых в прошлом, а также дает возможность прогнозировать состояние социума в будущем. Это достигается определенной периодичностью проведения подобных исследований на основе одних и тех же индикаторов, что предоставляет почву для сравнения.

Мониторинг положения людей с инвалидностью в российском обществе регулярно проводится Федеральной службой государственной статистики и Федеральным реестром инвалидов [7]. Показатели мониторинга направлены на определение положения людей с инвалидностью в нашем обществе, рассмотрение их материального положения и социальной защиты, состояния занятости, образования, жилищных условий, доступности для них различных социальных благ и отношения к ним других членов общества.

Подобные исследования периодически проводятся различными социологическими центрами и фондами. Так, например, в 2010 г. ВЦИОМ было проведено исследование «Программы для инвалидов: принимать или отложить» [8], в 2018 г. – «Восприятие населением РФ положения инвалидов в России» [9], в 2019 г. – «Международный день инвалидов–2019» [10], в 2021 г. – «Инвалиды и общество: положение, отношение, проблемы» [11]. В рамках

данных исследований проходили телефонные опросы населения Российской Федерации. Вопросы были направлены на определение отношения жителей страны к людям с инвалидностью, к их проблемам и необходимости решения этих проблем.

Фондом «Общественное мнение» в 2013 г. было выполнено исследование «Мониторинг социальных задач: рабочие места для инвалидов», направленное на выявление проблем людей с инвалидностью, связанных с трудоустройством [12]. В 2014 г. было проведено совместное исследование Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» и ФОМ, в рамках которого выяснялось отношение к слепоглухим людям и их проблемам в обществе. Опрос проходил как среди людей, не относящихся к инвалидам, так и среди слепоглухих [13]. В 2020 г. социальная группа людей с инвалидностью была затронута в рамках исследования «Справедливость и несправедливость». В данном исследовании люди с инвалидностью выступали в качестве одной из социальных групп, которые, по мнению опрошенных, наиболее часто подвергались несправедливому отношению [14]. Исследование отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья также проводилось Левада-Центром в 2019 г. [15]. Вопросы в рамках данного опроса населения РФ были направлены на определение отношения граждан к людям с инвалидностью, оценки доступности окружающей среды, выполнению государством социальных обязательств перед людьми с ОВЗ. Ежегодно в соответствии с реализацией государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» исследуется отношение населения к проблемам инвалидов как один из показателей исполнения данной программы [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы людей с инвалидностью периодически затрагиваются социологическими центрами и фондами общественного мнения. Однако в данных исследованиях есть ряд существенных недостатков. Во-первых, не все из упомянутых исследований соответствуют критериям мониторинга. К мониторингу можно отнести данные исследований Росстата и Федерального реестра инвалидов – они используют один набор индикаторов для исследования одного и того же объекта и публикуются регулярно. Что касается исследований остальных центров, они не являются мониторингом в полной мере. Исследования ВЦИОМ по большей части используют общий набор индикаторов, но не публикуются с достаточной регулярностью. Исследования ФОМ применяют разные индикаторы и также проводятся редко. На сайте Левада-Центра было найдено всего одно исследование.

Во-вторых, репрезентация людей с инвалидностью в СМИ в данных исследованиях не затрагивается. Исследования СМИ проводятся лишь учеными в рамках отдельных научных работ. Подобные работы проводились П. В Романовым и Е. Р Ярской-Смирновой [6], Т. А. Головиной [17], Л. Р. Гарапшиной [18], И. А. Курбановым и С. Г. Носковым [19], а также авторами данной статьи [20]. Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии систематического мониторинга СМИ на предмет соблюдения прав инвалидов в Российской Федерации.

В-третьих, исследования социологических центров и статистических служб направлены на определение текущего положения инвалидов в обществе и отношение к ним, представляют динамику их положения. Однако данные по этим исследованиям не позволяют определить причины, по которым эти люди находятся в определенном положении. Выявление социальных причин, трудностей, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью в со-

циуме, является критически важной задачей в рамках снижения интенсивности данных социальных проблем. СМИ оказывают существенное влияние на общественное мнение, и их мониторинг на предмет соблюдения прав инвалидов – один из важнейших шагов к решению проблем, с которыми сталкиваются люди с ОВЗ.

Данное исследование представляет собой апробацию индикаторов контент-анализа, которые могут в будущем использоваться для мониторинга репрезентации людей с инвалидностью в СМИ и социальных медиа. Целью исследования было провести сравнительный анализ репрезентации людей с инвалидностью в традиционных СМИ и социальных медиа. Метод исследования – контент-анализ.

В качестве представителей традиционных СМИ в исследовании выступили сайты следующих изданий: «Известия» [21], «Коммерсантъ» [22], «Российская газета» [23], в качестве представителей социальных медиа – следующие интернет-ресурсы: E1.ru [24], 29.ru [25], Fontanka.ru [26].

Данные ресурсы были выбраны на основе рейтинга «Медиалогии» [27]. Основа для построения рейтингов – индекс цитируемости (ИЦ) «Медиалогии». Рейтинг построен на основе базы СМИ системы «Медиалогия», включающей более 77 тыс. источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, интернет-СМИ и блоги. При подсчете рейтингов не учитываются новостные агрегаторы. Генеральной совокупностью в рамках исследования стали материалы в выбранных социальных медиа и традиционных СМИ за период с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2022 г., выдаваемые поисковой системой сайта по запросу «инвалид».

Исследование традиционных СМИ на основе данных индикаторов за период с 1 мая 2020 г. по 31 мая 2022 г. было проведено ранее и описано в статье «Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа)» [20]. В рамках данной работы анализ традиционных СМИ был дополнен анализом материалов с 1 января по 1 мая 2020 г. и с 31 мая по 31 декабря 2022 г.

Статьи для контент-анализа из генеральной совокупности выбирались путем простой случайной выборки. Шаг для отбора статей для каждого ресурса был индивидуальным. В результате было проанализировано 527 статей в федеральных СМИ («Коммерсантъ», «Известия», «Российская газета») и 522 региональных СМИ (Fontanka.ru, 29.ru, E1.ru). Выборка вероятностная механическая. Шаг выборки в каждом СМИ различный и определялся исходя из численности генеральной совокупности для сохранения пропорции представления анализируемых материалов в выборочной совокупности.

Для анализа использовались группы индикаторов, связанные с определением образа человека с инвалидностью, характеристики материала, определение комментариев социальных медиа (применялись исключительно для анализа социальных медиа) (табл. 1).

Результаты и обсуждение. По индикатору «Образ инвалида» характеристика образа «Инвалид – получатель благ» является наиболее популярным как в традиционных СМИ, так и в социальных медиа (52,7 % материалов в традиционных СМИ и 48,9 % в социальных медиа). Образ «Инвалиды – самостоятельные акторы» также встречается как в традиционных СМИ (19,8 %), так и в социальных медиа (13,6 %), однако не так часто.

Таблица 1. Индикаторы образа человека в СМИ
Table 1. Indicators of a person's image in the media

№ п/п	Группы индикаторов	Составные компоненты
1	Образ человека с инвалидностью	Образ инвалида. Сюжеты интеграции инвалидов в общество. Пол людей с инвалидностью в материале. Возраст людей с инвалидностью в материале. Тип инвалидности
2	Характеристики материала	Регион, о котором идет речь в материале. Лицо повествования. Тональность заголовков. Информационный повод для материала
3	Анализ комментариев социальных медиа (использовался исключительно для анализа социальных медиа)	Наличие комментариев под материалом. Общая тональность комментариев по отношению к людям с инвалидностью. Совпадение тональности материала и комментариев. Образ инвалидов в комментариях. Совпадение образа людей с инвалидностью в комментариях и материале

Наиболее популярным инфоповодом для материала в традиционных СМИ являются реформы и законы (31 %), а в социальных медиа – оказание помощи инвалидам (39 %). Популярность данного инфоповода в социальных медиа во многом связана с наличием специальных проектов: «Доброе дело» (Фонтанка.ру) и «Истории» (Е1.ru и 29.ru). В рамках данных проектов публикуются истории жизни отдельных представителей группы людей с инвалидностью, в которых подробно описывается их быт и повседневная жизнь, трудности с которыми они сталкиваются, то, как они с ними борются.

Таким образом, можно отметить, что в традиционных СМИ инвалидов репрезентируют как социальную группу, нуждающуюся в поддержке и особых условиях. Подобная репрезентация доминирует и в социальных медиа, однако там гораздо чаще встречаются материалы об отдельных представителях социальной группы людей с инвалидностью, в которых подробно описывается их жизненная история, особенности быта, достижения. По нашему мнению, подобные сюжеты крайне важны для формирования положительного образа людей с инвалидностью в обществе. Особенно эффективны они могут быть в социальных медиа, где аудитория более вовлечена в дискурс за счет возможности оставить оперативную обратную связь автору материала.

При этом использованные для анализа индикаторов материалы не всегда позволяют разделить материалы об инвалидах как социальной группе и как об отдельных деятелях. Если мы сравним результат оставшихся индикаторов по группе «Образ человека с инвалидностью», то обнаружим, что, судя по полученным данным, инвалиды в социальных медиа обезличиваются чаще, чем в традиционных СМИ: пол и тип инвалидности указываются в материалах социальных медиа реже, чем в традиционных СМИ (табл. 2). В то же время, нами было отмечено, что фактически материалов, обезличивающих людей с инвалидностью, больше как раз в федеральных СМИ. Следовательно, требуется добавление индикаторов, которые позволят различать данные виды статей.

Таблица 2. Образ человека с инвалидностью
Table 2. Image of a person with a disability

Категория	Традиционные СМИ, %	Социальные медиа, %
Пол		
Указан	21	51
Не указан	69	49
Возраст		
Указан	46	17
Не указан	54	83
Тип инвалидности		
Указан	51	39
Не указан	49	61
Наличие прямой речи		
Присутствует	13	21

Также стоит уделить особое внимание анализу комментариев как основной особенности социальных медиа по сравнению с традиционными СМИ. Анализ полученных данных показал, что система индикаторов, используемых для анализа материалов в традиционных СМИ и основного материала в социальных медиа, требует дополнительной адаптации для применения при анализе комментариев.

Во-первых, зачастую предметом комментария становится не индивид с инвалидностью, а что-то другое. Это происходит в связи с тем, что комментарии создаются не одним, а многими авторами, в отличие от основного материала. Они «вбрасывают» множество тем, в результате чего дискуссия уходит от темы инвалидности в другое русло. Подобные комментарии были отнесены нами в категорию «Критика действий властей в отношении инвалидов», и их получилось большинство (44,9 %). Следовательно, требуется введение дополнительных индикаторов, которые позволят отделять комментарии о людях с инвалидностью от комментариев, затрагивающих отвлеченные темы. Это позволит более корректно определить образ инвалидов, складывающийся в комментариях в социальных медиа.

Во-вторых, следует обратить внимание на тональность комментариев. Чаще всего она не совпадала с основным материалом (67,4 %) и была отрицательной (82,4%). Однако зачастую негатив в комментариях был обращен не в сторону людей с инвалидностью (это подтверждается данными по прошлому описанному показателю). Тональность комментариев под статьями разнородна, что также является следствием того, что комментарии оставляют разные люди. Зачастую очень сложно определить их общую тональность под конкретным материалом. Для этого требуется доработка индикатора «Тональность комментариев».

По результатам проведенного исследования предлагается внести следующие изменения в группы индикаторов для мониторинга соблюдения прав инвалидов в медиа:

– группа индикаторов «Образ человека с инвалидностью». Необходимо добавить индикатор «Группа или индивид», который позволит определять, о ком идет речь в материале: о жизни отдельного представителя группы людей с инвалидностью или о социальной группе в целом;

– группа индикаторов «Характеристики материала». Требуется добавить индикатор «Тональность материала» в дополнение к индикатору «Тональность заголовка», так как при изначальном анализе традиционных СМИ мы оценивали исключительно тональность заголовков, не прибегая при этом к анализу тональности самого материала;

– группа индикаторов «Анализ комментариев социальных медиа». Необходимо определить, как будут отбираться комментарии для анализа. По нашему мнению, лучшим вариантом будет учитывать при анализе только комментарии об инвалидах. Также одним из вариантов решения данной проблемы является добавление индикатора «Количество комментариев о людях с инвалидностью относительно общего числа комментариев под материалом». Данный индикатор поможет оценить вовлеченность людей в комментариях в конкретную тему, затронутую в основном материале.

Важным элементом формирования положительного образа людей с инвалидностью в современных медиа выступает политика социальной инклюзии инвалидов, осуществляемая как от имени большинства, так и самими инвалидами. К числу основных направлений формирования положительного образа людей с инвалидностью в российских СМИ относятся: 1) представление людей с инвалидностью как активных членов общества, а не как пассивных и несамостоятельных наблюдателей; 2) разработка и внедрение проектов и программ информационной поддержки по вопросам правовой поддержки и защиты людей с инвалидностью; 3) расширение масштабов диалога по проблемам инвалидности в публичной сфере вне специально отведенных рубрик прессы, тематических теле- и радиопередач; 4) создание в отечественных интернет-ресурсах соответствующих веб-сайтов, посвященных раскрытию положительного образа инвалидов, идеологии независимой жизни данной категории людей, рассмотрению проблем инвалидности и способов решения возникающих жизненных ситуаций через сопротивление, преодоление и сопричастность; 5) активное вовлечение в публичный диалог представителей сообщества людей с инвалидностью не только в терминах противостояния, но и в рамках институционализированного диалога; 6) систематизация и организация в СМИ позитивных ролевых моделей и возможностей активной жизни людей с инвалидностью, особенно детей и молодежи.

Заключение. Таким образом, качественный мониторинг положения инвалидов в российском обществе является чрезвычайно важной задачей. Проведение регулярного мониторинга данной социальной проблемы позволит не только создать информационную базу для принятия управленческих решений, направленных на снижение интенсивности проблемы затрудненного положения инвалидов в обществе, но и станет инструментом отслеживания эффективности принятых управленческих решений при формировании положительного образа людей с инвалидностью в российских СМИ.

В данной статье предлагается апробированная система индикаторов, внедрение которых в государственную систему мониторинга соблюдения прав инвалидов позволит отслеживать их репрезентацию в медиа. Внедрение мониторинга медиа в государственную систему мониторинга соблюдения прав инвалидов является одним из ключевых факторов ее успешного функционирования. СМИ оказывают существенное влияние на формирование положительного образа людей с инвалидностью в общественном сознании. Проведенный мониторинг СМИ, связанный с анализом социальной инклюзии людей с инвалидностью,

даст возможность совершенствовать положительную репрезентацию людей с ограничениями здоровья и будет полезен для исследователей, занимающихся проблематикой репрезентации людей с инвалидностью в своих научных работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонькина Ю. А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11 (55). С. 149–162. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-11-13.
2. Алехина С. В. Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 1. С. 5–16.
3. Антонова В. К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 2. С. 151–170.
4. Астоянц М. С., Россихина И. Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Юж. фед. ун-та. Педагогические науки. 2009. № 12. С. 51–58.
5. Юлдасова А. С. Философия взглядов на инклюзивное образование // Познание. 2016. URL: <http://zhurnalpoznanie.ru/servisy/publik/publ?id=1277> (дата обращения: 05.12.2023).
6. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.
7. Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).
8. Программы для инвалидов: принимать или отложить // ВЦИОМ. 07.12.2010. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/programmy-dlya-invalidov-prinimat-ili-otlozhit> (дата обращения: 05.12.2023).
9. Восприятие населением РФ положения инвалидов в России. 2018 // ВЦИОМ. URL: https://profi.wciom.ru/open_projects/otnoshenie_k_invalidam/ (дата обращения: 05.12.2023).
10. Международный день инвалидов–2019 // ВЦИОМ. 04.12.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnyj-den-invalidov-2019> (дата обращения: 05.12.2023).
11. Инвалиды и общество: положение, отношение, проблемы // ВЦИОМ. 02.11.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-i-obshchestvo-polozhenie-otnoshenie-problemy> (дата обращения: 05.12.2023).
12. Мониторинг социальных задач: рабочие места для инвалидов // ФОМ. 07.06.2013. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10944> (дата обращения: 05.12.2023).
13. Исследование Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» и ФОМ // ФОМ. 29.10.2014. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/11788> (дата обращения: 05.12.2023).
14. Справедливость и несправедливость // ФОМ. 06.10.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (дата обращения: 05.12.2023).
15. Отношение населения к лицам с ограниченными возможностями // Левада-Центр. 25.10.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/25/otnoshenie-naseleniya-k-litsam-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami/> (дата обращения: 05.12.2023).
16. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 N 363 (ред. от 15.11.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904080016> (дата обращения: 16.11.2023).
17. Головина Т. А. Отражение журналистами феномена инвалидности в СМИ // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 137–141.
18. Гарапшина Л. Р. Социальное конструирование образа людей с ментальной инвалидностью современными СМИ: российский и региональный опыт // Вестн. экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 219–223.

19. Курбанов И. А., Носков С. Г. Социальная модель в языковых репрезентациях человека с ограниченными возможностями в российском и американском дискурсах СМИ // Вестн. ТГПУ. 2017. № 6 (183). С. 25–31. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31.

20. Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа) / Я. С. Рочева, А. Л. Шавонин, А. А. Шадрин, С. В. Шевердина // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 64–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-64-77.

21. Известия. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

22. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

23. Российская газета. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

24. E1.ru. Екатеринбург онлайн. URL: <https://www.e1.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

25. 29.ru. Архангельск онлайн. URL: <https://29.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

26. Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

27. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 05.12.2023).

Информация об авторах.

Маргулян Яков Аронович – доктор социологических наук (2001), профессор (2002), профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная безопасность общества, проблемы социального управления.

Рочева Яна Сергеевна – кандидат социологических наук (2011), руководитель отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов Федерального научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г. А. Альбрехта, ул. Бестужевская, д. 50, Санкт-Петербург, 195067, Россия; доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия; доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: права инвалидов, исследования инвалидности, мониторинг соблюдения прав инвалидов, социология права, интеграция инвалидов в общество.

Шавонин Артем Леонидович – аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникации, социология медиа, права инвалидов, исследования инвалидности.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.12.2023; принята после рецензирования 18.12.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Afonkina, Yu.A. (2015), "Social inclusion of people with disabilities and the problem of human dignity", *Modern Research of Social Problems*, no. 11 (55), pp.149–162. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-11-13.

2. Alekhina, S.V. (2014), "Principles of inclusion in the context of development of modern education", *Psychological Science and Education*, vol. 19, no. 1, pp. 5–16.

3. Antonova, V.K. (2013), "The concepts of social inclusion and exclusion in global society: a journey within social institutions, actors and practices", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 151–170.

4. Astoyants, M.S. and Rossikhina, I.G. (2009), "Social inclusion: an attempt to conceptualize and operationalize the concept", *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 12, pp. 51–58.

5. Yuldasova, A.S. (2016), "Philosophy of views on inclusive education", *Poznanie*, available at: <http://zhurnalpoznanie.ru/servisy/publik/publ?id=1277> (accessed 05.12.2023).

6. Romanov, P.V. and Yarskaja-Smirnova, E.R. (2006), *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [Disability Politics: Social Citizenship of the Disabled in Modern Russia], Nauchnaya kniga, Saratov, RUS.

7. *Federal'nyi reestr invalidov* [Federal Register of Disabled People], available at: <https://sfri.ru/> (accessed 05.12.2023).

8. "Programs for disabled people: accept or postpone" (2010), *VTSIOM*, 07.12.2010, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/programmy-dlya-invalidov-prinimat-ili-otlozhit> (accessed 05.12.2023).

9. "The Russian population's perception of the situation of disabled people in Russia" (2018), *VTSIOM*, available at: https://profi.wciom.ru/open_projects/otnoshenie_k_invalidam/ (accessed 05.12.2023).

10. "International Day of Persons with Disabilities–2019" (2019), *VTSIOM*, 04.12.2019, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnyj-den-invalidov-2019> (accessed 05.12.2023).

11. "Disabled people and society: situation, attitude, problems" (2021), *VTSIOM*, 02.11.2021, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-i-obshchestvo-polozhenie-otnoshenie-problemy> (accessed 05.12.2023).

12. "Monitoring social tasks: jobs for disabled people" (2013), *FOM*, 07.06.2013, available at: <https://fom.ru/TSennosti/10944> (accessed 05.12.2023).

13. "Research by the Foundation for Supporting the Deaf-Blind "Connection" and FOM" (2014), *FOM*, 29.10.2014, available at: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/11788> (accessed 05.12.2023).

14. "Justice and injustice", *FOM*, 06.10.2020, available at: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (accessed 05.12.2023).

15. "Attitude of the population towards persons with disabilities", *Levada-Center*, 25.10.2019, available at: <https://www.levada.ru/2019/10/25/otnoshenie-naseleniya-k-litsam-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami/> (accessed 05.12.2023).

16. "Government Executive Order N 363, 29.03.2019 (revised at 15.11.2023) "On approval of the state program of the Russian Federation "Accessible Environment", *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information], available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904080016> (accessed 16.11.2023).

17. Golovina, T.A. (2013), "Journalists and media for handicapped problems", *Proceedings of VSU. Ser. Philology. Journalism*, no. 2, pp. 137–141.

18. Garapshina, L.R. (2016), "The Social Construction of the Image of Mentally Disabled People in Modern Media: Russian and Regional experience", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 219–223.

19. Kurbanov, I.A. and Noskov, S.G. (2017), "Social model in language representations of a person with disability in Russian and American mass media discourse", *TSPU Bulletin*, № 6 (183), pp. 25–31. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31.

20. Rocheva, Ya.S., Shavonin, A.L., Shadrin, A.A. and Sheverdina, S.V. (2023), "Representation of Disabled People in the Federal Media (by the Materials of the Content Analysis)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 64–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-64-77.

21. *Izvestiya*, available at: <https://iz.ru/> (accessed 05.12.2023).

22. *Kommersant*, available at: <https://www.kommersant.ru/> (accessed 05.12.2023).

23. *Rossiyskaya gazeta*, available at: <https://rg.ru/> (accessed 05.12.2023).

24. *E1.ru. Ekaterinburg online*, available at: <https://www.e1.ru/> (accessed 05.12.2023).
25. *29.ru. Arkhangelsk online*, available at: <https://29.ru/> (accessed 05.12.2023).
26. *Fontanka*, available at: <https://www.fontanka.ru/> (accessed 05.12.2023).
27. *Medialogiya*, available at: <https://www.mlg.ru/> (accessed 05.12.2023).

Information about the authors.

Yakov A. Margulyan – Dr. Sci. (Sociology, 2001), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: social security, problems of social management.

Yana S. Rocheva – Can. Sci. (Sociology, 2011), Head of the Department the Monitoring Rights of Persons with Disabilities, Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation n.a. G. A. Albrecht, 50 Bestuzhevskaya str., St Petersburg 195067, Russia; Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resources Management, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia; Associate Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: rights of persons with disabilities, disability research, monitoring of observance of the rights of persons with disabilities, sociology of law, integration of persons with disabilities into society.

Artem L. Shavonin – Postgraduate at the Department of Sociology and Personnel Management Saint Petersburg State Economic University, 30–32, letter A Canal Griboedov emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: sociology of communication, sociology of media, rights of the disabled, disability research.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.12.2023; adopted after review 18.12.2023; published online 21.02.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.012

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-86-99>

Национальные проекты как инструмент реализации социального государства в современной России

Евгений Александрович Пашковский

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>*

Введение. Национальный проект представляет собой стратегический план развития страны в какой-либо конкретной сфере, принятый на определенный срок, и включает целевые показатели, задачи, необходимые к реализации для их достижения, обозначение методов и средств достижения целей, а также подразумевает финансирование в необходимом объеме. В российской политической практике национальные проекты по своему содержанию связаны прежде всего с социальной политикой. Национальные проекты в современной России можно рассматривать как инструмент реализации политики социального государства.

Методология и источники. Используются зарубежные и отечественные теории социального государства, нормативно-правовые акты Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили: теория социальных представлений С. Московичи, а именно мысль о том, что представления – специфический способ понимания и коммуникации, «который создает реальность и здравый смысл»; современные теории эффективности государственного управления. Эмпирической базой послужили данные социологических опросов и официальной статистики.

Результаты и обсуждение. Текущие результаты реализации национальных проектов рассматриваются в рамках соответствия следующим составляющим социального государства: формирование комфортной социальной среды; создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека; появление стимулов для создания и функционирования негосударственных институтов, направленных на повышение качества жизни граждан.

Заключение. Национальные проекты в ближайшей перспективе можно рассматривать как потенциальные возможности для преодоления ряда трудностей и социальных проблем в рамках социально-экономического развития России и обеспечения тем самым укрепления социального государства.

Ключевые слова: национальный проект, социальное государство, социальная эффективность государственного управления, социальная проблема, образование, волонтерство

Для цитирования: Пашковский Е. А. Национальные проекты как инструмент реализации социального государства в современной России // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-86-99.

© Пашковский Е. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

National Projects as a tool for Implementing the Welfare State in Modern Russia

Evgeny A. Pashkovsky

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>*

Introduction. A national project is a strategic plan for the development of the country in any specific area, adopted for a certain period, including target indicators, tasks necessary for implementation to achieve them, designation of methods and means of achieving goals, implying financing in the required amount. In Russian political practice, national projects in their content are primarily related to social policy. National projects in modern Russia can be considered as a tool for implementing the policy of the welfare state.

Methodology and sources. The author used foreign and Russian theories of the welfare state and legal acts of the Russian Federation. The methodological basis of the study was: the theory of social representations by S. Moscovici, namely the idea that representations are a specific way of understanding and communication, which creates reality and common sense; modern theories of public administration efficiency. The empirical basis was data from sociological surveys and official statistics.

Results and discussion. The current results of the implementation of national projects are considered within the framework of compliance with the following components of the welfare state: creating a comfortable social environment; creating conditions and opportunities for self-realization and revealing the talent of each person; the emergence of incentives for the creation and functioning of non-state institutions aimed at improving the quality of life of citizens.

Conclusion. National projects in the near future can be considered as potential opportunities for overcoming a number of difficulties and social problems within the framework of the socio-economic development of Russia, and thereby ensuring the strengthening of the welfare state.

Keywords: national project, welfare state, social efficiency of public administration, social problem, education, volunteering

For citation: Pashkovsky, E.A. (2024), "National Projects as a tool for Implementing the Welfare State in Modern Russia", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-86-99 (Russia).

Введение. Под термином «проект» в управленческой деятельности понимается временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата [1]. Национальный проект представляет собой стратегический план развития страны в какой-либо конкретной сфере, принятый на определенный срок, включающий целевые показатели, задачи, необходимые к реализации для их достижения, обозначение методов и средств достижения целей, подразумевающий финансирование в необходимом объеме. В российской политической практике национальные проекты по своему содержанию связаны прежде всего с социальной политикой. Впервые программа приоритетных национальных проектов была инициирована В. В. Путиным 5 сентября 2005 г. на встрече с членами Правительства РФ [2]. В своей речи президент подчеркнул, что основной целью деятельности

руководства страны является существенное повышение качества жизни граждан России, а областями для приоритетных национальных проектов им были предложены здравоохранение, образование, жилье. Среди целей реализуемых ныне национальных проектов, заявленных в Указе от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3], фигурируют: увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Такая постановка целей, на наш взгляд, позволяет рассматривать национальные проекты как инструмент реализации политики социального государства.

Методология и источники. Методологическую основу исследования составили: теория социальных представлений С. Московичи, а именно мысль о том, что представления – специфический способ понимания и коммуникации, «который создает реальность и здравый смысл» [4, р. 33]; современные теории эффективности государственного управления [5, 6], включающие идею о том, что при определении эффективности государственного управления в современных реалиях на первое место выходит социальный компонент. Показателем социальной эффективности, в отличие от экономической, является не соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов, а уровень удовлетворения общественных потребностей [7].

Эмпирической базой исследования служат данные социологических опросов, проведенных в последнее время крупными центрами изучения общественного мнения, а также данные официальной статистики, публикуемые на интернет-сайте Федеральной службы государственной статистики.

Понятие «социальное государство» ввел в научный оборот в 1850 г. немецкий философ и экономист Л. фон Штайн. Явное практическое воплощение социальное государство получило спустя почти столетие. Знаковым событием можно считать закрепление статуса социального государства за Федеративной Республикой Германией конституцией, принятой в 1949 г. [8]. В научной правовой и политологической литературе можно найти разнообразные трактовки социального государства. Например, согласно В. Абендроту и К. Ленку, оно «находит свое выражение в наличии или становлении государственно гарантированной и регулируемой системы социального обеспечения, имеющей целью достижение... минимального уровня жизни и снижение социального риска работающим» [9, S. 16]. Г. Браун и М. Нихаус вводят понятие демократического социального государства и отмечают, что оно представляет собой централизованно регулируемое и упорядоченное существование и жизнь с заботой обо всех гражданах во всех жизненных ситуациях [10, S. 152]. В энциклопедическом словаре по политологии отмечается, что статус социального государства характеризует его способность «осуществлять современную социальную политику: заботиться о трудовом устройстве населения, правах человека, создавать системы здравоохранения, социального обеспечения, поддерживать малоимущие слои населения, бороться с преступностью и конфликтами и так далее» [11, с. 359].

В. П. Милецкий среди специфических особенностей социального государства выделяет следующие: предпосылками его становления является правовое закрепление принципов смешанной экономики рыночного типа, социальной и политической свободы и демо-

кратии в форме правового государства, наличие развитой системы гражданского, трудового, экономического и другого законодательства; социальное государство создает всем гражданам возможности и условия для достойного уровня жизни и минимизации различных социальных рисков, формирует комфортную социальную среду и предпосылки самореализации личности и раскрытия ее творческого потенциала; в социальном государстве наряду с властными институтами общей компетенции складывается развитая и самодостаточная система государственных институтов с узкой социальной специализацией (в этом качестве можно рассматривать и институт национальных проектов); государство активно поощряет возникновение и функционирование разнообразных негосударственных институтов и организаций того же профиля [12]. Специфику современного социального государства следующим образом раскрывает С. В. Смаль: «[Вплоть до первой половины XX в.] у государства не было ни желания, ни необходимых ресурсов и инфраструктуры для предоставления социальных услуг населению. Вместо государства этим занимались частные, неформальные источники: семья, церковь, благотворительные организации. Сегодня эти функции приняло на себя государство. Именно оно в основном обеспечивает предоставление услуг в сфере образования, здравоохранения и пособий на детей» [13, с. 13].

Среди современных западных исследователей принято выделять три модели социального государства: «позитивное государство социальной защиты» – государство, ориентированное на уравнивание шансов на благосостояние всех граждан, обеспечение и гарантирование равных возможностей (примером является США); «государство социальной безопасности» – в дополнение к обеспечению равных шансов граждан создает условия полной занятости и гарантирует всем гражданам без исключения получение доходов не ниже прожиточного минимума (Великобритания); «социальное государство всеобщего благосостояния» – обеспечивает полную занятость, сглаживает различия в доходах всего населения, создает многочисленные постоянные государственные и общественные социальные службы (Швеция) [14]. Конституцией в России (ст. 7) закреплена модель, использующая составляющие всех трех классических вариантов [15].

Помимо ст. 7, некоторые другие положения Конституции РФ также косвенно указывают на необходимость реализации основ социального государства [15]. Например: ст. 37 П. 3: «Каждый имеет право... на защиту от безработицы»; ст. 41 П. 2: «В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения...»; ст. 43 П. 2: «Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях». И наконец новая редакция (после поправок 2020 г.) ст. 75 включила положение: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» [15].

Таким образом, приведенный краткий обзор научных трактовок понятия «социальное государство» показывает многогранность его значений. С одной стороны, любое современ-

ное государство социально в том смысле, что осуществляет современную социальную политику, признает социально-экономические права человека наряду с гражданскими и политическими. С другой – социальная политика включает в себя множество разнообразных составляющих, также существуют разные модели социального государства, делающие акцент на принципиально разных его аспектах – от установления минимального размера оплаты труда до создания условий максимального раскрытия творческого потенциала личности. В конце концов, возникает вопрос практической реализации ценностных установок социального государства, постулируемых в научных теориях и нормативно-правовых актах государств, оценки эффективности социальной политики. Все это делает актуальным изучение конкретных механизмов и институтов – государственных структур и организаций гражданского общества, воплощающих в современной России социальное государство на практике.

Гипотезы нашего исследования следующие:

- национальные проекты являются социальным институтом, направленным на повышение эффективности реализации социального государства в современной России;
- наибольшей социальной эффективностью достигли к настоящему моменту инициативы, связанные с созданием условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Целью статьи является анализ содержания современных национальных проектов как инструмента реализации политики социального государства.

Задачи включают: выбор нескольких наиболее актуальных для реализации в современной России составляющих социального государства с опорой на приведенные теоретические источники, нормативно-правовые акты; анализ реализации инициатив в рамках национальных проектов, соответствующих выбранным составляющим социального государства с точки зрения их социальной эффективности; формулирование выводов, раскрывающих особенности реализации инициатив национальных проектов в рамках осуществления политики социального государства в России, и обозначение возможностей для дальнейшей исследовательской дискуссии по изучаемой проблеме.

Результаты и обсуждение. Как было отмечено, реализуемые ныне национальные проекты (рассчитаны на период с 2019 по 2024 г.) были инициированы Указом президента от 7 мая 2018 г. Указ фиксирует основные направления для разработки национальных проектов: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт.

Задачи, поставленные президентом в рамках каждого из этих направлений в 2018 г., отражают видение представителями власти, экспертного сообщества и гражданского общества ответов на актуальные вызовы, которые определяют и будут определять развитие нашей страны в ближайшем будущем. Рассмотрим текущие результаты реализации национальных проектов в рамках следующих составляющих социального государства: формирование комфортной социальной среды; создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека; появление стимулов для создания и функционирования негосударственных институтов, направленных на повышение качества жизни граждан.

Формирование комфортной социальной среды. Применительно к социальной политике область формирования комфортной социальной среды в узком смысле затрагивает в первую очередь семью, работу системы здравоохранения и социального обслуживания.

Заметных успехов в 2023 г. национальные проекты достигли в области поддержки молодых семей. С 2007 г. в России единовременную выплату, которая ежегодно индексировалась, получали родители второго ребенка; с 2020 г. ее получают и при рождении первенца. Средства материнского капитала используются семьями прежде всего на улучшение жилищных условий, получение детьми образования. Несмотря на значительную материальную поддержку молодых семей с детьми, длительного роста рождаемости в России за последнее время не наблюдается, есть определенное падение [16]. Это представляется закономерным, поскольку можно предположить, что решение завести ребенка относится в жизни человека или семьи к категории сложных, ответственных, определяющих будущее на долгое время вперед. Принимая такое решение, люди обычно взвешивают множество факторов, связанных с личными целями и планами, ситуацией в обществе и другими, поэтому трудно рассматривать возможность получения выплаты материнского капитала как определяющий фактор для большого количества семей или индивидов при принятии решения о детях. Скорее, она видится помощью тем, кто уже его принял.

Среди инициатив национального проекта «Здравоохранение» отметим принятую на 2021–2025 гг. Программу «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации» [17]. В качестве ее целей заявлены: организация оказания медицинской помощи с приближением к месту жительства или работы исходя из потребностей различных социальных групп (исполнение подразумевает прежде всего массовый капитальный ремонт медицинских учреждений); оснащение поликлиник и больниц новым медицинским оборудованием (особое внимание оказывается медицинским учреждениям в сельской местности и малых городах, а также учету потребностей лиц с ограниченными возможностями здоровья); обеспечение транспортной доступности медицинских организаций для различных социальных групп.

Как подтверждение актуальности проблемы развития медицинских учреждений в сельской местности можно рассматривать данные ВЦИОМ от ноября 2022 г., согласно которым сельские жители (36 %) в течение года чаще других не посещали больницы и поликлиники [18]. Косвенно об удовлетворенности жителей России государственным медицинским обслуживанием говорит степень оптимизма при оценке перспектив российской медицины в целом. Согласно тому же опросу, 34 % респондентов говорят о том, что российское здравоохранение в данный момент либо догоняет, либо по некоторым направлениям превзошло мировую медицину. 40 % отметили, что российское здравоохранение сейчас не развивается. Представляется, что недостаток оптимизма в этой области связан с сохраняющимися проблемами, которые еще предстоит решать: сложная система отчетности врачей и учета медикаментов, кадровый дефицит, не всегда качественное медицинское оборудование. В целом можно говорить о небольшом росте удовлетворенности граждан России медицинским обслуживанием за последние годы: в 2022 г. из тех, кто обращался в государственное или муниципальное медицинское учреждение, в той или иной степени довольными оказанной помощью назвали себя 49 % респондентов (в 2019 г. – 38 %), а недовольными – 23 % (в 2019 г. – 27 %).

Создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. С целью снижения безработицы и увеличения социальной мобильности на рынке

труда в 2020 г. принята Программа организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан [19]. В рамках программы бесплатно могут получить как фундаментальное, так и дополнительное образование граждане, находящиеся в «группах риска» по трудоустройству: молодежь, не находящая работу по специальности по окончании вуза, люди, недавно завершившие срочную службу в Вооруженных Силах РФ, молодые матери, граждане старше 50 лет, граждане, не имеющие профессионального образования. В некоторой степени результатом работы этой программы можно считать значительное снижение безработицы к концу 2022 г. [20].

Одной из задач национального проекта «Образование» в рамках указа президента было заявлено формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию обучающихся. Вопрос выбора будущей профессии, конкретизации этого выбора для молодого человека является непростым, требующим учета его психологических особенностей, интересов, а также сложившейся ситуации в обществе и на рынке труда в плане востребованности профессии, степени ее престижа, уровня дохода специалистов. За период с 2018 по 2023 г. выросло количество институтов, дающих возможность осуществить этот выбор более эффективно. Среди них: интернет-платформы для школьников, предоставляющие доступную информацию о профессиях и содержащие психологические тесты по профессиональной ориентации (например, «Билет в будущее»); детские технопарки и центры дополнительного образования; конкурсы и гранты для школьников, студентов и работающего населения (например, платформа gsv.ru), формирующие дополнительные социальные лифты. Дальнейшее развитие таких институтов продолжает быть актуальной задачей по ряду причин. Во-первых, результат изменений в системе образования проявится лишь со временем, когда можно будет говорить, с одной стороны, об удовлетворенности людей сделанным им профессиональным выбором, качеством полученного образования, работой, а с другой – о специфике ценностей и культуры нового поколения, качестве подготовленных специалистов. Во-вторых, школьное образование по своей природе является в большей степени теоретическим и, как правило, не включает в себя значительных профориентационных мероприятий. В-третьих, все большую значимость в современном мире приобретает наличие у обучающегося возможностей следовать индивидуальной образовательной траектории, превращать индивидуальные успехи (участие и победы в конкурсах и олимпиадах, реализация грантов) в потенциал для будущего трудоустройства.

В последние годы в России значительные шаги были сделаны в области внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. Эта задача также ставилась президентом в рамках соответствующего национального проекта с целью повышения качества и доступности образования. Согласно данным сайта национальныепроекты.рф [21], в 2021 г. все школы нашей страны были подключены к широкополосному Интернету, было разработано более 3 тыс. цифровых конспектов уроков и более 12 тыс. электронных образовательных материалов, прошедших верификацию. Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. ускорила процесс распространения дистанционного обучения в школах и вузах. В этот период учащимися и преподавателями были обнаружены определенные преимущества такой формы обучения, которые продолжают быть актуальными и на сегодняшний день. Например, онлайн-обучение рас-

ширяет возможности по получению образования учащимися, по каким-либо причинам не имеющими возможности посещать учебное заведение. Согласно исследованию, проведенному в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в 2019 г. [22], большинство студентов предпочли бы смешанную систему обучения, которая дает возможность использовать преимущества как классической системы (например, непосредственное общение с преподавателем, возможность задать ему вопрос), так и онлайн-формата (например, возможность повторного просмотра видеофрагмента занятия). Родители школьников в 2020 г., по опросу ВЦИОМ, более категорично высказывались в пользу традиционного формата обучения, отмечая рост учебной нагрузки при занятиях онлайн, а также более высокое качество образования и возможность общения с учителями и сверстниками как преимущества классической формы [23].

Одной из проблем для личностной самореализации молодых профессионалов в России остается после окончания учебного заведения трудность в нахождении работы по специальности, которая могла бы удовлетворить потребности соискателя и дать ему перспективу развития. Правда, предприятия часто заинтересованы в приглашении молодых кадров и с этой целью заключают соглашения с высшими и средними профессиональными учебными заведениями.

Со стороны государства решение указанной проблемы видится в различных инструментах молодежной политики, таких, например, как квоты на предприятиях для молодежи, законы о которых были приняты в 2022 г. в ряде регионов. Кроме того, в 2023 г. был принят Федеральный Закон (вступающий в силу 1 мая 2024 г.), совершенствующий систему целевого обучения. Важным нововведением стало создание единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», на которой заказчики (организации как государственные, так и частные) будут размещать свои предложения для абитуриентов. У заказчика будет больше обязательств по финансированию обучения своего будущего работника, а вуз напрямую станет информировать предприятие о его успехах. Как уже было отмечено, оценка эффективности изменений в системе образования, а также трудоустройства молодых специалистов требует времени. На сегодняшний день немногочисленные социологические опросы утверждают, что выпускники вузов стали реже жаловаться на сложности при устройстве на работу (см., например, [24]).

В современном обществе молодые люди нередко связывают свой будущий успех с предпринимательством. В условиях рынка, ставящих в неравное положение людей с разными профессиональным опытом и возможностями, востребована поддержка государством малого и среднего предпринимательства с помощью специальных программ, его законодательное регулирование. В рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в 2018 г. основной целью ставилось увеличение численности малых и средних предпринимателей. Одной из задач стало создание системы акселерации субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в том числе инфраструктуры и сервисов поддержки, а также их ускоренное развитие в таких областях, как благоустройство городской среды, научно-технологическая сфера, социальная сфера и экология.

В результате реализации проекта у предпринимателей появилась возможность за счет государственной поддержки получать кредит по ставке, сниженной в 1,5–2 раза относительно средних предложений по кредиту в этой области в 2023 г. – 9,25 % [25]. Это ново-

введение коснулось предприятий, работающих в приоритетных отраслях: торговля, сельское хозяйство, туризм, наука и техника, здравоохранение, образование, обрабатывающая промышленность, ресторанный бизнес, бытовые услуги. Также введены определенные меры поддержки начинающих предпринимателей: возможность пользоваться льготами при уплате налогов, получать государственную компенсацию за аренду помещений для бизнеса, получать информацию, проходить обучение и пользоваться технопарками в соответствующих региональных информационных центрах (интернет-портал «Мой бизнес»).

В 2023 г. можно говорить об определенном успехе перечисленных здесь мероприятий: количество малых и средних предприятий после кризиса 2020 г., связанного с пандемией COVID-19, стало планомерно расти. Если в 2020 г. в России их насчитывалось 5,6 млн, то в 2023 г. – уже около 6 млн [26]. Правда, согласно опросу ВЦИОМ [27], доля граждан, которые хотели бы открыть свое дело, в 2022 г. была заметно ниже, чем в 2016 г. (23 % против 34 %); а доля тех, кто не хотел бы – несколько выше (65 % против 60 %). Это можно связать в том числе с пандемией и экономическими санкциями. Отметим, что значительную долю респондентов, не готовых к предпринимательству в 2022 г., составляют люди старшего возраста, а среди молодых людей и представителей средневозрастной категории доли желающих и нежелающих заниматься предпринимательством примерно равны. В целом противоречивость данных статистики и социологических опросов в этой области актуализирует дальнейшие исследования установок россиян относительно предпринимательства.

Среди других проблем, важных для бизнеса России, необходимо отметить сохраняющиеся административные барьеры, нехватку высококвалифицированных кадров. Предпринимательская, инновационная и инвестиционная культура в нашей стране находится в активной фазе развития, но пока не достигла необходимого уровня. Решением проблемы видится дальнейшая социализация молодого поколения в области экономической культуры, деловой этики, права, что снизит возможные страхи проявления частной инициативы, в том числе предпринимательской.

В целом граждане России субъективно отмечают рост возможностей реализовать себя, найти применение своим способностям, добиться успеха в жизни – такой ответ в конце 2022 г. дали 76 % респондентов, что на 15 % больше, чем в 2019 г. [28].

Появление стимулов для создания и функционирования негосударственных институтов, направленных на повышение качества жизни граждан. Среди задач и результатов ряда национальных проектов особо отметим популяризацию волонтерской деятельности молодежи. Волонтеры являются движущей силой некоммерческих организаций, функционирование которых – необходимая составляющая социального государства. Эти организации имеют специфическую историю в новой России, они внесли большой вклад в становление демократии в нашей стране. Регулирующий их деятельность Федеральный закон 1996 г. уточняет, что некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей для охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [29]. Отметим, что, если в 1990-е гг. в Рос-

сии уровень доверия граждан друг к другу и к органам власти в силу известных причин был достаточно низким, то в ходе становления новой государственности граждане стали быстрыми темпами приобретать социальные навыки в области сотрудничества друг с другом на добровольной основе. Это поспособствовало появлению за короткий срок достаточно большого количества общественных организаций, направленных на поддержку материально слабо защищенных категорий населения, развитие социальной помощи, образования, медицины и других сфер жизни (среди них поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт», фонд помощи детям и взрослым до 25 лет с онкологическими и гематологическими заболеваниями «Подари жизнь», межрегиональная экологическая общественная организация «ЭКА» и др.). Стала происходить постепенная институционализация волонтерства как вида деятельности, уже к 2010-м гг. он набрал большую популярность, особенно в молодежной среде. Сегодня национальные проекты оказывают волонтерству прежде всего информационную поддержку. Например, в рамках проекта «Образование» организована интернет-платформа dobro.ru, являющаяся крупным агрегатором волонтерских организаций; проект «Культура» вводит программу «Волонтеры культуры», направленную на сохранение культурного наследия отдельных этнических групп РФ, популяризацию искусства; проект «Экология» продвигает идеи раздельного сбора мусора, участия в озеленении окружающей среды. Отметим и решение экологических проблем (которые субъективно обычно не ощущаются людьми как критические), возможно, прежде всего за счет сознательности, широкого общественного участия, формирования культуры заботы об окружающей среде. В настоящий момент популярность волонтерской деятельности как в сфере экологии, так и в целом в России все еще невысока, хотя осведомленность россиян, интерес к ней постепенно повышаются [30].

Заключение. Проанализированные в настоящей статье мероприятия в рамках национальных проектов рассмотрены как шаги по осуществлению закрепленной в Конституции Российской Федерации модели социального государства. Значительная часть из них стимулирует личные инициативы граждан, направленные одновременно на их самореализацию и на достижение общественного блага, что соответствует характеру современного общества, нормам отношений между социумом и государством.

На основе результатов исследования первая гипотеза находит свое подтверждение. Значительная часть властных инициатив, принятых к исполнению в России в рамках действующих национальных проектов, имеют цели, соответствующие основным составляющим социального государства: формирование комфортной социальной среды, создание равных условий для развития и самореализации индивидов, забота о нетрудоспособных по разным причинам гражданах, развитие некоммерческих организаций, ориентированных на социальную политику.

Оценивая эффективность национальных проектов, мы обратили внимание прежде всего на ее социальный компонент, раскрывающийся в степени удовлетворенности граждан своим положением в социальной сфере. На основе результатов социологических опросов и анализа данных служб статистики можно говорить о том, что вторая гипотеза находит частичное подтверждение: оценки гражданами возможностей личностного развития, успешного трудоустройства в целом более позитивны, чем в других исследуемых нами областях. Для получения более точной информации целесообразно задействовать опрос одних и тех же респондентов на предмет их удовлетворенности своим положением в разных сферах,

качеством социальной политики по нескольким направлениям, чему могут быть посвящены дальнейшие исследования в этой области.

Настоящее исследование позволило также выявить ряд актуальных для нашей страны социальных проблем в области медицины, образования, предпринимательства. Представляется, что продолжение реализации национальных проектов в ближайшей перспективе можно рассматривать как потенциальную возможность для их решения и тем самым укрепления социального государства в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальные проекты в России и зарубежных странах: методики и рекомендации / В. М. Комаров, В. В. Акимова, Н. А. Москвитина, А. А. Волошинская. М.: РАНХиГС, 2020.
2. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Президент России. 05.09.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения: 06.12.2023).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 06.12.2023).
4. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology / ed. by G. Duveen. NY: Polity Press, 2000. P. 18–77.
5. Сморгун Л. В. Управление в условиях неопределенности: в поисках моделей устойчивого развития // Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. С. 5–18.
6. Курочкин А. В. Социальная эффективность государственного управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 1999.
7. Пашковский Е. А. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2013.
8. Конституция ФРГ 1949 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/224191> (дата обращения: 06.12.2023).
9. Abendroth W., Lenk K. Einführung in die politische Wissenschaft. München: Francke, 1971.
10. Braun H., Niehaus M. Sozialstaat Bundesrepublik Deutschland auf dem Weg nach Europa // Trierer Schriften zu Sozialpolitik und Sozialverwaltung, Bd 4. Frankfurt am Main: Campus, 1990.
11. Политология: энциклопедический словарь / Ю. И. Аверьянов и др. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
12. Милецкий В. П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
13. Смаль С. В. Социальная защита населения как функция современного государства: дис. ... канд. полит. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2009.
14. Маликова А. Х. Модели реализации концепции социального государства в мировой практике // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 4. С. 7–17.
15. Конституция Российской Федерации. 1993 // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.12.2023).
16. Росстат: рождаемость в России в 2022 году упала на 6,7 % // Коммерсантъ. 23.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6067226> (дата обращения: 06.12.2023).
17. Приказ Минздрава России от 24 декабря 2020 г. № 1365 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации» // Минздрав России. URL: <https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/>

000/053/458/original/ВЦП_Модернизация_первичного_звена.pdf?1608881539 (дата обращения: 06.12.2023).

18. Государственная медицина: в погоне за качеством // ВЦИОМ. 17.11.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения: 06.12.2023).

19. Переобучиться по востребованной профессии // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/pereobuchitsya-po-novoy-spetsialnosti> (дата обращения: 06.12.2023).

20. Безработица в России: мониторинг // ВЦИОМ. 08.11.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bezrabotica-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 06.12.2023).

21. Цифровая образовательная среда // Национальные проекты. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie/umnaya_shkola (дата обращения: 06.12.2023).

22. Опыт обучения студентов в новой цифровой парадигме образования / Е. В. Строецкая, Е. А. Пашковский, Н. В. Казаринова и др. // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 91–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-91-107.

23. В новый учебный год – со старым форматом образования? // ВЦИОМ. 08.09.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-novyy-uchebnyj-god-so-starym-formatom-obrazovaniya> (дата обращения: 06.12.2023).

24. Выпускники вузов стали реже жаловаться на сложности трудоустройства // SuperJob. 04.09.2023. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114233/vypuskniki-vuzov-stali-rezhe-zhalovatsya-na-slozhnosti-trudoustrojstva/> (дата обращения: 06.12.2023).

25. Получить льготный кредит // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/poluchit-lygotnyy-kredit> (дата обращения: 06.12.2023).

26. Татьяна Илюшникова: развитие МСП позволит увеличить доходы миллионов россиян // Минэкономразвития России. 13.09.2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_razvitie_msp_pozvolit_uvelichit_dohody_millionov_rossiyan.html (дата обращения: 06.12.2023).

27. Пора предпринимать? Мониторинг 1992–2022 // ВЦИОМ. 09.11.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (дата обращения: 06.12.2023).

28. Возможности для молодежи: мониторинг // ВЦИОМ. 08.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 06.12.2023).

29. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 06.12.2023).

30. В волонтеры я б пошел! // ВЦИОМ. 05.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ya-b-poshel/> (дата обращения: 06.12.2023).

Информация об авторе.

Пашковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация, политическая психология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 02.12.2023; принята после рецензирования 22.12.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Komarov, V.M., Akimova, V.V., Moskvitina, N.A. and Voloshinskaya, A.A. (2020), *Methods of regional strategic planning in Russia and foreign countries: past, present, future*, RANEPА, Moscow, RUS.
2. "Speech at the Meeting with the Cabinet Members, the Heads of the Federal Assembly, and State Council Members" (2005), *President of Russia*, 05.09.2005, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (accessed 06.12.2023).
3. "Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024" (2018), *President of Russia*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (accessed 06.12.2023).
4. Moscovici, S. (2000), "The phenomenon of social representations", *Social representations: Explorations in social psychology*, in Duveen, G. (ed.), Polity Press, NY, USA, pp. 18–77.
5. Smorgunov, L.V. (2000), "Management under conditions of uncertainty: in search of models of sustainable development", *Sravnitel'noe gosudarstvennoe upravlenie: teoriya, reformy, ehffektivnost'* [Comparative public management: theory, reforms, efficiency], Izd-vo S.-Peterb. un-ta, SPb., RUS, pp. 5–18.
6. Kurochkin, A.V. (1999), "Social efficiency of public administration", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, Ross. State Ped. Univ. named after A.I. Herzen, SPb., RUS.
7. Pashkovsky, E.A. (2013), "Administrative reform as a factor in increasing the efficiency of public administration in modern Russia", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Ross. State Ped. Univ. named after A.I. Herzen, SPb., RUS.
8. *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*, available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/224191> (accessed 06.12.2023).
9. Abendroth, W. and Lenk, K. (1971), *Einführung in die politische Wissenschaft*, Francke, München, GER.
10. Braun, H. and Niehaus, M. (1990), *Sozialstaat Bundesrepublik Deutschland auf dem Weg nach Europa. Trierer Schriften zu Sozialpolitik und Sozialverwaltung*, Bd 4., Campus, Frankfurt am Main, GER.
11. Aver'yanov, Yu.I. et al. (1993), *Politologiya: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Political science: encyclopedic dictionary], Izd-vo Mosk. kommerch. un-ta, Moscow, RUS.
12. Miletskii, V.P. (1997), *Rossiiskaya modernizatsiya: predposylki i perspektivy ehvolyutsii sotsial'nogo gosudarstva* [Russian modernization: prerequisites and prospects for the evolution of the social state], Izd-vo S.-Peterb. un-ta, SPb., RUS.
13. Smal, S.V. (2009), "Social protection of the population as a function of the modern state", Can. Sci. (Politics) Thesis, Ross. State Ped. Univ. named after A.I. Herzen, SPb., RUS.
14. Malikova, A.H. (2011), "Models of realization of the concept of the social state in world practice", *Leningrad Legal J.*, no. 4, pp. 7–17.
15. "Constitution of the Russian Federation" (1993), *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 06.12.2023).
16. "Rosstat: the birth rate in Russia in 2022 fell by 6.7%", *Kommersant*, 23.06.2023, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6067226> (accessed 06.12.2023).
17. "Order of the Ministry of Health of Russia dated December 24, 2020 No. 1365 "On approval of the departmental target program "Modernization of primary healthcare in the Russian Federation"", *Ministry of Health of Russia*, available at: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/458/original/ВЦП_Модернизация_первичного_звена.pdf?1608881539 (accessed 06.12.2023).
18. "State medicine: in pursuit of quality" (2022), *VTSIOM*, 17.11.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (accessed 06.12.2023).
19. "Retrain for a profession in demand", *National projects*, available at: https://национальные_проекты.рф/opportunities/pereobuchitsya-po-novoy-spetsialnosti (accessed 06.12.2023).
20. "Unemployment in Russia: monitoring", *VTSIOM*, 08.11.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bezrobotica-v-rossii-monitoring> (accessed 06.12.2023).

21. "Digital educational environment", *National projects*, available at: https://национальные_проекты.рф/projects/obrazovanie/umnaya_shkola (accessed 06.12.2023).

22. Strogetskaya, E.V., Pashkovsky, E.A., Kazarinova, N.V., et al. (2019), "Student Educating Experience in the New Digital Education Paradigm", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 91–107. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-91-107.

23. "In the new school year - with the old format of education?" (2020), *VTSIOM*, 08.09.2020, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-novyy-uchebnyj-god-so-starym-formatom-obrazovaniya> (accessed 06.12.2023).

24. "University graduates are less likely to complain about difficulties in finding employment" (2023), *SuperJob*, 04.09.2023, available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/114233/vypusniki-vuzov-stali-rezhe-zhalovatsya-na-slozhnosti-trudoustrojstva/> (accessed 06.12.2023).

25. "Get a preferential loan", *National projects*, available at: https://национальные_проекты.рф/opportunities/poluchit-igotnyy-kredit (accessed 06.12.2023).

26. "Tatyana Ilyushnikova: the development of SMEs will increase the incomes of millions of Russians" (2023), *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, 13.09.2023, available at: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_razvitie_msp_pozvolit_ovelichit_dohody_millionov_rossiyan.html (accessed 06.12.2023).

27. "Is it time to take action? Monitoring 1992–2022", *VTSIOM*, 09.11.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (accessed 06.12.2023).

28. "Opportunities for youth: monitoring", *VTSIOM*, 08.12.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (accessed 06.12.2023).

29. "Federal Law "On Non-Profit Organizations" dated January 12, 1996 No. 7-FZ, *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed 06.12.2023).

30. "I would volunteer!" (2022), *VTSIOM*, 05.12.2022, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (accessed 06.12.2023).

Information about the author.

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Politics, 2013), Associated Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 40 scientific publications. Area of expertise: sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication, political psychology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.12.2023; adopted after review 22.12.2023; published online 21.02.2024.

Оригинальная статья
УДК 81–116
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-100-113>

Об одной лингвистической проблеме

Олег Маратович Поляков

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия,
road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Введение. Статья продолжает серию публикаций по R-лингвистике и посвящена тернарной гипотезе и связанной с ней проблеме моделирования мира. Суть тернарной гипотезы состоит в предположении, что любые естественные языки не используют глаголы арности (валентности) выше трех. Эта гипотеза порождает гносеологическую проблему, суть которой состоит в несоответствии ограничений размерности мышления и размерности некоторых явлений и процессов окружающего мира. Указанная проблема имеет прямое отношение к языку, поскольку язык отражает мышление и структуру модели мира человека.

Методология и источники. В качестве инструментов исследования используются результаты, полученные в предыдущих частях серии. Для разработки необходимых математических представлений для глаголов с высокой валентностью используются аксиомы категоризации, сформулированные ранее в рамках серии.

Результаты и обсуждение. Показано, что случаи множественности косвенных дополнений связаны с зависимостями данных в предложении. Разработаны методы категоризации для тернарных отношений и отношений с более высокой арностью. Показано, что и в этом случае все условные категоризации и условные глаголы могут быть сведены к одной категоризации.

Заключение. Сформулирована тернарная гипотеза и тернарная проблема. На основании исследования зависимостей данных показано, что, скорее всего, тернарная гипотеза выполняется для всех естественных языков. В ходе исследования методов категоризации отношений с арностью выше трех, показано, что и в этом случае лингвистические пространства проявляют стабильность независимо от места расположения категорий в предложении, и это создает возможность описания высокоразмерных взаимодействий с помощью придаточных предложений. Таким образом, появление придаточных предложений во всех языках мира связано с необходимостью описания высокоразмерных взаимодействий в модели мира человека.

Ключевые слова: R-лингвистика, категоризация, тернарные глаголы, фиктивная арность

Для цитирования: Поляков О. М. Об одной лингвистической проблеме // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 100–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-100-113.

© Поляков О. М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

About One Linguistic Problem

Oleg M. Polyakov

*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia,
road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Introduction. The article continues a series of publications on R-linguistics and is dedicated to the ternary hypothesis and the problem of modeling the world associated with it. The essence of the ternary hypothesis is based on the assumption that any natural language does not use verbs with arity (valency) above three. This hypothesis creates an epistemological problem, the essence of which lies in the mismatch between the constraints of the dimensionality of thinking and the dimensionality of some phenomena and processes of the surrounding world. The indicated problem is directly related to language, since language reflects human thinking and the structure of the world model.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations for verbs with high valence, the categorization axioms formulated earlier in the series are used.

Results and discussion. It has been shown that cases of multiple indirect objects are related to data dependencies in the sentence. Methods of categorization have been developed for ternary relations and relations with higher arity. It has been demonstrated that even in this case, all conditional categorizations and conditional verbs can be reduced to a single categorization.

Conclusion. The ternary hypothesis and the ternary problem are formulated. Based on the study of data dependencies, it is shown that the ternary hypothesis is most likely true for all natural languages. Based on the study of methods of categorizing relations with arity higher than three, it is demonstrated that in this case linguistic spaces show stability regardless of the location of categories in the sentence, which makes it possible to describe high-dimensional interactions using subordinate clauses. Thus, the appearance of subordinate clauses in all languages of the world is associated with the need to describe high-dimensional interactions in the world model human.

Keywords: R-linguistics, categorization, ternary verbs, fictitious arity

For citation: Polyakov, O.M. (2024), "About One Linguistic Problem", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 100–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-100-113 (Russia).

Введение. Цель статьи – обратить внимание лингвистов, аналитических философов, специалистов в области когнитивных наук и искусственного интеллекта (ИИ) на достаточно очевидный факт, имеющий важное значение для дальнейшего развития этих областей знания. Будем называть этот факт лингвистической проблемой, поскольку в наиболее очевидном виде он проявляется в лингвистике. Язык проявляет (отражает) работу сознания и структуру модели мира у человека, поэтому обсуждаемая здесь проблема автоматически становится проблемой когнитивных наук. Кроме того, современные текстовые системы искусственного интеллекта имеют модели, основанные на статистике применения языка, так что обсуждаемая проблема естественным образом перетекает и в эту область.

Методология и источники. В качестве методологии в данной статье используется методология и результаты R-лингвистики, подробно изложенные в рамках серии в этом журнале. Кроме того, здесь применен инструмент теории зависимостей реляционных баз данных.

Результаты и обсуждение. Сознание моделирует мир, наблюдаемый в виде различных отношений между значениями параметров. Мы не будем останавливаться на этом факте, поскольку он подробно исследован в аналитической философии (см., например, [1]). Сознание перерабатывает полученные данные в отношения между категориями. В языке это проявляется прежде всего в виде валентностей (арностей) у глаголов [2], которые, как правило, являются именами этих отношений. Язык описывает различные отношения, наблюдаемые в мире. Принципы преобразования различных наблюдаемых бинарных отношений в категории и глаголы подробно описана в [3]. Например, типовая форма предложения: подлежащее (категория 1) – сказуемое (имя отношения) – прямое дополнение (категория 2), характерна для бинарных глаголов, соединяющих две категории. Появление косвенного дополнения далеко не всегда говорит о повышении арности до трех. Тернарных глаголов в языке не так уж много. В этой статье арность глагола означает, что в его стандартном использовании любое уменьшение числа связанных с глаголом объектов вызовет вопрос о пропавшей категории, потому что семантика этого глагола (возможность понять его действие) требует некоторого минимального числа объектов. Скажем, глагол *дарить* является тернарным глаголом (кто дарит, кому дарит, что дарит). Если вы услышите предложение «*Я подарил Лене*», то неизбежно зададите вопрос: «*Что подарил?*». Вместе с тем в предложении «*Я подарил Лене конфеты на Новый год*» объект *Новый год* не является обязательным. Другими словами, есть обязательные дополнения, которые связаны с арностью глаголов, и необязательные (фиктивные), которые создают фиктивную арность. Читатель можете обратиться к искусственному интеллекту GPT4 или GPT3,5, чтобы убедиться, какая неразбериха творится в этом вопросе. Именно поэтому в дальнейшем мы будем использовать только термин «арность». Кстати, обращение к этим версиям ИИ очень продуктивно для лингвистических исследований, поскольку они владеют большинством языков планеты и учитывают гигантский объем текстов, написанных до 2021 г. (возможно, уже и более поздних). В дальнейшем обсудим фиктивное повышение арности, хотя иногда имеет место кажущееся уменьшение арности. Например, если вы увидите у Лены шикарные конфеты и на вопрос: «*Откуда у тебя такие конфеты?*», получите ответ «*Подарили*», то в этом случае кажущаяся арность глагола *дарить* будет равна нулю. Но в этом примере глагол обозначает процесс [4], а не действие объектов.

Суть проблемы. Суть проблемы заключается в следующем. Мир дает нам для познания отношения различной арности. В этих отношениях зачастую действуют некоторые зависимости данных (функциональные, многозначные, взаимные, зависимости соединения). Эти зависимости позволяют декомпозировать данные и уменьшать арность отношений без потери исходной информации. Однако зависимости данных в отношениях существуют далеко не всегда. Другими словами, зачастую мы не можем понизить размерность поступающей информации, не создав искажений в данных. Например, отношение *быть футбольной командой* является 11-арным и совсем не обязательно содержит какие-то зависимости данных. Если мы, несмотря на отсутствие зависимостей, все-таки попробуем разделить данные на части меньшей размерности, то это неизбежно приведет к возникновению ложных данных или «кентавров» [5]. Другими словами, мы перестанем адекватно отражать и моделировать мир.

Обычно мы полагаем верной гипотезу об адекватном отображении модели мира человека в языке. В противном случае язык вряд ли мог служить средством коммуникации и

обучения. Далее, в языке мы наблюдаем глаголы с максимальной арностью три (тернарные глаголы), которые отражают моделирование сознанием отношений арности до трех включительно. Возникает вопрос: если максимальная арность глаголов в языке не превышает трех, то что происходит, когда человек сталкивается с данными более высокой арности? Здесь возможно несколько вариантов.

Первый вариант. Человек не может адекватно познавать события мира, имеющие арность более трех. Другими словами, мы принципиально ограничены в познании мира, поскольку не способны сформулировать и передать информацию о таких взаимодействиях в силу отсутствия соответствующих глаголов в языке.

Второй вариант. Человек искусственно (без достаточных оснований) снижает размерность и, значит, наше сознание в целом химерично, т. е. в наших моделях мира постоянно присутствуют химеры (кентавры) и мы принципиально неадекватны.

Третий вариант. При превышении размерности исходных данных более трех мы переходим к какому-то другому способу моделирования высоко размерных событий, который отображается в языке иначе (без введения многоарных глаголов).

Все эти варианты имеет смысл обсуждать при условии, что справедлива следующая тернарная гипотеза: ни в одном языке мира не используются глаголы с арностью более трех. Такая формулировка этой гипотезы переносит акцент на модель мира в сознании человека, поскольку речь идет о любых языках.

Перейдем к рассмотрению тернарной гипотезы. Для начала обратимся к автору идеи о валентностях – С. Д. Кацнельсону. Он пишет: «Из сказанного вытекает, что в принципе валентность не превышает двух-трех мест и что эти места определяются фундаментальным различием событийных предикатов, непереходных и переходных» [2, с. 25]. Итак, автор теории валентности в целом был склонен принять тернарную гипотезу. Обратимся теперь к ИИ с его знанием сотен языков и гигантского количества текстов. Это достаточно корректное обращение, поскольку мы обращаемся к нему только как к гигантской поисковой системе, и не более. Предварительно надо заметить, что в целом арность и валентность глаголов он понимает одинаково, хотя иногда наблюдаются незначительные отличия. Кроме того, порой наблюдаются небольшие различия в ответах GPT3,5 и GPT4, по-видимому, связанные с объемом обучающих данных. Вот некоторые примеры из опыта общения по данному вопросу (текст и пунктуация ИИ).

Человек. *Существуют ли глаголы арности более трех?*

ИИ. *Да, в некоторых языках существуют глаголы арности более трех. Например, в языке навахо (один из языков индейцев Навахо в США) есть глаголы, которые могут выражать шесть или более аргументов, и русские глаголы иногда могут выражать четыре или пять аргументов, например, «он сказал мне, чтобы я сделал это для него». Однако в большинстве языков, в том числе в русском, глаголы обычно имеют один, два или три аргумента.*

Человек. *Приведи пример глагола языка племени навахо, у которого арность больше трех.*

ИИ. *Язык племени навахо не имеет глаголов с арностью больше трех.*

В этом диалоге пример высокой арности глаголов русского языка некорректный. Глаголы *сказать* и *сделать* в примере имеют арность два, поскольку семантическое осмысление предложения «Он сказал, чтобы я сделал это» не вызывает с необходимостью допол-

нительных вопросов. В отношении глагола с высокой арностью в языке племени Навахо ИИ, как мы видим, ушел в отказ. Теперь спросим в терминах валентности.

Человек. *Существуют ли глаголы валентности более трех?*

ИИ. *Да, существуют. Некоторые глаголы имеют валентность более трех, что означает, что они могут образовывать предложения с более чем тремя аргументами (субъект, дополнение и пр.). Например, глагол «передать» может иметь четыре аргумента: «Я передал книгу другу через Интернет». Глагол «передавать» может иметь еще более аргументов в зависимости от контекста.*

Здесь мы имеем дело с типичным примером ошибочной трактовки понятия валентности, которое будет рассмотрено далее. Глагол *передать* имеет валентность три (кто передает, кому передает, что передает). Скажем, предложение «*Студенты передают администрации*» неизбежно вызовет вопрос: «*Что передают?*». Без ответа на этот вопрос интерпретация предложения не может быть завершена. Вместе с тем мы без дополнительных вопросов закончим интерпретацию предложения «*Я передал книгу через Интернет*», если из контекста будет понятно значение отсутствующей необходимой составляющей – «*другу*». А вот предложение «*Я передал книгу другу*» будет понятно и без контекста.

Человек. *Приведи пример четырехарного глагола.*

ИИ. «*Создавать*» – глагол, имеющий четыре позиции и обозначающий процесс создания чего-либо. Другие примеры четырехвалентных глаголов: «*получать*», «*принимать*», «*использовать*», «*воспроизводить*».

Предложение «*Я создаю шедевр*» не вызывает дополнительных вопросов и имеет законченную семантику, так что его валентность не превышает двух. Анализ других глаголов оставляем читателю.

Эту переписку можно продолжить, но фактически ИИ так и не смог привести реальные примеры глаголов с арностью выше трех. Читатель и сам может продолжить подобные опыты. Разумеется, ответы этой самой большой и интеллектуальной в истории человечества поисковой системы не могут гарантировать справедливость тернарной гипотезы, но они повышают ее достоверность.

О фиктивных арностях. Прежде, чем перейти к обсуждению тернарной проблемы, рассмотрим причины появления повышенной арности глаголов, которая явно прослеживается в ошибочных примерах ИИ. В принципе безопасное введение в предложение новых дополнений должно означать, что их появление не приводит к изменению объема других дополнений. В противном случае их появление может сказаться на арности глагола. Например, в предложении «*X дарит y (цветы) z*» конкретное значение *y* может существенно влиять на *z*. Скажем, если в качестве *y* выступает девушка *Лиза* ($y = \text{Лиза}$), то перечень возможных подарков может существенно отличаться от $y = \text{Даши}$, потому что *Лиза*, например, терпеть не может лилии и гвоздики, но зато обожает кремовые розы, в отличие от *Даши*. Аналогично значение *z* зависит от дарителя *x*, хотя бы в силу его финансовых возможностей. Все это будет означать, что при использовании глагола *дарить* семантически законченное восприятие предложения с этим глаголом потребует указания всех трех переменных, поскольку их значения взаимно определяют объемы друг друга.

Итак, появление в предложении нового дополнения, разумеется, затронет объем подлежащего (он уменьшится из-за появления нового ограничения), но не должно затрагивать

объемы уже присутствующих дополнений. В этом случае арность глагола не изменится, поскольку семантическая интерпретация предложения не будет зависеть от нового дополнения (исключая подлежащее). Другими словами, если мы удалим новое дополнение, то объем оставшихся дополнений не изменится, хотя увеличится объем подлежащего, который, впрочем, вполне будет определяться оставшимися дополнениями, что не приведет к нарушению семантической интерпретации. Это и будет означать неизменность арности глагола. Описанный случай показывает, что объем вводимого дополнения не зависит от объема существующего дополнения. Этот случай для бинарных отношений (бинарных глаголов) математически соответствует многозначной зависимости (МЗ) $X \rightarrow Y$, которая означает, что в рамках данного отношения (глагола) значения Y (дополнения) зависят только от значений X (подлежащего) и не зависят от значения других составляющих. Рассмотрение бинарного случая позволит разобраться с вопросом о валентностях, но бинарный выбор совсем не означает, что в тернарном случае (взаимная зависимость – раздел «Кентавры» в [5]) что-либо меняется, кроме усложнения доказательств.

Итак, нам необходимо разобраться, в каких случаях можно безболезненно для интерпретации вводить и удалять дополнения. Напомним содержание понятия многозначной зависимости [6]. Формально определение многозначной зависимости выглядит следующим образом. Пусть задано отношение R на атрибутах (параметрах) X, Y, Z . Здесь X, Y и Z могут представлять собой некоторые множества атрибутов. Полагаем, что $Y \cap Z = \emptyset$. Многозначная зависимость $X \rightarrow Y$ в отношении $R(XYZ)$ выполняется тогда и только тогда, когда R может быть в точности восстановлено при соединении проекций отношения R по общим атрибутам X : $R = R[XY] \bowtie R[XZ]$. Здесь $R[XY]$ и $R[XZ]$ – проекции отношения R на множества атрибутов XY и XZ соответственно, а \bowtie – операция соединения проекций. Это определение можно сформулировать в другом виде. В отношении $R(XYZ)$ выполняется многозначная зависимость $X \rightarrow Y$ тогда и только тогда, когда из $(x, y, z) \in R, (x, y', z') \in R$ следует $(x, y, z') \in R$. Во втором определении обращает на себя внимание независимое сочетание значений атрибутов Y и Z при выполнении многозначной зависимости. Кроме того, из определения видно, что поведение значений атрибутов Y и Z симметрично. Таким образом, если $X \rightarrow Y$, то $X \rightarrow Z$ и наоборот (правило дополнения МЗ).

Под состоянием отношения R обычно понимают некоторое конкретное заполнение его кортежами. В одном состоянии R может выполняться МЗ $X \rightarrow Y$, а в другом – нет. Поэтому говорят, что в R выполняется МЗ $X \rightarrow Y$, если она выполняется в любом состоянии отношения R . Это можно сформулировать иначе. В отношении выполняется многозначная зависимость, если это определяется не конкретным составом накопленных данных, а природой вещей.

В качестве примера рассмотрим авторов и их книги. На любой конкретный момент времени каждая книга определяет написавших ее авторов, список которых зависит только от названия книги. Этот список не зависит ни от наличия этих книг в различных библиотеках, ни от числа экземпляров, ни от списков их читателей. Книги многозначно определяют своих авторов. Это связано с природой вещей, т. е. с тем, как происходит написание книг в окружающем мире. Короче говоря, многозначная зависимость – это факт существования в мире определенных устойчивых связей, которые не зависят от других факторов и позволяют выделять и рассматривать эти связи отдельно (позволяют декомпозировать) от других факторов.

По аналогии с МЗ определим взаимную зависимость (ВЗ) [7] как частный случай зависимости соединения [8], позволяющий без потерь информации декомпозировать отношение на три части. Взаимная зависимость $X \sim Y/Z$ в отношении $R(XYZ)$ выполняется тогда и только тогда, когда R может быть в точности восстановлено при соединении проекций отношения R по общим атрибутам X : $R = R[XY] \bowtie R[XZ] \bowtie R[YZ]$. Это определение можно сформулировать в другом виде. В отношении $R(XYZ)$ выполняется взаимная зависимость $X \sim Y/Z$ тогда и только тогда, когда из $(x, y, z) \in R$, $(x, y', z') \in R$ и $(x', y, z') \in R$ следует $(x, y, z') \in R$.

Итак, пусть в некотором отношении $R(XYZT)$ выполняется МЗ $X \rightarrow Y$. Другими словами, МЗ $X \rightarrow Y$ выполняется в обрамлении дополнительных атрибутов ZT . Что произойдет с МЗ, если удалить часть атрибутов из обрамления?

Предложение 1. Пусть в отношении $R(XYZT)$ выполняется МЗ $X \rightarrow Y$. И пусть $R' = R[XYZ]$ – проекция отношения R на атрибуты XYZ . Тогда в R' справедлива МЗ $X \rightarrow Y$.

Доказательство. Итак, пусть $(x, y, z) \in R'$ и $(x, y', z') \in R'$, где x, y, z – значения атрибутов X, Y, Z соответственно. Поскольку R' – проекция отношения R на XYZ , найдутся такие значения атрибута T t и t' , что $(x, y, z, t) \in R$ и $(x, y', z', t') \in R$. Поскольку в R выполняется МЗ $X \rightarrow Y$, то $(x, y, z', t') \in R$, а значит $(x, y, z') \in R'$ и в R' также выполняется МЗ $X \rightarrow Y$.

Из предложения 1 следует, что удаление из отношений некоторых атрибутов, не участвующих в МЗ, не приводит к нарушению этой зависимости. В нашем примере с книгами и авторами это означает следующее. Если в некоторой базе хранятся данные об авторах, книгах, читателях, наличии книг в библиотеках и прочем, то удаление части этих данных, не затрагивающих зависимость книг и авторов, не приводит к нарушениям этой зависимости. Если речь идет о языке и между подлежащим и прямым дополнением действует МЗ, то удаление любого косвенного дополнения в таком предложении не повредит эту связь.

Займемся теперь обратным процессом. Что будет происходить с МЗ, если наращивать дополнительные атрибуты в отношении? Здесь ситуация выглядит несколько сложнее. Произвольное добавление атрибутов может разрушить МЗ, создав зависимость Y от добавленных атрибутов.

В табл. 1 представлено отношение, в котором выполняется МЗ $A \rightarrow B$. В табл. 2 к этому отношению добавлены значения нового атрибута D , которые разрушили МЗ $A \rightarrow B$. В самом деле, при выполнении МЗ $A \rightarrow B$ в новом отношении согласно определению, при выборе любого значения атрибута A значения атрибутов B и CD должны произвольно сочетаться (в силу их независимости друг от друга). Возьмем, например, значение a . При этом значении атрибуты B и CD сочетаются произвольно. Хотя, например, b и b' одинаково сочетаются с cd , но b' сочетается с $c'd$, а b – нет. Итак, необходимо определить условия корректного добавления атрибутов.

Табл. 1. Тернарное отношение с МЗ
Table 1. Ternary relation with the MV

A	B	C
a	b	c
a	b'	c
a	b	c'
a	b'	c'
a'	b'	c'

Табл. 2. Расширенное тернарное отношение
Table 2. Extended ternary relation

A	B	C	D
a	b	c	d
a	b'	c	d
a	b	c'	d'
a	b'	c'	d
a'	b'	c'	d'

Предложение 2. Пусть в отношении R' на атрибутах XYZ выполняется МЗ $X \rightarrow Y$. И пусть к отношению R' добавляется атрибут T , и кортежи отношения R' дополняются значениями атрибута T для получения отношения R . Если это добавление осуществляется так, что в R выполняется МЗ $X \rightarrow T$, то в R также выполняется и МЗ $X \rightarrow Y$.

Доказательство. Если $C = \emptyset$, то справедливость предложения 2 следует из правила дополнения. Пусть $(x, y, z, t) \in R$ и $(x, y', z', t') \in R$. Для того чтобы в R выполнялась МЗ $X \rightarrow Y$, надо показать, что $(x, y, z', t') \in R$. Поскольку $(x, y, z) \in R'$, $(x, y', z') \in R'$ и в R' выполняется МЗ $X \rightarrow Y$, то $(x, y, z') \in R'$, а значит существует t'' такое, что $(x, y, z', t'') \in R$. Поскольку $(x, y, z', t'') \in R$, $(x, y', z', t') \in R$ и в R выполняется МЗ $X \rightarrow T$, то $(x, y, z', t') \in R$, а значит в R выполняется МЗ $X \rightarrow Y$.

Предложение 2 описывает условия, когда в предложение с бинарным глаголом можно безопасно добавлять новые дополнения. Именно если новое дополнение связано зависимостью только с подлежащим и его значения не зависят от существующих дополнений (как, впрочем, и наоборот), то такое дополнение может быть добавлено в предложение без изменения уже существующей информации.

В тех случаях, когда между объектами действует взаимная зависимость, ее действие можно свести к рассмотренному выше случаю действия МЗ, если иметь в виду следующее. Взаимная зависимость подобна многозначной, только в ней есть конъюнктивно добавленное условие. Если $(x, y, z) \in R$, $(x, y', z') \in R$, то $(x, y, z') \in R$, если $(y, z') \in R[YZ]$. Условие $(y, z') \in R[YZ]$ фактически является защитой от появления химер, вызванных слишком смелым предположением о независимости атрибутов Y и Z . Это последнее защитное условие может быть выражено в предложении любым приемлемым способом: *мужчина подарил женщине цветы, которые ей когда-то уже дарил отец*. На этом примере мы и ограничим рассмотрение зависимостей соединения.

В качестве примера для МЗ рассмотрим тернарное отношение между авторами (A), книгами (K) и читателями ($Ч$). Как уже отмечалось, атрибут *книга* многозначно определяет своих авторов и читателей. Связь книги с автором не зависит от читателей, так что в отношении на атрибутах АКЧ действует МЗ $K \rightarrow A$ и по правилу дополнения также МЗ $K \rightarrow Ч$. Глагол *писать* бинарный, так что предложение «*Книга N написана Иваном Васильевичем*» не вызывает проблем с интерпретацией. Точно также для второй МЗ предложение «*Книга N написана для детей*» тоже не вызывает проблем с интерпретацией. Если же мы захотим сказать сразу обо всех трех объектах, то в предложении «*Книга N написана Иваном Васильевичем для детей*» арность глагола останется бинарной, но дополнение «для детей» будет вписано по правилу предложения 2 на том основании, что состав авторов книги не зависит от списка ее читателей. Если мы используем возвратную форму предложения «*Книга N написана Иваном Васильевичем*», то получим: «*Иван Васильевич написал книгу N*». К этому семантически тождественному предложению по-прежнему можно добавить дополнение и получить: «*Иван Васильевич написал книгу N для детей*». Другими словами, источник зависимостей в предложении со многими дополнениями необязательно должен занимать место подлежащего, он вполне может быть и дополнением.

В качестве второго примера рассмотрим предложение с бинарным глаголом *быть*: «*Девочка была мальчика*». Допустим, мы хотим добавить в это предложение косвенное дополнение,

связанное с орудием избиения. Что это может быть? Да, что угодно. Это может быть ладонь, кулак, веник и т. д. Все зависит от девочки, о которой идет речь в предложении: одни девочки дерутся кулаками, а другие могут использовать подручные средства. Итак, мы получаем, например, новое предложение: «*Девочка била мальчика палкой*». Появление палки сузило область значений для категории *девочка*, потому что далеко не все девочки используют в драке палку, но не изменило область значений жертвы. Уменьшенный объем категории *девочка* по-прежнему входит в эту категорию, так что новое дополнение не изменяет семантической корректности текста. Продолжая по той же схеме, мы получаем предложение: «*Девочка била мальчика палкой по голове*» или даже «*На улице девочка била мальчика палкой по голове*». И опять каждый раз область значений категории *девочка* сужается, поскольку редко встретишь столь кровожадную девочку, которая прилюдно лупит ребенка палкой по голове. Точно также в примере с ИИ «*Я передал книгу другу через Интернет*» к тернарному глаголу *передавать* добавлено косвенное дополнение *через Интернет*. Здесь вполне могло стоять *почтой* или *через деканат*, или еще как-нибудь. Это зависит от решения и предпочтений передающего.

Итак, мнение о том, что появление множества косвенных дополнений связано с возможностями глаголов управлять дополнительными переменными не совсем верно, хотя, разумеется, важно, что такие глаголы должны иметь возможность сочетаться с такими дополнениями. Появление косвенных дополнений (кроме первого косвенного дополнения «истинно» тернарного глагола) связано с их взаимодействием с уже существующими дополнениями в предложении. Поэтому их количество определяется лингвистической искусностью говорящего и может быть в значительной степени произвольным и непредсказуемым. В этой ситуации решение относить число таких дополнений к базовой характеристике глагола кажется неразумным. Принимая во внимание сказанное, необходимо признать, что тернарная гипотеза представляется весьма вероятной, если под арностью (валентностью) понимать минимальное число дополнений, необходимых для интерпретации (формирования семантики) предложения.

О высоких арностях. На рис. 1 изображено тернарное отношение *R дарить*.

Кто (1)	Кому (2)	Что (3)
x ₁	y ₁	z ₁
x ₂	y ₁	z ₁
x ₁	y ₂	z ₁
x ₂	y ₂	z ₁
x ₁	y ₁	z ₂
x ₃	y ₁	z ₂

Рис. 1. Тернарное отношение
Fig. 1. Ternary relation

В качестве доменов (универсумов) для каждого атрибута отношения выберем проекцию $R[i]$ ($i = 1, 2, 3$) отношения на соответствующий атрибут. Отношение на рис. 1 можно рассматривать как бинарное, например, на универсумах $R[1] \times R[2,3]$. Пространство и ко-пространство для этого отношения изображено на рис. 2, а. Их построение и свойства описаны в [3]. Особенность заключается только в том, что в ко-пространстве категории состоят из бинарных отношений (на рисунке кортежи отношений перечислены через запятую). Это в свою очередь позволяет для каждой ко-категории построить свое пространство и ко-пространство. Результат этих построений изображен на рис. 2, б.

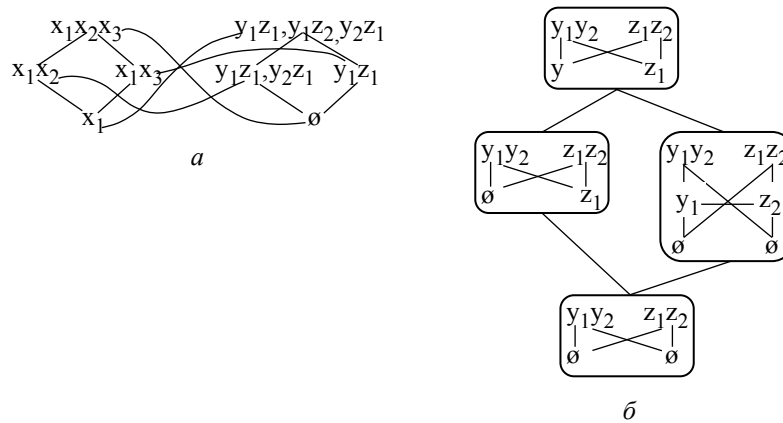

Рис. 2. Пространства для тернарного отношения
Fig. 2. Spaces for ternary relation

Подобную вложенную систему лингвистических пространств удобно представить в виде дерева (рис. 3). Здесь корень дерева соответствует пространству 1, первый уровень – пространству 2 и конечные вершины – пространству 3. Ветви дерева одного уровня слева направо соответствуют категориям соответствующего пространства, выбираемым слева направо и сверху вниз.

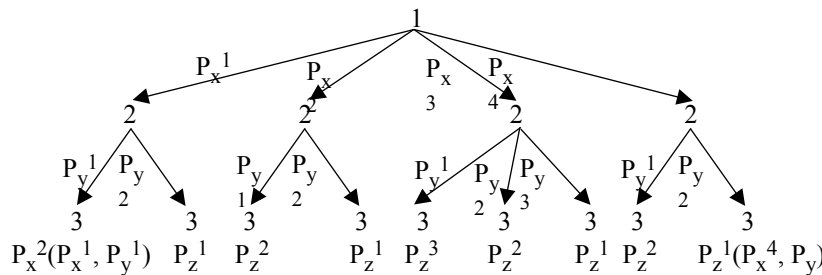

Рис. 3. Иерархическое представление отношения
Fig. 3. Hierarchical representation of the relation

На рис. 3 дуги дерева отмечены обозначениями категорий соответствующего пространства. Для примера: самый левый лист дерева кроме отметки номера категории имеет отметку пути от корня к листу. Например, запись $P_z^2(P_x^1, P_y^1)$ означает, что тернарный глагол соединяет три категории: *КТО дарит* – $P_x^1 = \{x_1, x_2, x_3\}$; *КОМУ дарит* – $P_y^1 = \{y_1, y_2\}$; *ЧТО дарит* – $P_z^2 = \emptyset$. Итак, каждый путь от корня дерева к конечной вершине соответствует некоторой фразе с глаголом *дарить* и тремя категориями, например, P_x^1, P_y^1 и $P_z^2 = \emptyset$. Поскольку последняя категория пуста, то эта фраза в целом имеет пустую семантику.

Определение. Дерево на рис. 3 будем называть иерархическим представлением (ИП) глагола (отношения S).

Легко видеть, что для отношения любой арности можно построить такое дерево, причем арность определит его высоту (число уровней). Кроме того, надо заметить, что в нашем примере первое пространство находилось в привилегированном положении. А именно, атрибут 1 был выбран первым в n -арном отношении, и ему было поставлено в соответствие $n-1$ -арное отношение. Впрочем, в качестве первого атрибута можно было бы выбрать любой другой, изменив порядок слов в соответствующем предложении.

Определение. Пространство атрибута, выбранного в качестве первого, назовем **безусловным** пространством этого атрибута. Обычно в языке ему соответствует подлежащее. Все остальные пространства называются условными. Условность каждого из условных пространств определяется категориями (условиями) в ИП, лежащими на пути от корня дерева до атрибута условного пространства.

Лемма 3. По ИП можно восстановить исходное n -арное отношение.

Доказательство. Как следует из [3], утверждение справедливо для $n = 2$. Пусть лемма справедлива для $n = k$ и пусть отношение S имеет арность $k + 1$. Рассмотрим некоторое ИП отношения S , у которого корень помечен номером i . Каждая дочерняя вершина корня ИП является корнем поддерева ИП k -арного отношения $S(P_i^j)$ для некоторой категории P_i^j пространства i . По нашему предположению, $S(P_i^j)$ совпадает с объединением произведений категорий, помечающих ветви поддерева от корня поддерева до листьев поддерева. В соответствии с [3] получаем:

$$\bigcup_{P_i^j} P_i^j \times S(P_i^j) = S.$$

Замечание. В ИП отношения S на дугах могут встречаться пустые категории соответствующих пространств. В этом случае удаление из ИП ветвей, содержащих такие категории, с учетом доказательства леммы 3 не влияет на восстанавливающую способность ИП. В связи в этом будем говорить, что два пространства почти равны, если они отличаются не более, чем на пустую категорию. Аналогично одно пространство почти принадлежит другому, если все непустые категории одного пространства входят в другое пространство.

Хотя лемма 3 дает механизм работы с n -арными отношениями без искажения информации, представляя их в виде последовательностей из n категорий (путь от корня ИП к листу), в то же время это приводит к возникновению проблемы. Появление локальных пространств означает зависимость пространств и их категорий от положения в ИП. Другими словами, изменение порядка слов изменяет категории и сами пространства. Решение этой проблемы дает теорема 4 (см. далее). Ее доказательство дано для тернарного случая по чисто техническим причинам: доказательства для произвольного n получаются на основе тернарного случая с помощью индукции. Это существенно усложняет и без того непростую систему обозначений и соответственно восприятие и объем такого доказательства, хотя реально помогает только заменить цифру 3 на букву n .

Теорема 4. Пусть S – тернарное отношение. Для каждого x первого атрибута определим бинарное отношение $S^x \subseteq S[2] \times [3]$ следующим образом: $(y, z) \in S^x$ тогда и только тогда, когда $(x, y, z) \in S$. Обозначим через \sqcup операцию сведения пространств, а сами пространства обозначим через \mathbb{P} с соответствующими индексами. Тогда $\mathbb{P}_3 \cong \bigsqcup_{x \in S[1]} \mathbb{P}_3^x$, где знак \cong обозначает отношение почти равенства, а \mathbb{P}_3^x – пространство по третьему атрибуту отношения S^x . Аналогично для атрибута 2.

Доказательство. Выберем некоторые x, y . Тогда $(x, y)^\Delta$ – категория безусловного пространства \mathbb{P}_3 . Но тогда для S^x имеем $y^\Delta = (x, y)^\Delta$ и $(x, y)^\Delta \in \mathbb{P}_3^x$, а значит

$(x, y)^\Delta \in \prod_{x \in S[1]} \mathbb{P}_3^x$. Таким образом, $\mathbb{P}_3 \subseteq \prod_{x \in S[1]} \mathbb{P}_3^x$. Обратно, пусть $Z \neq \emptyset$ и $Z \in \prod_{x \in S[1]} \mathbb{P}_3^x$. Тогда найдутся такие $x_i \in S[1]$, ($i = 1, \dots, k$), что для каждого i и отношения S^{x_i} в условном пространстве на $S[2]$ найдется категория Y^{x_i} , которой по условному глаголу соответствует ко-категория Z^{x_i} , такая что $Z = \bigcap_{x_i} Z^{x_i}$. Но $Z^{x_i} = \bigcap_{y \in Y^{x_i}} y^{\Delta x_i}$ по соответствующему условному глаголу. То есть $Z^{x_i} = \bigcap_{y \in Y^{x_i}} (x_i, y)^\Delta$, а значит $Z \in \mathbb{P}_3$.

Итак, сведение условных пространств с точностью до пустой категории равно безусловному пространству. Другими словами, непустые категории в условных пространствах остаются такими же, как и в безусловном пространстве. Например, для отношения на рис. 1 безусловное пространство для второго атрибута (*КОМУ*) показано на рис. 4, а. На рис. 4, б изображены условные пространства для этого атрибута. На рис. 4, в показано сведенное пространство для всех условных пространств, которое с точностью до пустой категории совпадает с безусловным пространством. Заметим, что после фиксации категории первого атрибута условные пространства второго и третьего атрибутов находятся в равном положении независимо от их перестановки, так что сказанное в полной мере относится и к третьему атрибуту (*ЧТО*).

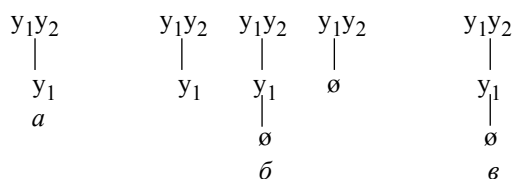

Рис. 4. Условные и безусловные пространства
Fig. 4. Conditional and unconditional spaces

Разумеется, если в качестве начального взять, допустим, третий атрибут, то условные пространства по второму атрибуту изменятся, но их сведение по-прежнему с точностью до пустой категории даст безусловное пространство. Итак, изменение порядка слов в предложениях, описывающих n -арные взаимодействия, не меняет объемы категорий, входящих в эти предложения. Без этого свойства отражение в языке таких взаимодействий было бы невозможно. Эти цепочки категорий передаются в языке с помощью придаточных предложений с глаголами, соответствующими проекциям исходного отношения, которые описываются данным придаточным предложением.

На описанном свойстве базируется присутствие в языке возвратной(!) формы тернарных глаголов [2]. Например, предложение: «Директор одолжил сотруднику деньги» (тернарный глагол *одалживать*) имеет возвратную форму: «Сотрудник одолжил у директора деньги», о которой сигнализируют изменения падежей. Понятно, что существование такой возвратной формы было бы невозможным без справедливости теоремы 4.

Заключение. Итак, наша модель мира должна адекватно отражать различные наблюдаемые взаимодействия разной размерности. Большой класс взаимодействий описывается соотношениями не более трех категорий, которым соответствуют глаголы арности, не превышающей трех. Это положение в статье получило название тернарной гипотезы. Много-

численные случаи присутствия в предложении одного и более косвенных дополнений не противоречат тернарной гипотезе, а связаны наличием различных зависимостей данных.

Отражение в языке неразложимых взаимодействий более трех, скорее всего, реализуется с помощью придаточных предложений (и некоторых других форм), которые позволяют разбить общую цепочку взаимосвязанных категорий на части. Это возможно лишь в том случае, если сами категории в цепочках являются стабильными, не зависящими от их положения в цепочке. Как было показано, это утверждение действительно справедливо, что на первый взгляд неочевидно. Если все это так, и наша модель мира, несмотря на тернарную гипотезу, действительно адекватно отражает многомерные взаимодействия, то наличие в любом языке придаточных предложений является совершенно необходимым. Другими словами, не может существовать язык, состоящий только из простых предложений. В заключение снова обратимся за помощью к ИИ GPT-4.

Человек. *Почему не существует языков без придаточных предложений?*

ИИ. *Не существует языков без придаточных предложений, потому что придаточные предложения необходимы для того, чтобы передать сложные мысли и отношения между идеями в рамках предложений. Некоторые языки могут иметь меньшее количество придаточных предложений, чем другие, но даже в таких языках они все же используются. Например, в языке китайских иероглифов можно представить сложные идеи через использование комплексных иероглифов и комбинаций слов, но все равно существует необходимость использования придаточных предложений при передаче более сложных связей и отношений между идеями в предложении.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. С. Добронравова, Д. Г. Лахути. М.: Канон+, 2017.
2. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
3. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 1. Категоризация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.
4. Поляков О. М. R-лингвистика. Принцип двойственности // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 103–110. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-103-110.
5. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 2. Идентификация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 5. С. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-98-111.
6. Fagin R. Multivalued Dependencies and a New Normal Form for Relational Databases // ACM Transactions on Database Systems. 1977. Vol. 2, no. 3. P. 262–278.
7. Nicolas J.-M. First Order Logic Formalization for Functional, Multivalued and Mutual Dependencies // Proc. of the 1978 ACM SIGMOD Intern. Conf. on Management of Data, Austin, Texas, May 31 – June 2, 1978. P. 40–46.
8. Rissanen J. Independent Components of Relations // ACM Transactions on Database Systems. 1977. Vol. 2, no. 4. P. 317–325.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, литера А,

Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Wittgenstein, L. (2017), *Logisch-philosophische Abhandlung*, Transl. by Dobronravov, I.S. and Lakhuti, D., Kanon+, Moscow, RUS.
2. Katsnel'son, S.D. (1987), "To the concept of valence types", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 20–32.
3. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 4, pp. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.
4. Polyakov, O.M. (2023), "R-linguistics. The Principle of Linguistic Duality", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 2, pp. 103–110. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-2-103-110.
5. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-98-111.
6. Fagin, R. (1977), "Multivalued Dependencies and a New Normal Form for Relational Databases", *ACM Transactions on Database Systems*, vol. 2, no. 3, pp. 262–278.
7. Nicolas, J.-M. (1978), "First Order Logic Formalization for Functional, Multivalued and Mutual Dependencies", *Proceedings of the 1978 ACM SIGMOD International Conference on Management of Data*, May 31 – June 2, Austin, Texas, USA, pp. 40–46.
8. Rissanen, J. (1977), "Independent Components of Relations", *ACM Transactions on Database Systems*, vol. 2, no. 4, pp. 317–325.

Information about the author.

Oleg M. Polyakov – Can. Sci. (Engineering, 1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of over 35 scientific publications. Area of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.02.2024.*

Оригинальная статья
УДК 81'42; 82-313.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127>

Реализация концепта «тайна» в произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна

Вера Викторовна Безрукова¹✉, **Артемий Витальевич Гаркуша²**

^{1, 2}*Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия*

¹[✉verabz.ru@gmail.com](mailto:verabz.ru@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-3742-4187>

²work.garkusha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6733-8582>

Введение. Статья посвящена анализу языковых средств выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна, выделению его социокультурного компонента и построению полевой модели лексических единиц, представляющих данный концепт. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению концептосферы художественных произведений жанра «городских тайн» американских авторов.

Методология и источники. Исследование проведено в рамках лингвокультурологического подхода с использованием методов описания, сравнения, интерпретационного анализа, концептуального анализа, метода анализа словарных дефиниций, структурно-семантического анализа, метода количественных подсчетов. Иллюстративный материал исследования составил более 74 лексических единиц, представляющих концепт «тайна» в языке, 45 из которых были обнаружены в анализируемых произведениях. Материал был получен методом направленной выборки из беллетристических произведений американских авторов XIX в.

Результаты и обсуждение. В данной статье рассматриваются и анализируются различные трактовки концепта «тайна» отечественными и зарубежными учеными; определяется роль концепта в художественном произведении в целом и в анализируемых романах двух авторов – Дж. Липпарда и Н. Бантлайна; выявляются особенности языковой реализации концепта «тайна»; классифицируются языковые единицы концепта относительно их частей речи, семантики и стилистической окраски; анализируются языковые картины мира писателей и концептосферы их произведений, иллюстративная зона которых выявляет причины сходства не только сюжетных линий, но и их лексического наполнения.

Заключение. Проведенное исследование позволило описать и проиллюстрировать идиостиль американских авторов XIX в. через систему средств выражения, которая соотносит внутренний мир писателя с художественной действительностью, художественным миром текста, создаваемым «поэтическим» языком. Ментальный мир может трактоваться в когнитивной терминологии как индивидуальная поэтическая концептосфера, или концептуальная система автора, состоящая из понятийного, предметного, ассоциативного, образного и символического слоев концепта. Исследование показало, что изучение языковой картины мира писателя и концептосферы произведения можно проводить с помощью полевой методики, анализируя лексико-семантическое поле (ЛСП), входящее в концепт «тайна». Анализируемое ЛСП отличается более специфическим составом лексики, усложнением семной структуры слов, наращиванием сем и перестройкой их иерархии, что вместе формирует художественное мировоззрение авторов.

© Безрукова В. В., Гаркуша А. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: концепт «тайна», жанр «городская тайна», идиостиль, полевая структура, лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ)

Для цитирования: Безрукова В. В., Гаркуша А. В. Реализация концепта «тайна» в произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 114–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127.

Original paper

Concept of “Mystery” and its Realization in the Works of J. Lippard and N. Buntline

Vera V. Bezrukova¹✉, Artemii V. Garkusha²

^{1,2}Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

¹✉verabz.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3742-4187>

²work.garkusha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6733-8582>

Introduction. The article is devoted to the analysis of the linguistic means expressing the concept of “mystery” in the fictional works of J. Lippard and N. Buntline, the allocation of its socio-cultural component and the field model construction of lexical units representing this concept. The relevance of the research is due to the interest of modern linguistics in the study of the conceptual sphere of artistic works of the “urban mysteries” genre by American authors.

Methodology and sources. The study was conducted within the framework of a linguistic and cultural approach using methods of description, comparison, interpretative analysis, conceptual analysis, the method of dictionary definitions analyzing, structural and semantic analysis, and the method of quantitative calculations. The illustrative material of the study consisted of more than 74 lexical units representing the “mystery” concept in the language, 45 of which were found in the analyzed works. The material was obtained by the method of directed sampling from the fictional works of American authors of the 19th century.

Results and discussion. This article discusses and analyzes various interpretations of the concept of “mystery” by domestic and foreign scientists; defines the role of the concept in the work of fiction as a whole and in the analyzed novels of two authors J. Lippard and N. Buntline; identifies the features of the linguistic implementation of the “mystery” concept; classifies the linguistic units of the concept according to their parts of speech, semantics and stylistic coloring; analyzes the writers’ linguistic pictures of the world and the conceptual sphere of their works, the illustrative zone of which reveals the reasons for the similarity not only of the storylines of the works, but also of their lexical content.

Conclusion. The study made it possible to describe and illustrate the individual style of American authors of the 19th century through a system of expressive means that correlates the inner world of the writer with the artistic reality, the artistic world of the text created by the “poetic” language. The mental world can be interpreted in cognitive terminology as an individual poetic conceptual sphere, or the conceptual system of the author, consisting of a conceptual, objective, associative, figurative and symbolic layer of the concept. The study showed that the learning of the writer’s linguistic picture of the world and the conceptual sphere of the work can be carried out using a field model, analyzing the LSF forming the “mystery” concept. The analyzed LSF is distinguished by a more specific vocabulary composition, the complication of the seme structure of words, the seme expansion and the restructuring of their hierarchy, which together form the artistic worldview of the authors.

Keywords: concept “mystery”, genre “urban mystery”, idiostyle, field structure, lexico-semantic field (LSF), lexico-semantic group (LSG)

For citation: Bezrukova, V.V. and Garkusha, A.V. (2024), “Concept of “Mystery” and its Realization in the Works of J. Lippard and N. Buntline”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 114–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127 (Russia).

Введение. Тайна является одной из неотъемлемых составляющих жизни человека и занимает особое место в современных филологических исследованиях. Тайна в художественной литературе определяется как важнейшее звено языковой картины мира автора, представляющее культурные особенности и реалии страны, посредством которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и создают его образ. Особое место этот концепт занимает в художественном тексте, где тайна создается с помощью художественных образов, стилистических приемов и других языковых средств как своеобразных кодов, имплицитного смысла и выступает средством интерпретации действительности с учетом идиостиля автора. Цель данной статьи заключается в анализе языковых средств выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях американских авторов, выделении его социокультурного компонента и построении полевой модели лексических единиц, представляющих данный концепт. Изучением концептов в художественных произведениях занимались такие известные отечественные и зарубежные ученые, как Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вежицкая, Е. С. Кубрякова, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, В. Smith, S. Laurence, E. Margolis и другие, выработавшие в своих трудах современное представление о художественном пространстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения художественного мира произведений с точки зрения философии, психологии, языкознания, аксиологии, гносеологии и онтологии, отображенных в концепте. Анализ концепта позволяет проследить формирование художественной картины мира автора, соотнести художественное мышление и картину мира с языковыми средствами их реализации [1, с. 37]. Концепт «тайна» позволяет обозначить максимальное содержание вводимых и смежных понятий, формирующих художественный образ. Через концепт соединяются наиболее значимые элементы структуры художественного мышления от понятия к художественному образу. Новизна проводимого исследования заключается в том, что до настоящего времени концепт «тайна» не рассматривался в рамках концептуального и структурно-семантического анализа на материале языковых единиц, отражающих этот концепт и описывающих национально-культурные реалии американского общества того времени.

Методология и источники. В основу анализа концепта «тайна» был положен метод концептуального исследования, который подразумевает выявление содержания концептов, формализацию того, что присуще интуиции и имеется в коллективном бессознательном и выражается в языке. В практике проведения концептуального анализа чаще всего используется сочетание анализа на основе словарных дефиниций и анализа контекстов [2, с. 271]. Согласно процедуре проведения концептуального анализа, разработанной М. В. Пименовой, происходит выявление этимологии слова, т. е. имени концепта и, соответственно, его мотивирующие признаки; анализируются словарные дефиниции имени концепта, поля и групп лексики, входящей в него, а также исследуются синонимичные ряды имени концепта, в результате вскрываются понятийные признаки, рассматриваются концептуальные метафоры [3, с. 133].

Результаты и обсуждение. Первой городской тайной стал фельетонный роман Эжена Сю “Les Mystères de Paris”, опубликованный в парижской ежедневной газете *Journal des Débats* во второй половине XIX в. [4]. “Les Mystères de Paris” породил большое количество подобных сюжетов за пределами Франции: более ста романов, действие которых разворачивается в таких местах, как Париж, Лондон, Берлин, Гамбург, Вена, Амстердам, Брюссель, Лиссабон, Милан, Мельбурн, Монреаль, Сент-Луис, Петербург и во множестве городов Соединенных Штатов. Вдохновленные успехом Э. Сю, американские авторы быстро адаптировали его сюжет, риторику и образы персонажей к местным реалиям.

Липпард и Бантлайн были читателями романов Сю. Тем не менее оба автора на страницах своих книг стараются исключить какое-либо прямое копирование его идей, они позиционируют себя как американскую версию Сю. “The Quaker City” Дж. Липпарда был первым зарубежным произведением жанра «тайна», которое стало национальным бестселлером [5]. В романе использовалась сенсационная риторика и мелодраматический сюжет при описании насилия, что усиливалось последовательной структурой повествования: постепенным раскрытием действий и их последствий в течение многих месяцев. Популярности романа способствовали типичные элементы, разоблачающие как жестокость и распущенность преступного мира Филадельфии, так и вопиющие преступления высшего класса города – его политических лидеров, бизнес-магнатов и духовенства, жертвами которых стали честные рабочие и семьи среднего класса.

За “The Quaker City” последовало множество «городских тайн», действие которых распространялось по всей стране с востока на запад и с севера на юг, разнообразив жанр за счет местного колорита.

В это время «городские тайны» преследовали цели, которые в корне противоречили друг другу: развлечь читателей сенсационными историями, но также подтолкнуть их к политическим действиям, разоблачая неудачи городских элит и призывая государственные институты к реформированию. Например, в “The Mysteries and Miseries of New York” Нед Бантлайн напрямую обращается к мэру (*Mr. Frank Hennock*), начальнику полиции (*Captain Julian Tobin*), членам городского совета (*Mr. P., Mr. C., Mr. H.* (в тексте произведения не указываются имена многих героев)) и «благотворительным ассоциациям», таким как Нью-Йоркская больница (*Leaving the hospital doctor to attend the sick family, and the rest enjoying a treat, rich as it was unexpected, the two now retraced their steps through ' Murderer's alley,' and then across to one of the streets beyond the triangular square which centres the sink of misery.*) [6, p. 70], критикуя рост преступности, бедности и проституции и призывая читателей требовать социальных и политических перемен, драматизируя эту критику через развитие персонажей и сюжета. Все произведения жанра «городские тайны» являются «агентами» культурного формирования, цели которых – раскрыть пороки общества, указать на его бедственное положение и призвать читателей к переоценке ценностей и осознанию неизбежности революционных реформ.

Не все городские детективные романы воспроизводят формулу названия оригинального произведения Э. Сю с лексемой «тайна», тем не менее тайны города напрямую или косвенно раскрывались в названиях. Заголовки романов и подобие сюжетных моделей объединили авторов второй половины XIX в. разных континентов и национальностей, что указывает на сходство проблем в обществе той эпохи.

Городские детективные романы произвели сенсационное впечатление на читателей, даже несмотря на то, что они представляли собой «низкопробный вид литературы по сравнению с популярным сентиментализмом среднего уровня» [7, с. 157]. Как восклицает Бантлайн в начале своего повествования: *“I wish to lay before you all the vice of the city [. . .] so that you and the good and philanthropic may see where to apply the healing balm, I wish to show where and how our young men are led away and ruined in the glittering gambling palaces, now many a poor, now wretched and degraded female, has been driven into the paths of infamy, when one kind word and one helping hand would have saved her”* [6, p. 9].

Большинство «городских тайн» публиковались в периодических изданиях или в виде брошюр, а позже переиздавались в виде книг; они создали жанр, повторив его сенсационную формулу названия – «Тайны...» – и адаптировав типы персонажей, сюжетные линии, а также способы повествования к новым контекстам производства и восприятия. Примерами типов персонажей являются:

– аристократические или иначе благородные фигуры спасителей:

✓ *Gold-Bug is the man who saves Mabel from Reverend Pyne, who wants to rape her. Gold-Bug believes that Mabel is the daughter of his old lover, and she vows to protect her because she is her daughter as well* [5, p. 119];

✓ *“Good woman, are you sick?” – cried Mr. Precise, as he rushed up to her side* [6, p. 66];

– безжалостные молодые люди:

✓ *Lorrimer is depicted as a young handsome man who is rich and a member of The Monk Hall. Lorrimer plans to have sex with Mary and he thinks the best way to achieve his goal is by faking a wedding with her at The Monk Hall* [5, p. 143].

✓ *Mr. Bob Sutton is a kind-of-a-looking fellow, and yet a man of immense muscular power. The bulldoggish look about his eyes and mouth – the thick, short neck – the broad round shoulders and full chest makes him look like a thug. Scars are seen like a map of pugilistic history all over his broad countenance. He was once sentenced to Sing-Sing (тюрьма в Нью-Йорке) for life, but was pardoned out, and is now a greater rascal than ever* [6, p. 20];

– ведущие праздный образ жизни женщины – жертвы сексуальной эксплуатации:

✓ *Insulted, scorned, despised, she murmured, and by the man I once so deeply loved!* [5, p. 244];

✓ *Oh, mother, I have seen him before. He was one of those who insulted me on that dreadful night, when I ran all the way home!* [6, p. 98];

– распутные прелюбодейки, отвратительные католические священники:

✓ *Maria has chosen the easy and beautiful trade of an embroiderer or worsted worker, and in this occupation spends all of her leisure hours. She is of that better class of 'the fallen,' known in Paris as the grisettes* [5, p. 81];

✓ *She was massacred by her pretended friends. Priest-craft, and Slave-craft, and Traitor-craft were her murderers* [6, p. 327];

– алчные адвокаты:

✓ *Zat dam lawyare, Messieur Tarhound; he is employ to fo me some dam leetle dirty shob. He is also known as one of the “Tombs” lawyers* [5, p. 84];

✓ *And that is the Horoscope of a lawyer, who takes fees from both sides. His desire is to know, whether he can perjure himself in a case now in court without detection* [6, p. 24];

– ростовщики:

✓ *“This is what I call lending money at five thousand per cent, interest,” – and he chuckled as he took the bond and confession, and put it away in the place left vacant by the money which he had given to the clerk [5, p. 173];*

✓ *She goes to the front door and lets in a little hump-backed Jew, who wanted to sell me a gold watch [6, p. 171].*

Развитие сюжета часто вращается вокруг религиозного лицемерия (*Reverend Pyne is a respectable preacher throughout Philadelphia. Ironically, Pyne is a secret member of The Monk Hall. During the day, Pyne is a saint, and he preaches about morality and salvation. However, at night Pyne is immoral and satanic [5, p. 176]; “Stop, stop, my good woman, you are making a mistake!” – cried Livingston ; “I am a minister !” – and as he said this he dropped his cloak, and showed that he was robed in the full costume of a clergyman [6, p. 192]*), а также эксплуатации трудящихся бедняков со стороны богатой городской элиты (*Petriken and Mutchins hire themselves to me for the season I use and, of course, despise them [5, p. 38]; They were curled, and powdered and painted, until art could do no more to add to their looks, and now the poor miserable creatures were on exhibition, as pieces of finery ready for sale [6, p. 90]*). Повествование могло включать в себя сенсационность, сентиментализм, мелодраму и готический ужас (*The stars do not tell me which shall feel the terror of the doom, but that it will be inflicted by one of ye upon the other, is certain [5, p. 26]; She looked around, and there stood poor Isabella – her white dress stained with the earth of the cellar – her face pale as marble – her eyes wild with terror – her whole frame quivering with the agony of fear [6, p. 202]*). Если в популярных повествованиях персонажи используются как «пища для размышления», а сюжеты и способы действия – как средства формирования и организации социальных воздействий, то «городские тайны» явно не «сглаживали сложности жизни». Они предлагали сопереживать сюжетным линиям, которые создавали образ города, где живут их читатели, и появлялись в воображении посредством частых ссылок на конкретные районы, улицы и учреждения.

Процессы формирования личного и национального самосознания, вплетенные в сюжет «городских тайн», во времена стремительных социально-экономических и политических перемен зависели от атмосферы романа, взаимодействовали с ней, но также формировали ее, выходя за рамки печатной литературы. Они создали эту атмосферу, заимствуя образы сценической мелодрамы (например, чрезмерную идиллию, моральные дихотомии), чернолицых менестрелей (песни, шутки, типичные персонажи), религиозных представлений (пародийные проповеди), бытовых романов (*The girl was interested, and like all young girls, she was delighted to become the confidante of an amiable young lady, who had a little love-romance of real life, to disclose [5, p. 68]; He has seduced the wife of my bosom – the only being on earth that I love, except the children she has borne to me! [6, p. 254]*) (добродетельные страдания, сюжеты соблазнения, сцены на смертном одре) и копеечной прессы (риторика сенсаций, разжигание скандалов).

Сюжеты анализируемых романов держали читателей в состоянии постоянного возбуждения, погружая в постепенно разворачивающийся мир, который накапливал одно социальное зло за другим, вызывая моральное возмущение. Чтение “The Quaker City” Липпарда и “The Mysteries and Miseries of New York” Бантлайна означало осознание своей идентичности как одного из многих эксплуатируемых представителей рабочего класса или как одной из многих

жертв городской преступности (*Mary is an innocent young woman who is a victim to Lorrimer's evil scheme. Mary is Byrnewood's sister. Lorrimer's scheme is botched but he manages to have sex with Mary. Later, Mary dies* [5, p. 216]; *Mr. Shirley, the seducer of the unhappy Mary Sheffield, was seated in his elegantly furnished sitting-room, listening to music from the lips of his daughter; a beautiful young girl, who accompanied herself with rare taste on a piano* [6, p. 237]). В более широком масштабе мы видим в текстах “The Quaker City” или “The Mysteries and Miseries of New York” изображение неудавшейся политики одного города как предвестника национального упадка. Городские детективные романы позволили читателям осознать себя частью национальной аудитории, драматизируя то, что было поставлено на карту, когда разные политики, партии и законодательные органы обсуждали насущные вопросы дня.

Если «городские тайны» претендовали на раскрытие заговоров богатых и могущественных против бедных и бесправных, и если они злорадствовали, раскрывая тайные сети, действующие под маской респектабельности (*I have deeper means, than these! I employ neither force, nor threats, nor fraud, nor violence! My victim is the instrument of her own ruin without one rude grasp from my hand, without one threatening word, she swims willingly to my arms!* [5, p. 109]; *Why, they have rivals in business – they must sell cheap or not at all – to sell cheap they must get their work for almost nothing, and these poor girls must work or starve, or do even worse, and they must do it at the employer's prices.* [6, p. 25]), то удовольствие от чтения романов, по крайней мере частично, основывалось на ощущениях читателей, что эти аллегорические тексты – завуалированные комментарии к истории, реальным людям и событиям.

Самым интригующим в жанре городских детективов является присущая им напряженность: радикализм догматических идеологий, нацеленных на немедленные и фундаментальные политические действия, а также потребность популярного серийного повествования, включая установление различных точек зрения, увеличение количества персонажей, неоднозначное развитие сюжета и открытая траектория повествования, которая набирает обороты из-за самого отрицания – или по крайней мере продолжающейся задержки – завершения истории.

“The Quaker City” и “The Mysteries and Miseries of New York” колеблются между «праведным негодованием» к политической коррупции и жестокости богатых светских львиц по отношению к городской бедноте, с одной стороны, и «отвратительным восприятием» секса (*Mabel is an orphan young woman who Reverend Pyne drugs. Pyne wants to rape Mabel, and he thinks the best way to do it is first to drug her. However, she is helped by God-Bug* [5, p. 213]; *I can't go into the best society; why? because I am a sporting man. Men, merchants and aristocrats will come here to my rooms and play with me – they will drink wine and eat at my table, they meet and shake hands with me, here, but when I meet them in the street, the gentlemen cannot recognise me* [6, p. 180]) и преступности в самых темных уголках общества – с другой стороны.

Чтобы получить и поддерживать контроль над эмоциями своих читателей, авторы создавали харизматичные образы, использовали бесконечные циклы «неизвестности и неожиданности», кульминации и последовательности действий, стилизовали себя как защитников добродетельных бедных и отважных разоблачителей политической коррупции в своих романах и за их пределами. Заявленная цель произведений – подтолкнуть читателей к филан-

тропии, побудить их переосмыслить социальную несправедливость и проявить сочувствие к эксплуатируемому населению. «Картины реальной жизни» Бантлайна и Липпарда основаны на детальном изображении реальных городских пространств (*Oh, magnificent Quaker City, with your warehouses, and your Churches, your Theatres and your Brothels, your Banks and your Insane Hospitals, your Loan Companies and your Alms Houses, how delightful to all your denizens, must be the reflection that Buzby Poodle s no living nuisance, but an airy, though loathsome creation of the author s brain!* [5, p. 140]; *He gazed with wonder at the long rows of little wooden buildings, their cellars sunk far below the swampy street, and, as he passed them, he gazed upon rooms filled with ill-dressed men, and painted, bloated women, who were drinking, dancing, shouting and carousing.* [6, p. 59]) и репрезентации персонажей, чья жизненность проявляется в диалектах, социолектах и жаргоне. Кроме того, “The Mysteries and Miseries of New York” и “The Quaker City” содержат авторские отступления и откровенное морализаторство, которые непосредственно касаются политических убеждений авторов.

Также «городские тайны» характеризовались пересечением социальных и географических границ, приглашая своих читателей на «экскурсии» по трущобам в захудалые районы города и приоткрывая завесу незаконных сексуальных утех богатых и знаменитых, а также разоблачая порочность различных слоев общества (*The Dead-Vault of Monk-Hall was illumined by the glare of lights. Gusts of wind moaning from the dim vault, flung the light with a flaring lustre, over the massy outlines of the pillars, revealing the fragments of coffins scattered round the floor, mingled with human bones, or sending a wild uncertain ray into the far recesses of the cellar* [5, p. 403]; *Then could be seen the miserable street-walkers taking their nightly round up and down Broadway* [6, p. 13]).

Тайна выступает основной «метафизической константой» философии. Прежде всего, нужно провести отличие между философской тайной и той тайной, которая имеет место в различных областях жизни и культуры. Обыденное понимание тайны связано с ее восприятием как чего-то скрытого, неизвестного, вокруг чего образуется некая интрига. Смысл тайны заключается в том, что она, создав интригу напряженности, непременно должна быть разгадана: саспенс всегда гарантирует успех. Но разгадка тайны означает ее исчезновение. Иными словами, тайна – это некий покров неизвестности, который исчезает вместе с ее раскрытием. В философии тайна рассматривается с другой стороны, здесь тайна – не то, что должно быть разгадано, а тайна бытия, чья непостижимость абсолютна [8].

Рассматривая концепт «тайна» не только со стороны литературоведения и философии, но и с точки зрения языкознания, необходимо отметить особую роль лексического наполнения в формировании этого концепта. Концепт тайны лег в основу многих произведений разных авторов, написанных на многих языках мира, что свидетельствует об актуальности темы романов, которая предполагает множество смежных концептов, глубину и витиеватость сюжетных линий, выбор языковых средств выражения данного концепта. Разнообразие средств, используемых авторами для формирования языковой картины произведений, стиля и коммуникативной направленности, сводится в единую лексико-семантическую систему.

В классическом определении под лексико-семантической системой языка подразумеваются слова и выражения, словообразовательные и грамматические категории, способы группировки слов и смысловые соотношения между словами, а также грамматическое

оформление предложений и основные семантические группы слов. Все элементы лексико-семантической системы внутри спаяны, соотносительны и взаимодополняемы, все слова и их значения находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Во всех частях и звеньях лексики наличествуют внутренние закономерные связи [9, с. 4].

Полевая модель является продуктивным способом описания лексико-семантической системы языка. Она также успешно применяется при исследовании художественного текста и языковой картины мира отдельного автора. Под лексико-семантическим полем понимается совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности как в синхронном плане (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собой, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в диахроническом плане (определенный набор неоднократно реализованных мотивационных моделей, повторяемость словообразовательных моделей, повторяемость производящих этимологических гнезд, порождающих лексику поля).

ЛСП имеет четкую структуру: ядро, образованное гиперонимом; периферию (ближнюю и дальнюю), включающую в себя ассоциативное пространство лексем. В целом элементы поля связаны между собой парадигматическими, деривационными и ассоциативными синтагматическими отношениями. Последние оказываются наиболее представленными в языковой картине мира автора. Некоторые ученые дифференцируют лексико-семантические поля в зависимости от частеречной принадлежности центральной лексемы, образующей ядро поля. По данной классификации выделяют процессуальные поля, формируемые глаголами, признаковые – прилагательными, предметные – существительными [10].

Важнейшим составным компонентом лексико-семантического поля являются лексико-семантические группы слов. Л. М. Васильев считает, что «термином “лексико-семантическая группа” можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой или хотя бы одним общим семантическим множителем» [11, с. 103].

Анализируемое лексическое поле «тайна» многомерно, объемно. В основе его организации лежат упорядоченные классы, лексические парадигмы разного типа, структурирующие семантическое поле по вертикали и по горизонтали. Ядро лексического поля как его семантическую доминанту образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. Одним из основных свойств структуры лексико-семантического поля является ее целостность, которая обеспечивается отношениями, предполагающими вхождение менее сложных единиц в более сложные. Центром поля тайны является многозначное слово «тайна». В семантической структуре этого обобщающего слова отражается весь спектр объема анализируемого концепта [12–16]:

- 1) *something not understood or beyond understanding;*
- 2) *a piece of fiction dealing usually with the solution of a mysterious crime;*
- 3) *the secret or specialized practices or ritual peculiar to an occupation or a body of people;*
- 4) *profound, inexplicable, or secretive quality or character;*
- 5) *a religious truth that one can know only by revelation and cannot fully understand;*
- 6) *a Christian sacrament;*
- 7) *a secret religious rite believed to impart enduring bliss to the initiate.*

Таким образом, лексико-семантическое поле концепта «тайна» представлено главным образом четырьмя лексико-семантическими группами: существительных, прилагательных, наречий и глаголов, а также группой фразеологических единиц.

Так, группа существительных обозначена 14 единицами (*bury, camouflage, cover, disguise, mask, obscure, shelter, stash, cache, cloak, curtain, eclipse, harbor, veil*), 12 из которых представлены в произведениях:

– *Have you courage, to lift the **cover** from the Whited Sepulchre, and while the world is crying honor to its outward purity, to show the festering corruption that rankles in its depths?* [5, p. 3].

– *When twilight darkens, and night comes on, many a man is seen to enter, yet they, too, seem to wear a studied **disguise** – sometimes veiled females are seen to go in at the front door; though nearly all of the visitors to that dwelling have the singular habit of entering by the alley* [6, p. 76].

Группа глаголов представлена 13 единицами (*smuggle, suppress, tuck away, withhold, adumbrate, dissemble, ensconce, conceal, reserve, to glose secrete, shadow, shroud*), 11 из которых представлены в произведениях:

– *to **glose** a falsehood and cover the naked blackness of a lie with such a delicate surface of ivoried-fiction* [5, p. 211].

– *A loose robe de nuit does not **conceal** the beauties of her voluptuous form* [6, p. 321].

Группа прилагательных/причастий представлена 26 единицами (*covert, furtive, mysterious, obscure, private, secluded, undercover, undisclosed, unknown, backdoor, mystic, occult, abstruse, ambiguous, arcane, camouflaged, conspiratorial, covered, cryptic, disguised, enigmatical, esoteric, mystical, recondite, reticent, shrouded*), 10 из которых были обнаружены в произведениях:

– *Two citizens meet in the pathway; they greet each other with familiar salutations, but that silent grasp of each other's hand, that **mystic** sign, made by each upon his forehead?* [5, p. 452].

– *The breakfast was soon prepared, and brought up to the landlady, who went to a **private** cupboard, and brought a phial, from which she poured a drug into the coffee* [6, p. 298].

Наречия представлены 13 единицами (*covertly, furtively, privately, quietly, stealthily, surreptitiously, confidentially, insidiously, intimately, obscurely, slyly, privily, underhandedly*), 7 из которых представлены в произведениях:

– *I saw two gentlemen, with knowin' faces, **slyly** creepin' up the ladder, and lookin' over the edge on the platform* [5, p. 432].

– *But do not let her or the world know the cause of my death – bury me **secretly**, and do not let my name be blasted with the shadow of this shame!* [6, p. 240].

Помимо отдельных частей речи, исследуемое поле может быть представлено группой фразеологических единиц, обозначенных 8 единицами (*air of mystery, misty and mysterious veil, a riddle wrapped in a mystery wrapped in an enigma, to carry a secret to the grave, an open secret, to keep the secret, god works in mysterious ways, to be as still as a grave*), 5 из которых представлены в произведениях:

– *There was no sound of the Doctor's returning footstep. The Museum was **still as the grave*** [5, p. 180].

– *God would know the truth, he **works in mysterious ways!*** [6, p. 118].

Некоторые ученые выделяют социокультурный и этнокультурный компоненты значения слова, выражающие особенности национального мировоззрения и восприятия человеком конкретного понятия или бытовой реалии, названной словом [17, с. 41]. Лексико-семантическое поле стало восприниматься как важнейший фрагмент языковой картины мира [18, с. 63]. Например, языковые картины мира каждого произведения можно наглядно представить в виде совокупности ключевых лексико-семантических полей «тайны», «городского хронотопа», «родства», «чувств», «противопоставления» и других, где анализ лексики, входящей в состав поля, позволяет сделать выводы об особенностях видения мира автора.

Лексико-семантическое поле «тайна» в художественном тексте “The Quaker City” и “The Mysteries and Miseries of New York” по составу и структуре отличается от общезыкового. В анализируемых литературных произведениях наблюдается трансформация лексического значения слова, семантические приращения, обилие коннотаций, интертекстуальные связи слова и другие особенности, связанные со спецификой языка беллетристической литературы. В семантике художественного слова главной становится «преобразующая роль художественного мировоззрения», способствующая «формированию особой смысловой структуры» [19, с. 29].

Ассоциативная цепочка раскрывает такие виды тайн, разворачивающихся на страницах беллетристических романов, как коммерческая тайна, тайна личной жизни, врачебная тайна, тайна рождения и смерти, тайна усыновления, тайна связи, тайна отношений, тайна любви, нотариальная, служебная тайна, тайна исповеди и другие:

– *From his very birth, he had breathed an atmosphere of infamy. To him, there was no such thing as good in the world. His world his place of birth, his home in infancy, childhood and manhood, his only theatre of action had been the common house of ill-fame. No mother had ever spoken words of kindness to him; no father had even held him in his arms. Sister, brother, friends; he had none of these. He had come into the world without a name; his present one, being the standing designation of the successive Door keepers of Monk-hall, which he in vain endeavoured to assume, leaving the slang title bestowed on him in childhood, to die in forgetfulness* [5, p. 91].

– *“Tell no one where you are going, and be prudent; it would be worse than death to have my love for him known!”* [6, p. 74].

Форма повествования интригует читателя, толкает на путь ложных предположений и умозаключений.

Заключение. В ходе анализа и интерпретации полученных результатов цель исследования была достигнута. Нами были выявлены, описаны и систематизированы особенности языкового выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях американских авторов XIX в. Проведенное исследование позволило выделить как индивидуально-авторские представления, так и схожесть сюжетных моделей и языковой картины мира, стилистической наполненности и концептуализации произведений жанра «городская тайна», «городской детектив», «готический роман». Идиостиль в анализируемых произведениях выступает как средство выражения внутреннего мира писателя и инструмент, обличающий и высмеивающий пороки общества, социальную несправедливость, классовые предрассудки и систему ценностей общества того времени. С помощью языкового выражения концепта «тайна» авторы погружают своих читателей в мистические перипетии сюжетных линий,

взаимоотношений героев, где за одной тайной следует целая цепочка других, витиеватых и запутанных, образующих сеть имплицитно-связанных микроконтекстов. Можно утверждать, что в рамках анализируемых романов рассмотренный концепт иллюстрирует не только общность повествовательных моделей, но и сходство языкового наполнения и лексических способов репрезентации концепта в контексте произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык как национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007.
2. Крючкова Н. В. Методы изучения концепта // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та: труды и материалы / под ред. К. Р. Галиуллина., Казань, 4–6 окт. 2004 г. / Казан. гос. ун-т. Казань, 2004. С. 271–272.
3. Пименова М. В. Душа и жизнь: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004.
4. Sue E. Les mystères de Paris. Paris: J. Rouff, 1842.
5. Lippard G. The Quaker City, or the Monks of Monk Hall. Philadelphia: Leary, Stuart & Company, 1845.
6. Buntline N. The Mysteries and Miseries of New York: A Story of Real Life. Dublin: J. M'Glashan, 1849.
7. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) / Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 156–167.
8. Василенко Л. Краткий философско-религиозный словарь. М.: Истина и жизнь, 1996.
9. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
10. Новиков Л. А. Семантическое поле как лексическая категория // Теории поля в современном языкознании. Уфа: БашГУ, 1991. С. 3–7.
11. Васильев Л. М. Парадигматические и синтагматические поля // Актуальные проблемы лексикологии: докл. Третьей лингвистической конф., Новосибирск, 3–7 мая 1971 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1971. С. 102–104.
12. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 05.01.2023).
13. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 10.01.2023).
14. Longman English Dictionary. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.01.2023).
15. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 05.01.2023).
16. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 07.01.2023).
17. Вежбицкая А. Язык, культура, познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.
18. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
19. Язикова Ю. С. Слово в языке А. М. Горького: смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985.

Информация об авторах.

Безрукова Вера Викторовна – кандидат филологических наук (2004), доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394024, Россия. Автор 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, история языка, теоретическая грамматика, этимология.

Гаркуша Артемий Витальевич – магистрант кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394024, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, переводоведение, сопоставительная лингвистика, стилистика текста, этимология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Yazyk kak natsional'naya kartina mira* [Language as a national picture of the world], Istoki, Voronezh, RUS.
2. Kryuchkova, N.V. (2004), "Methods for studying the concept", *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and comparative philology: state and prospects], in Galiullin, K.R. (ed.), Kazan, RUS, Oct. 4–6, 2004, pp. 271–272.
3. Pimenova, M.V. (2004), *Dusha i zhizn': osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and life: features of conceptualization], ИПК "Графика", Kemerovo, RUS.
4. Sue, E. (1842), *Les mystères de Paris*, J. Rouff, Paris, FRA.
5. Lippard, G. (1845), *The Quaker City, or The Monks of Monk Hall*, Leary, Stuart & Company, Philadelphia, USA.
6. Buntline, N. (1849), *The Mysteries and Miseries of New York: A Story of Real Life*, J. M'Glashan, Dublin, IRL.
7. Melnichuk, O.A. and Melnichuk, T.A. (2012), "Stategies of the detective discourse in A. Christie's novels", *J. of Psycholinguistics*, no. 15, pp. 156–167.
8. Vasilenko, L. (1996), *Kratkii filosofsko-religiozni slovar'* [Brief philosophical and religious dictionary], Istina i zhizn', Moscow, RUS.
9. Vinogradov, V.V. (1953), "Basic types of lexical meanings of a word", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 5, pp. 3–29.
10. Novikov, L.A. (1991), "Semantic field as a lexical category", *Teorii polya v sovremennom yazykoznanii* [Field theories in modern language knowledge], BashGU, Ufa, RUS, pp. 3–7.
11. Vasil'ev, L.M. (1971), "Paradigmatic and syntagmatic fields", *Aktual'nye problemy leksikologii* [Current problems of lexicology], Novosibirsk, RUS, May 3–7 1971, pp. 102–104.
12. *Cambridge Dictionary*, available at: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 05.01.2023).
13. *Collins English Dictionary*, available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed 10.01.2023).
14. *Longman English Dictionary*, available at: <http://www.ldoceonline.com> (accessed 10.01.2023).
15. *Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary*, available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 05.01.2023).
16. *Merriam-Webster Dictionary*, available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 07.01.2023).
17. Wierzbicka, A. (1996), *Language, culture, cognition*, Transl. by Krongauz, M.A. (ed.), Russkie slovari, Moscow, RUS.
18. Karaulov, Yu.N. (1972), "Structure of the lexical-semantic field", *Philological sciences*, no. 1, pp. 57–68.
19. Yazikova, Yu.S. (1985), *Slovo v yazyke A. M. Gor'kogo: Smyslovaya struktura slova v semantiko-stilisticheskoi sisteme pisatelya* [The word in the language of A. M. Gorky: The semantic structure of the word in the semantic-stylistic system of the writer], Volgo-Vyat. kn. izd-vo, Gor'kii, USSR.

Information about the authors.

Vera V. Bezrukova – Can. Sci. (Philology, 2004), Associate Professor at the Department of English, Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin str., Voronezh 394024, Russia. The author of 50 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, history of language, theoretical grammar, etymology.

Artemii V. Garkusha – Master Student at the Department of English, Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin str., Voronezh 394024, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, translation studies, comparative linguistics, text stylistics, etymology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.02.2024.*

Original paper

УДК 81'32

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-128-136>

Mathematical Approaches to the Study of Human Information Processing

Olga I. Glazunova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
o.i.glazunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-586X>*

Introduction. We consider the Golden Ratio principle and the Fibonacci sequence in terms of its possible use in the production and perception of information. The correspondence between the Fibonacci sequence and the principle of symmetry is most clearly shown when numbers are replaced with concepts and judgments.

Methodology and sources. Language is an integral part not only of consciousness, but also of reality, and therefore it is quite natural to assume that its formation and development took place in accordance with the objective laws of nature that ensure the effectiveness of the interaction of structural and systemic formations as part of the whole. Such an approach makes it possible to find answers to questions that have not been solved within the narrow linguistic framework of the study, and also contributes to the fact that language structures designed to describe the state of affairs in reality provide a methodological basis for cognition at the disposal of a person.

Results and discussion. The simplest language phrases built on the models of “what is what”, “what is which”, “what/who does what”, already contain all the essential elements of thought: 1) the separation of two objects; 2) comparing them with each other (in consciousness), and 3) inference (stating their separateness and differences from each other). Thus, symmetry and asymmetry are the essence of the process of obtaining new knowledge in any field of research. Each new judgment in the chain constructed in accordance with the Fibonacci sequence includes the two previous ones, but in a new quality – based on their synthesis. At the same time, all copies of the original and received structures remain in memory.

Conclusion. The search for laws implies not only generalization of ideas, but also finding the simplest schemes according to which material objects are created and processes occurring in the natural environment are implemented. In accordance with the processes regulating the stability and variability of systems in the natural environment, the activity of consciousness is also carried out, aimed at obtaining knowledge and their formation on the basis of symmetry and asymmetry. Symmetry contributes to the preservation and assimilation of the original data, asymmetry allows you to extract new information based on them. The information coming from outside is transformed into linguistic structures – the only way possible for a person to reflect the results of logical and sensory analysis.

Keywords: human information processing, mathematical principles, Golden ratio, Fibonacci sequence

For citation: Glazunova, O.I. (2024), “Mathematical Approaches to the Study of Human Information Processing”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 128–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-128-136.

© Glazunova O. I., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Математические подходы к изучению процессов производства и восприятия информации

Ольга Игоревна Глазунова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
o.i.glazunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-586X>*

Введение. Мы рассматриваем принцип Золотого сечения и последовательность Фибоначчи с точки зрения их возможного использования при производстве и восприятии информации. Соответствие между последовательностью Фибоначчи и принципом симметрии наиболее четко проявляется, когда числа заменяются понятиями и суждениями.

Методология и источники. Становление и развитие языка происходило в соответствии с объективными законами природы, обеспечивающими эффективность взаимодействия структурных и системных образований в составе целого. Подобный подход дает возможность найти ответы на вопросы, которые не имели решения в узколингвистических рамках исследования, а также способствует тому, что языковые структуры, предназначенные для описания положения дел в действительности, предоставляют в распоряжение человека методологическую базу познания.

Результаты и обсуждение. Самые простые языковые фразы, построенные по моделям «что есть что», «что есть какое», «что/кто делает что», содержат в себе уже все существенные элементы мысли: 1) разделенность двух объектов; 2) сопоставление их друг с другом (в сознании) и 3) умозаключение (констатация их отдельности и отличия друг от друга). Таким образом, симметрия и асимметрия составляют суть процесса получения новых знаний в любой сфере исследований. Каждое новое суждение в цепи, построенной в соответствии с последовательностью Фибоначчи, включает два предыдущих, но в новом качестве – на основе их синтеза. При этом в памяти остаются все копии исходных и полученных структур.

Заключение. Поиск законов подразумевает не только обобщение представлений, но и нахождение наиболее простых схем осуществления процессов в природной среде. В соответствии с ними осуществляется и деятельность сознания, направленная на получение знаний и их оформление на основе симметрии и асимметрии. Симметрия способствует сохранению и усвоению исходных данных, асимметрия на их основе позволяет извлекать новую информацию. Поступающая извне информация преобразуется в языковые структуры – единственно возможный для человека способ отражения результатов логического и чувственного анализа.

Ключевые слова: обработка информации человеком, математические принципы, Золотое сечение, последовательность Фибоначчи

Для цитирования: Глазунова О. И. Математические подходы к изучению процессов производства и восприятия информации // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 128–136. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-128-136.

Introduction. We must admit that in our time linguistics as a science continues to move by inertia, along the trajectories that developed in the last century. Considering language autonomously, exclusively as a product of the work of consciousness, linguists did not take into account its connection with the universal laws of the development of the external world. The search

for general criteria of development in the process of comparison and mutual use of categorical devices, methods and objects of research in the humanitarian and natural science spheres will contribute to the formation of a unified view of the Universe, of which a person with his unique linguistic, mental, cognitive and socio-social capabilities is a fundamentally important part.

A transforming role of consciousness in the human creative activity becomes more and more important in the course of time due to experience which is being stored and secured on the level of deoxyribonucleic acid (DNA). However, a qualitative shift in solving problems associated with the understanding of reality is made possible only as a result of the interaction between human creative potential and unorthodox approaches to the interpretation of the world that acts on us.

“Nature speaks its own language, which is acting upon us with an irresistible force. It is impossible to imitate this language. The musical sound image of a chicken coop, which creates a mood of nature and conveys this mood to the listener, shows an obvious impossibility and uselessness of such a task. This mood can be created by any art form, not as an external imitation of nature, but only as an artistic transfer of an internal value of this feeling” [1, p. 40].

According to Kant, “the beauty of nature is a wonderful thing, but the beauty of art is a wonderful perception of things” [2, p. 327]. To create beautiful perceptions of external reality, man should feel beauty inside himself, because the world reflected by his consciousness is nothing more than a replica of his own inner world. Thus it is subjective and unique in its essence.

On the other hand, any transformation on the sensory or the logical level implies copying the object as the initial act of creating its basic perception. Therefore the process of a creative interpretation of reality can be viewed as a symmetry – searching for similarities and, consequently, differences between compared objects (in the example above – between the real sounds of a chicken coop and their musical interpretation).

Modern science offers many diverse definitions of symmetry. As a rule symmetry (Ancient Greek Συμμετρία – “proportionality”) is understood as “the property of invariance of certain parties, processes and relations between the objects concerning some transformations”. First, let's consider this definition, which reflects creative processes.

In Aleksey Losev's “History of Ancient Aesthetics” symmetry is understood as “the equality of two elements or two groups of elements of artwork, arranged around a common point or around an axis that divides them. In other words, symmetry is a kind of equilibrium, but equilibrium is also a kind of regularity” [3, p. 566–567]. Thus symmetry is seen as a regular arrangement of similar (identical) parts of the body, or forms of the living organism, or any combination of living organisms in relation to the center or axis of symmetry. Both the visual and the functional properties of symmetry are extremely important to understand the meaning of possible transformations in nature and art.

The dichotomous structure of the environment implies the existence of a feature, which is the opposite of symmetry, i.e., asymmetry – the absence or disruption of symmetry. Symmetry indicates the preservation of basic parameters – embedded in objects; asymmetry indicates a deviation from these basic characteristics, and testifies on the changes that have occurred in one of them.

The law of symmetry shows the equilibrium and proportionality of the structural organization of objects and phenomena that exist in the world, to which humans (due to their nature) aspire. In his book “Ideas for a Philosophy of the History of Mankind” J.G. Herder wrote: “Since each person

in himself exists rather imperfectly, each society acquires a certain *highest maximum of interacting forces*. And these forces, unbridled, chaotic are fighting each other until conflicting rules, according to the unmistakable laws of nature, do not limit them – and then there arises some kind of balance and a harmony of movement” [4, p. 440]. A violation of natural equilibrium leads to the development and qualitative transformation of natural objects, but sooner or later the system strives to restore its proportions and to compensate for the asymmetry that has arisen i.e., to reach the state of equilibrium again.

The simplest way to transform two identical objects into different objects is to create, on the basis of one of them, a multi-unit structure by copying the original form and combining it with the original. Multiplicity means not only quantitative but also qualitative changes. Because of the multiplication of its constituent units, the system acquires a more powerful configuration, something that will undoubtedly have an impact on the productivity of its performance of preset functions.

In the case of an autonomous existence of the object and its copy (for example, after one-celled organism divides), two similar structures come into being. With time, under different living conditions, they gradually accumulate differences, and increasingly move away from each other, a process that leads to the appearance of variations the same form in nature.

It is obvious that symmetry is a conceptual expression of stasis, parallel accumulation of basic traits; asymmetry expresses movement and development. It is not accidental, that a perfectly symmetrical object, be this a human face or an architectural structure, seems frozen, dead. “Full flawless symmetry would look unbearably boring. It is precisely the small deviations from symmetry which give specific, individual features” [5, p. 10]. In nature, animate and inanimate, symmetry is not absolute and will always contain some degree of asymmetry. This coexistence of similarities and differences, and a constant interpenetration of one into the other create preconditions for a sustained development of objects in nature. Symmetry and asymmetry are the principles that underlie self-organizing systems, even if they consist of a minimum number of parts or elements.

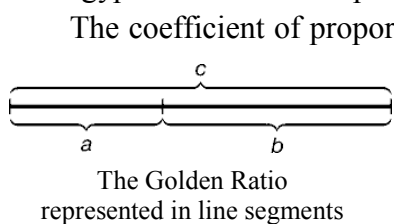
Asymmetry, in turn, leads to the reduction in the degree of spatial symmetry, initiating processes of self-organization. The accumulated potential secures initial parameters, forming the basis (heredity in the case of living organisms), while resulting changes lead to the development of the system as a whole. The processes of accumulating quantitative and qualitative changes occur in nature under the law of proportionality, as the result of which transitions from the old form to the new one are gradual and able to pass on the form’s essential characteristics. The degrees of change and preservation as relate to each other are the main characteristic of evolving systems.

The activity of consciousness aimed at obtaining knowledge is also carried out according to the processes that govern the stability and variability of environmental systems. Symmetry helps to preserve and assimilate original data while asymmetry allows to extract new information from it.

The main logical principles of the information processing theory. One can assume that the principles of evolution in nature and society take place in accordance with the laws of the Fibonacci sequence: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, ... By definition, the first two Fibonacci numbers are 0 and 1, and each subsequent number is the sum of the previous two ($2 = 1 + 1$, $3 = 2 + 1$, $5 = 3 + 2$, etc.). The Fibonacci sequence, later called the Golden Ratio principle, originated from observing breeding rabbits. If you isolate a pair of rabbits for a year, each month, starting from the second month, they will produce offspring – another pair. It is easy

to calculate that the number of pairs in each of the subsequent months will be 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, ... Fibonacci outlined the solution to this problem in his book “Liber abacc” (“The Book of the Abacus”) published in 1202.

The number of rabbit pairs obtained as the result of their reproduction creates the Fibonacci sequence, each member of which is the sum of the preceding two. As it turned out, this sequence of numbers has, from the point of view of mathematics, many interesting properties. “If any of the members of the Fibonacci sequence is divided by its preceding member, the result will be a value fluctuating around the irrational value 1.61803398875..., and, intermittently, either exceeding this value or falling short of it” [6, p. 2]. As it turned out, the sequence was known to ancient Greeks and Egyptians: ancient temples and pyramids were constructed in compliance with its proportions.

The coefficient of proportionality, which equals approximately 1.618, became known as the number of the golden section. The golden section principle is obtained by dividing a line into two segments in such a way that the smaller one (*a*) relates to the larger one (*b*) as the larger one (*b*) relates to the entire line (*c*) (Fig.).

It was believed during the Renaissance that this value, which establishes relations between parts of architectural structures, is the most appropriate for the expression of harmony. This principle has not only been widely used in architecture and painting but also plays an important role in many natural phenomena, providing the basis for its development.

As early as Goethe, it was noticed that “numbers do not rule the world, but they show how the world is ruled”. The laws of the Golden Section function in the gene structures of living organisms, in the structure of plants, animals and humans, in the energy transitions of elementary particles, in chemical compounds, and planetary and space systems. Modern researchers are more and more interested in the idea that all the complexity and diversity of nature is based on simple mathematical ratios reflected in the formative principle of the golden section. The search for beauty, i.e., the unity and symmetry of the laws of nature, is a vivid characteristic of twentieth-century physics, especially during the last few decades.

Considering beauty as a heuristic principle, A.B. Migdal writes: “The beauty of science, like the beauty of art, is defined by a sense of proportionality and interconnectedness of the parts which constitute the whole” [7, p. 107]. According to him, “beauty – as it was mentioned by Poincare – not only reflects of the harmony of the material world, but is also means the beauty of logical constructions. The logical is one of the objects of cognition; its objectivity is proved by the universal validity of logical conclusions. Logical beauty is as objective as the beauty of physical laws. We often feel the elegance of a theory even when its predictions have not confirmed by the experiment” [7, p. 108].

The correspondence between the Fibonacci sequence and the principle of symmetry is most clearly shown when numbers are replaced with concepts and judgments. Let us consider the Fibonacci sequence in terms of its possible use in the production and perception of information. From the point of view of logic, thought, having emerged from analyzing observations or as a result of an influence on the organism, develops through comparing the objects of the external world with each other: comparing their similarities, differences, duration of processes occurring in them, their causation, etc. At the same time, according to the physiological data, one can

compare two objects that are truly separate or the same object, but in two divergent states, or – an entire object with its part and, finally, parts of the object with each other.

Conclusion (a form of abstract reasoning and a way to acquire new knowledge) appears as the apex of the logical development of the human mind, “the last element of thought”. The most common phrases like “green tree”, “hard rock”, ‘man is standing (lying, breathing, walking)’ already include all the essential elements of thought: 1) separation of two objects, 2) their comparison with each other (by consciousness), and 3) conclusion (in the examples above, it does not proceed beyond postulating that the objects of thought are different). Thus symmetry, resulting in the appearance of two similar objects or two identical parts of the same object, is the best way to initiate a process of comparison on the level of consciousness.

Suppose that within our sight there appear two objects which are somehow connected, for instance, an apple (1) and a watermelon (1). The actualization of this connection is a simple judgment: *An apple is smaller than a watermelon* (2). This judgment corresponds to the second number in the Fibonacci sequence: $1 + 1 = 2$. Thus, when two different objects acquire one’s attention, one’s mind initiates a process of spontaneous comprehension based on their comparison. Ultimately this leads to a verbally-formed or visually-expressed empirical conclusion and, therefore, to new knowledge. (If, when constructing judgment, we use not two objects but one and the same, our sequence will be close back on itself and we will have a tautology: *An apple is an apple*).

Even in poetic texts where the reader does not expect either logic or new information, repetition is discouraged, because the true life of verse begins in its motion. Compare: “The sequence of semantically equivalent words does not allow for the development of thought, therefore classic duplication in verse practically does not occur unless repetition serves as a special expressive technique to highlight the word” [8, p. 301].

In accordance with the logic of the Fibonacci sequence, the obtained judgment (*An apple is smaller than a watermelon*) must be followed by one more unit, in our case, an informational one the concept. If we use one of those concepts that have been involved in the previous cases – *an apple* or *a watermelon*, our judgment will develop in two directions, but in both cases it will quickly come to a dead end, turning into a closed system: 1. *An apple is smaller than a watermelon* (2) + *an apple* (1) = *An apple is smaller than a watermelon* (3); 2. *An apple is smaller than a watermelon* (2) + *a watermelon* (1) = *An apple is smaller than a watermelon, a watermelon is bigger than an apple* (3). Furthermore, if the system does not acquire new external objects for comparison, it will tend to progress in the direction of increasing entropy. The isolation of information systems is not merely counterproductive but dangerous as well. According to psychological research, a person’s repeated, uncontrolled return to one thought or desire leads to nervous breakdowns, neuroses and may even cause suicide.

Let us enter a third concept, such as *a plum* (1), into our sequence. In this case, we find that *An apple is smaller than a watermelon* (2) + *a plum* (1) = *An apple is smaller than a watermelon, but it is bigger than a plum* (3). Having compared the newly acquired judgment with the information known from the previous statement (2) – (*An apple is smaller than a watermelon*), we obtain new sought-for information: *An apple is bigger than a plum* (3).

According to the given algorithm of the Fibonacci sequence, we need to add to the judgment (2) – *An apple is smaller than a watermelon* – the judgment (3) – *An apple is bigger than a plum*.

With the help of the conclusion – the cognitive operation by which new judgment is obtained from the given ones – on the base of judgments (2) and (3) we derive the sought – for third judgment: *A watermelon is bigger than a plum* (5).

If, according to the algorithm of the Fibonacci sequence 1, 1, 2, 3, 5, 8, ..., we combine the previous judgment (3) – *An apple is bigger than a plum* and the statement (5) *A watermelon is bigger than a plum*, we get the new judgment: *A watermelon and an apple are bigger than a plum* (8). The obtained judgment (8) cannot develop without an outside information and therefore cannot produce new knowledge. As long as we are isolated on the already know, we again come to the dead end. And so on.

The schemes of producing new knowledge according to the Fibonacci sequence are based on the principles of symmetry and asymmetry: every time before a new relationship is formed, initial judgments are copied, remaining in memory, from which they can be extracted at any moment by means of recursion.

By definition, “under recursion in a general sense we understand such a way of organizing a system under which it, at certain moments of its development determined by its rules, can create (cause) its own edited copies, to interact with them and incorporate them into its structure” [9, p. 6]. Recursive thinking allows a person to store copies of judgments in his memory, and, in case of need, to use them independently to identify observed natural phenomena, or, as in the case mentioned above, to compare them with the new judgment obtained on the basis of their addition.

Let’s set up a Table In the column 1 we put Fibonacci numbers; in the column 2 – the corresponding sums of concepts and judgments (the initial components); in column 3 – the judgments obtained with the help of addition. The last column 4 will contain the final information obtained on the basis of comparing the initial judgments.

The mechanism of human recursive thinking			
1.	2. The initial components	3. The judgments with the help of addition	4. The required information (recursive backup)
(1)	(1) A(pple)		
(1)	(1) W(atermelon)		
(2)	(1) + (1) = A + W	A < W	A < W (2)
(3)	(2) + (1) = (A + W) + P(lum)	A < W, A > P	A > P (3)
(5)	(3) + (2) = (A > P) + (A < W)	W > P	A > P (5)
(8)	(5) + (3) = (W > P) + (A > P)	W > P and A > P	W and A > P (8)

Each new judgment in the chain constructed according to the Fibonacci sequence, includes the preceding two, but in a new quality – on the basis of their synthesis. At the same time all copies of the original and the resulting structures remain in the person’s memory. Thus, the development of the system proceeds gradually: nothing is lost, everything is subordinated to logic, determining the process of thinking.

The newly obtained judgment, such as *An apple is bigger than a plum* (3), we compare with the backup copy of the preceding judgment (2) – *An apple is smaller than a watermelon*. As the result of comparison new unknown information is obtained: *A watermelon is bigger than a plum* (5). By processing the initial judgments (2) and (3), our mind compares them and obtains: 1) what is general to them, on the basis of their symmetry, and 2) what makes them different, on the basis of asymmetry.

The obtained/acquired judgment (5) implicitly includes information from two previous judgments. Without repeating the judgments (2) and (3), the judgment (5) transmits a shortened version of their combination processed by consciousness, with the obligatory saving of backup copies of initial judgments in memory. “Symmetry is a category which designates the conservation of the traits of ‘П’ of the objects ‘О’ vis-a-vis the changes ‘И’” [10, p. 10].

The information sequence constructed on the principle of Fibonacci always permits, even if some of the intermediate components are lost, to go back to retrieve them and ensure the consistency of the final conclusions. “Precisely such a transition from one stage to another, higher, – from the phenomena to natural laws, from the laws of nature to symmetry, or invariance principle I call the hierarchy of our knowledge about the world” [11, p. 36].

Conclusion. When transmitting an informational message, the goal is that the thought contained in it should be perceived, and for this purpose the addressee should have at his disposal not only conclusions, but also judgments on the basis of which they were made. Of particular importance is this principle of substantiating an information message in writing, when it is impossible to clarify the situation with the help of additional questions, clarifications or comments. It is most clearly manifested in the topic-rhematic division of the sentence, when the first part – the topic – is information known to the addressee, and the next part contains a new message.

In the process of transmitting and perceiving information of a scientific, journalistic or artistic nature, both the analytical capabilities of a person, for which the left hemisphere of the brain is responsible, and the ability to sense-image perception, which are under the jurisdiction of the right hemisphere, are usually involved. Following logical patterns of thinking, on the one hand, and background knowledge about the surrounding world, on the other, allows the speaker to conduct a dialogue more productively, based on his ideas about the directions of its development.

REFERENCES

1. Kandinsky, V. (1992), *O dukhovnom iskusstve* [Concerning the Spiritual Art], Arkhimed, Moscow, RUS.
2. Kant, I. (1966), “Kritik der Ästhetischen Urteilskraft”, Transl., *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 vol.], vol. 5, Mysl'. Moscow, USSR, pp. 201–379.
3. Tikho-Godi, A.A. (2000), “The History of Ancient Aesthetics” by A. F. Losev as a Philosophy of Culture”, *Istoriya antichnoi ehstetiki. Rannyya klassika* [History of Ancient Aesthetics. Early classics], Losev, A.F., AST, Moscow, Folio, Khar'kov, RUS, pp. 3–38.
4. Herder, J.G. (1977), *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Trans. by Mikhailov, A.V., Nauka, Moscow, USSR.
5. Gilde, W. (1982), *Gespiegelte Welt*, Transl. by Zdorik, T.B. and Fel'dman, L.G., Mir, Moscow, USSR.
6. Fischer, R. (1993), *Fibonacci Applications and Strategies for Traders*, John Wiley & Sons, NJ, USA.
7. Migdal, A.B. (1983), *Poiski istiny* [Search for the Truth], Molodaya gvardiya, Moscow, USSR.
8. Shubnikov, A.V. and Koptsik, V.A. (1972), *Simmetriya v nauke i iskusstve* [Symmetry in Art and Science], 2nd ed., Nauka, Moscow, USSR.
9. Anisimov, A.V. (1991), *Komp'yuternaya lingvistika dlya vsekh. Mify. Algoritmy. Yazyk* [Computational Linguistics for All. Myths. Algorithms. Language], Naukova Dumka, Kiev, UKR.
10. Urmantsev, Yu.A. (1974), *Simmetriya prirody i priroda simmetrii* [The Symmetry of Nature and the Nature of Symmetry], Mysl', Moscow, USSR.
11. Wigner, E. (1971), *Symmetries and reflections*, Trans. by Danilov, Yu.A., in Smorodinskii, Ya.A. (ed.), Mir, Moscow, USSR.

Information about the author.

Olga I. Glazunova – Can Sci. (Philology, 1994), Associate Professor at the Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of over 70 scientific publications, including 8 monographs. Area of expertise: linguistics, language and thought, discourse and text analysis, artificial intelligence, philosophy.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.07.2023; adopted after review 14.09.2023; published online 21.02.2024.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кандинский В. О духовном искусстве. М.: Архимед, 1992.
2. Кант И. Критика эстетической способности суждения / пер. с нем. // Соч. в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 201–379.
3. Тахо-Годи А. А. «История античной эстетики» А. Ф. Лосева как философия культуры // История античной эстетики. Ранняя классика / Лосев А. Ф. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 3–38.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977.
5. Гильде В. Зеркальный мир / пер. с нем. Т. Б. Здорик, Л. Г. Фельдмана. М.: Мир, 1982.
6. Fischer R. Fibonacci Applications and Strategies for Traders. NJ: John Wiley & Sons, 1993.
7. Мигдал А. Б. Поиски истины. М.: Молодая гвардия, 1983.
8. Шубников А. В., Копчик В. А. Симметрия в науке и искусстве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1972.
9. Анисимов А. В. Компьютерная лингвистика для всех. Мифы. Алгоритмы. Язык. Киев: Наукова думка, 1991.
10. Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974.
11. Вигнер Е. Этюды о симметрии / пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Я. А. Смородинского. М.: Мир, 1971.

Информация об авторе.

Ольга Игоревна Глазунова – кандидат филологических наук (1994), доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 70 научных публикаций, в том числе 8 монографий. Сфера научных интересов: лингвистика, язык и мышление, анализ текста и дискурса, искусственный интеллект, философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.07.2023; принята после рецензирования 14.09.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81'42:61

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-137-150>

Речеганровая характеристика экспресс-консультации как нового феномена медицинского дискурса

Анна Алексеевна Кисельникова

*Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.a.kiselnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7016-6872>*

Введение. Цель настоящей статьи заключается в анализе заочной экспресс-консультации как жанра устного медицинского дискурса. Новые технологии телемедицины расширяют формы общения, вследствие чего диалог врача и пациента трансформируется в условиях онлайн-коммуникации и требует лингвистического изучения.

Методология и источники. Статья базируется на основных положениях теории речевых жанров, сформулированных М. М. Бахтиным, Т. А. ван Дейком, О. Б. Сиротининой, Т. В. Шмелевой и др. Методологической основой проведенного в статье анализа стали научные труды, посвященные изучению речевых жанров устного медицинского дискурса, среди них работы В. В. Жура, Е. А. Пономаренко, М. И. Барсуковой и др. Для речеганровой характеристики экспресс-консультации используются методы лингвистического анализа записанных онлайн-консультаций.

Результаты и обсуждение. В статье дается характеристика экспресс-консультации, включающая следующие параметры: коммуникативная цель, диктумное содержание, речевые роли участников общения, языковое воплощение жанра. Особое внимание уделяется речевому поведению врача, которое оценивается с точки зрения достижения коммуникативного и, как результат, профессионального успеха. Описывается речеганровый сценарий медицинской онлайн-консультации и цепочка коммуникативных ходов, реализуемых в речи врача.

Заключение. В ходе исследования показано, что каждый речевой акт врача обусловлен сложной системой целевых коммуникативных установок, связанных в первую очередь с информативными (запрос информации у пациента и предоставление информации в форме объяснения и рекомендации) и терапевтическими целями, ориентированными на поддержание благополучного психоэмоционального состояния пациента. Речевое поведение участников коммуникации регулируется институциональными ролями «агента» и «клиента» института, имеющими в сознании носителей языка свои инварианты. Диктумное содержание обусловлено конкретной жалобой пациента и организовано в соответствии с этапами медицинской консультации. Делается вывод, что жанровая компетенция как часть коммуникативной компетенции в формате онлайн-общения является важнейшим профессиональным инструментом консультирующего специалиста.

Ключевые слова: устный медицинский дискурс, речевой жанр, экспресс-консультация, телемедицина

Для цитирования: Кисельникова А. А. Речеганровая характеристика экспресс-консультации как нового феномена медицинского дискурса // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 137–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-137-150.

© Кисельникова А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Speech and Genre Characteristics of Express Consultation as a New Phenomenon of Medical Discourse

Anna A. Kiselnikova

*St. Petersburg State Pediatric Medical University, St Petersburg, Russia,
a.a.kiselnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7016-6872>*

Introduction. The aim of the article is to analyze an extramural express consultation as a genre of oral medical discourse. New telemedicine technologies expand the forms of communication, it results in transformation of the dialogue between a doctor and a patient when communicating online, which requires linguistic research.

Methodology and sources. The article is based on the main theses of the theory of speech genres formulated by M.M. Bakhtin, T.A. Van Dijk, O. B. Sirotinina, T.V. Shmeleva and others. The author has taken the scientific works on the study of speech genres of oral medical discourse as the methodological basis of the analysis. This includes the works of V.V. Zhura, E.A. Ponomarenko, M.I. Barsukova and others. The study applies methods of linguistic analysis of recorded online consultations for speech-genre characteristics of express consultations.

Results and discussion. The article gives a description of an express consultation, including the following parameters: communicative goal, utterance content, speech roles of communicators, linguistic embodiment of the genre. The author pays special attention to doctor's communicative style and gives its assessment in terms of achieving communicative and consequently professional success. The author also describes a speech-genre scenario of a medical online consultation and a chain of communicative moves in a doctor's speech.

Conclusion. The study shows that doctor's every speech act is specified by a complex system of communicative targets, primarily related to informative goals (requesting information from the patient and providing information in the form of an explanation and recommendation) and therapy goals to maintain a patient's psychological and emotional well-being. Communicators' speech behavior is regulated by the institutional roles of "an agent" and "a client" of an institution, native speakers having their own invariants. The utterance content is specified by a patient's specific complaint and is organized in accordance with the stages of a medical consultation. The study concludes that genre competence as a part of communicative competence in the form of online communication is the most important professional tool of a consulting specialist.

Keywords: oral medical discourse, speech genre, express consultation, telemedicine

For citation: Kiselnikova, A.A. (2024), "Speech and Genre Characteristics of Express Consultation as a New Phenomenon of Medical Discourse", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 137–150. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-137-150 (Russia).

Введение. Теория речевых жанров активно разрабатывается в современной отечественной и зарубежной лингвистике. На сегодняшний день различные аспекты проблемы нашли свое отражение в статьях и монографиях, посвященных речевым и риторическим жанрам [1], их содержательным свойствам [2], психолингвистическим аспектам изучения [3], политическому и социальному дискурсу [4], воздействию социокультурных факторов на механизм употребления языка [5]. В ряде обобщающих работ была предпринята попытка сформулировать основные положения теории речевых жанров, определить место жанра в речевой

системности [6], дать оценку разным речевым концепциям и школам, с разной степенью подробности рассмотреть конкретные типы дискурса [6–8].

В контексте медицинского дискурса изучению подлежат такие вопросы, как специфика речевого жанра, характеристики медицинского дискурса [9], стратегии и тактики речевого поведения врача [10], дискурсивная компетенция врача [11], типологическая классификация и реализация жанров медицинского дискурса [12, 13].

В настоящее время усложняется не только понимание и система речевых жанров, появляются и новые жанры, требующие внимания и лингвистического описания. В первую очередь это связано с новыми технологиями, увеличивающими возможности реализации разного рода высказываний. Одной из новых форм коммуникации является трансформация диалога врача и пациента в условиях онлайн-общения.

Телемедицина, или дистанционная медицина, приобретает все большую популярность. Онлайн-консультации проводятся посредством видео и аудиозвонков или сообщений и не предполагают личного, реального знакомства пациента с врачом. О растущем спросе на такую услугу говорит увеличение числа сервисов, позволяющих получить медицинскую помощь в любое время и в любом месте. Пользуясь услугами одного из таких коммерческих сервисов, мы записали пять аудиозвонков пациентов, обратившихся к терапевтам для короткой (экспресс-) консультации. Подобный формат заочной консультации отличается от обычной (полной) онлайн-консультации тем, что имеет временное ограничение – 5 минут, за которые пациент может обсудить с врачом только одну конкретную проблему. При этом врач не собирает анамнез жизни и болезни пациента, а только дает профессиональный ответ на один заданный вопрос.

Методология и источники. Рассмотрим такую заочную экспресс-консультацию как новый коммуникативный жанр. К. Ф. Седов определяет речевые жанры как «сценарии, которые упорядочивают статусно-ролевые отношения между людьми» [14, с. 30]. Лишенные внешних экстралингвистических реалий коммуниканты ориентируются на жанровый сценарий при выборе коммуникативных тактик и речевых средств, организуя телефонный разговор в представлениях о реальной медицинской консультации. Для нашего исследования большой интерес представляет речь врача как причина успеха или неудачи онлайн-консультации и как единственно доступный в таком формате инструмент клинической помощи.

Основополагающими для жанроведения являются положения, сформулированные М. М. Бахтиным в статье «Проблема речевых жанров». Говоря о видах речевых жанров, ученый выделяет первичные (простые) жанры и вторичные (сложные), которые «вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры» [15, с. 161]. Бахтин видит конститутивной особенностью высказывания, а следовательно, и речевого жанра, понимаемого им как особый тип высказывания, специфическую завершенность и смену речевых субъектов, таким образом исключая диалог как жанровую форму. Т. В. Шмелева, ставя в центр коммуникативную цель, выделяет 4 типа речевых жанров: информативный, императивный, этикетный, оценочный [16]. Развивая идеи Бахтина, М. Ю. Федосюк выделяет элементарные жанры, которые можно соотнести с первичными, по Бахтину, и комплексные речевые жанры, которые содержат отдельные компоненты, обладающие завершенностью и относящиеся к различным жанрам, но не обязательно ограничены сменой речевых субъек-

тов [17]. Таким образом М. Ю. Федосюк расширяет границы жанра, выделяя как монологические, так и диалогические комплексные речевые жанры. Согласно такой классификации, онлайн-консультация пациента относится к комплексным диалогическим речевым жанрам. Их исследование мы провели по модели, которая включает в себя следующие пункты: коммуникативная цель, диктумное содержание, речевые роли участников общения, языковое воплощение жанра.

Результаты и обсуждение. Раскроем содержание каждого признака для жанра заочной экспресс-консультации. В основе коммуникации врача и пациента глобальной является информативная цель. В речи пациента она реализуется в запросе информации по волнующей его проблеме и предоставлении врачу информации о состоянии здоровья, а в речи врача – в получении необходимой для постановки диагноза информации и медицинской рекомендации. Не всегда рекомендации врачей выполняются пациентами, выражение врачебного совета таким образом, чтобы пациент его выполнил, требует усилий, в том числе и речевых. Такое согласие между врачом и пациентом получило название комплаенса. Для его достижения недостаточно только информирования. Врачебная рекомендация имеет также императивные цели, побуждающие пациента к определенным действиям (*Первым делом да? Нужно проверить работу внутренних органов, печени да? Нет ли какой-то интоксикации да? Из-за чего могут появляться гиперпигментация / то есть проверить билирубины / нет ли повышения билирубинов / потому что они влияют на цветность кожи в том числе.*) или останавливающие его (*Препараты йода а-а принимать не нужно / а-а поэтому м-м если вы до сих пор при продолжаете прием этих препаратов / то стоит а-а их убрать из своего приема.*), и даже оценочные, когда врач одобряет или критикует ранее проводимое пациентом лечение или его представления о необходимом лечении (*Это не поможет.*). Этикетные жанры приветствия, прощания, благодарности обрамляют диалог, помогают превратить бытовой телефонный разговор в коммуникацию в рамках статусно-ролевой модели «врач – пациент». Нам представляется важным для врача, проводящего онлайн-консультации, устанавливать тон общения, подчеркивающий его институциональный характер, регламентирующий четкое положение коммуникантов «агент – клиент» института. На очном приеме сформировать у пациента уважительное отношение к врачу как к специалисту, профессионалу своего дела помогают внешние атрибуты (специальная одежда, кабинет, медицинское оборудование и др.), но в заочной консультации единственным инструментом является речь. Используя исключительно этот ресурс, врач должен настроить пациента на общение, подобное общению в поликлинике. Это является важным условием доверительного отношения к специалисту, а значит и достижения комплаенса.

Медицинская консультация определяется обязательным наличием терапевтических целей, которые ставят перед врачом задачи по формированию благоприятного психоэмоционального состояния пациента, поддержанию его психического здоровья [11]. Далее, анализируя языковое воплощение жанра, рассмотрим речевое поведение врача с точки зрения достижения или недостижения коммуникативных целей, как следствие, успеха или неудачи консультации в целом.

Следующий релевантный, на наш взгляд, признак для характеристики онлайн-консультации – это речевые роли коммуникантов. Медицинская консультация представляет собой

диалог, что подразумевает смену речевых субъектов, речевое поведение которых регулируется институциональными ролями «агента» института (в данном случае – врача) и «клиента» института (пациента). Обратимся к образу «агента» института. Медицинская консультация предполагает превосходство «агента» в специальных знаниях и заинтересованность в помощи «клиенту». Каковы основные черты его речевого поведения? Главным признаком, на наш взгляд, будет коммуникативная инициатива и контроль над развитием беседы. Врач – носитель специального знания, за которым к нему приходит пациент. Неравноправие коммуникантов, заложенное в структуре институционально организованного общения, должно сохраняться. Это важно и для врача, и для пациента. Такую беседу можно сравнить с танцем, где один партнер ведет, а другой за ним следует. Если первый перестанет вести, движение прервется, а второй партнер окажется в неловкой ситуации. Но это не значит, что второй партнер может быть пассивным. Он не зритель, а активно действующий участник события. Данный пример иллюстрирует неудачное речевое поведение специалиста:

П. *Угу. То есть попить кальций это ничего не поможет?*

В. *А-а-а ну скорее всего да // Это не поможет.*

П. *Угу // Угу.*

ПАУЗА.

П. *Ясно.*

ПАУЗА.

П. *То есть только если там какая-то проблема / ее можно будет решить // Но если этой проблемы нет / то ничего сделать вообще не получится?*

В этом фрагменте беседы врач не проявляет коммуникативной инициативы, а пациент не знает, как заполнить паузы и как оживить диалог.

Важным для образа врача – «агента» института является навык внимательного и активного слушания. В формате заочной консультации такое слушание должно сопровождаться использованием вербальных реакций на речь пациента (междометий, повторений и обобщений слов пациента, уточняющих вопросов и др.).

«Клиент» института в этом случае является особого рода пострадавшим (жанровое ядро его речи – жалоба), респондентом медицинского опроса и исполнителем, принимающим рекомендацию «агента». Его речь подчинена и жанровому сценарию, и речевому поведению «агента». Но «клиент» тоже может обладать коммуникативной инициативой. Ее передача организуется «агентом» (*А каких-то жалоб нет вообще? Есть еще какие-то вопросы у вас?*) или захватывается самим «клиентом» института (*И еще можно вопрос?*). Такое делегирование коммуникативной инициативы является элементом грамотного речевого поведения врача и необходимо для успеха консультации. Как мы уже упоминали, если врач отказывается от коммуникативной инициативы, пациент не может перенять ее полностью.

Диктумное (событийное) содержание обусловлено конкретной жалобой каждого пациента. В жанре жалобы, как и в ответах на вопросы врача, преобладают событийные пропозиции существования (*у меня температура / боль в горле*), действия (*стали появляться пигментные пятна на лице*) и состояния (*просто это мне мешает / ну мне как-то неудобно*). Для ответа на вопрос пациента и жанра врачебной рекомендации основными являются логические пропозиции (*если уже там какие-то изменения будут / то конечно нужно обсуж-*

дать с травматологом-ортопедом; чтобы понять каким препаратом человека лечить / когда в биопсии обнаружилось подобное / а-а производят посев / то есть выращивают эти грибы / определяют к какому препарату они чувствительны; то есть какие у вас анализы / а-а такую дозировку и эутирокса или левотироксина назначает эндокринолог), событийные пропозиции действия (Я тогда вам напишу а-а / подробненько в заключении / какие обычно анализы рекомендуют сдать общие) и существования (Смотрите а-а растительные препараты / валериана пустырник / а-а на самом деле / как правило никаких противопоказаний не имеют).

Заочная экспресс-консультация организована в соответствии со сценарием медицинской консультации и включает следующие этапы: контактоустанавливающий этап, этап жалоб больного, этап истории настоящего заболевания, этап объяснения проблемы и рекомендаций, этап завершения консультации. Свое языковое воплощение в речи врача выделенные этапы получают в цепочке речевых ходов: приветствие → общие вопросы → конкретные вопросы → объяснение проблемы → ответы на вопросы пациента → совет → прощание.

В статье «Речевое поведение врача в режиме телемедицины» мы проследили, как реализуется каждый элемент жанрового сценария в речи консультирующего онлайн специалиста с точки зрения успеха коммуникации [18]. Сравнивая стандартную заочную консультацию с экспресс-консультацией, мы видим, что речевые акты врача не являются усеченными. Приветствие: *Здравствуйте // Терапевт Светлана Александровна // Чем могу вам помочь?* и: *Здравствуйте // я Любовь Михайловна / врач-терапевт / чем могу вам помочь?* Уточняющие вопросы врача: *А после чего вот это началось не припомните? Может быть переболели какой-нибудь вирусной инфекцией / какой-нибудь простудой?* и: *Ну это может быть э-м-м следствием того / что долго на солнце э-э находились?* Или: *Эти места как бы под прямыми солнечными лучами не находились?*, рекомендации: *В общем / смотрите / нужно вам переходить с этих капель / то есть изначально нужно начать с промывания носа // морским солевым раствором // Вот // Затем рекомендуется переходить на гормональные / значит / капли // Они / я напишу в заключении // Вот // Они помогают / а // так сказать // э-м-м / освободить нос от зависимости // Э-м-м / либо если а еще также будет отечная слизистая / что вполне может быть / рекомендуется прием курсом антигистаминных противоаллергических препаратов лорете // а лоратадин либо цетеризин // Вот для чего нужно / чтобы снять очеч... отечность в носе... в носу и Смотрите // А-а я согласна с тем доктором / который э-м-м последний раз вас консультировал и сказал / что препараты йода при а-а вашем заболевании не нужны и не должны приниматься // А нужно принимать только препараты а-а гормоны / то есть это левотироксин или эутирокса // В дозировке / которую по-по-подбирает вам эндокринолог / в зависимости от уровня а-а ваших гормонов // То есть какие у вас анализы / а-а такую дозировку и эутирокса или левотироксина назначает эндокринолог // Препараты йода а-а принимать не нужно / а-а поэтому м-м если вы до сих пор продолжаете прием этих препаратов / то стоит а их убрать из своего приема.*

Что делает консультацию более короткой? Во-первых, в записанных нами экспресс-консультациях врачи задавали только несколько (1–5) уточняющих вопросов, быстро переходя к рекомендации. Самое большое количество заданных пациенту вопросов – 10 (на стандартной консультации – 21), но, задавая их, врач нарушил сценарную цепочку, вернувшись от

рекомендации к сбору анамнеза. Во-вторых, большей компактностью отличается речь пациентов. Сравним две жалобы. Первая: *Подскажите пожалуйста / у меня уже довольно долго мучает хронический насморк / но-о он проявляется только по утрам // После того как я проснусь / примерно там 30–40 минут / да / вот // Начал что-то переживать // Мне просто друзья посоветовали / что вот воспользуйся таким приложением // Возможно / проконсультируете / мне подскажите / может какая-то дополнительная информация нужна. И вторая: Хотела проконсультироваться // А-а стали появляться пигментные пятна на лице / причем не летом / а вот где-то еще в феврале // Как-то не могу понять / с чем это может быть связано // И как-то они так бессистемно появляются. Или ответы пациентов: Нет / такого нет // Хотя на шее есть момент / делаю упражнение на йоге / там высоко задираю очень голову / ну и немножко шея начинает то ли мышечная боль / то ли что-то такое и М-м-м да по-разному было на самом деле и под прямыми находилась. В первых примерах в каждой паре пациенты дают более развернутые ответы, из которых врач может получить больше информации и яснее понять проблему. Пациенты могут делиться не только важной с медицинской точки зрения информацией, но и, казалось бы, лишними деталями (в приведенном примере: *Мне просто друзья посоветовали / что вот воспользуйся таким приложением*). Сообщая такую информацию, пациент стремится установить контакт с незнакомым ему лицом, специалист должен уметь слушать, принимать и даже реагировать на нее, ведь этот контакт поможет врачу и при сборе анамнеза, и в достижении комплаенса.*

Проследим, как языковые выражения каждого звена речежанрового сценария соотносятся с коммуникативными целями. Проанализируем один из записанных нами аудиозвонков, который является примером неудачи консультирующего специалиста.

П. Здравствуйте.

В. М-м Здравствуйте, Дарья // Чем могу вам помочь?

П. А-а смотрите / я приехала в другой регион в отпуск и у меня очень сильно начала шелушиться кожа на лице и там где шелушение / там покраснение // Вот // Именно на лице только // С чем это может быть связано? Почему так происходит?

В. На солнце находились?

П. Да / на солнце много находилась // На речке купалась.

В. Ну это может быть э-м-м следствием того / что долго на солнце э-э находились? Или вы эти места как бы под прямыми солнечными лучами не находились?

П. М-м-м да по-разному было на самом деле / и под прямыми находилась.

В. Фотографии можете этого места отправить?

П. Нет-нет // (ПАУЗА) Извините.

ПАУЗА.

В. Мне сложно как-то что-то вам порекомендовать / если я не вижу.

П. Ага // Ага.

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

П. Ладно // Хорошо // Спасибо большое // Я поняла вас.

В. Всего доброго // Не болейте.

П. Спасибо большое // До свидания.

Приведенная онлайн-консультация является неполной, она не включает в себя такие части, как ответ на вопрос пациента, объяснение и совет, т. е. лишена обязательных для речи врача речевых ходов, составляющих центр всей коммуникации. Исключая ядерные жанры медицинской консультации, врач разрушает интуитивно ощущаемый каждым коммуникантом порядок. Отсюда и неловкость, выраженная в больших паузах диалога. Смена речевых субъектов неестественна для данной коммуникативной ситуации, нарушен жанровый сценарий. Следствие этого – коммуникативная и профессиональная неудача врача. Речевая компетенция должна помогать специалисту так словесно оформить консультацию, чтобы даже в случае, если врач не может точно установить проблему, пациент остался доволен своим обращением к нему.

Что было бы эффективнее сказать в такой непростой для специалиста ситуации, когда из видов обследования доступно только субъективное, т. е. опрос больного? Во-первых, врачу не следовало игнорировать вопросы пациента: *С чем это может быть связано? Почему так происходит?* В данном случае специалист мог выдвинуть предположения: *Может быть, вы обветрили кожу или получили солнечный ожог. Также такие симптомы похожи на аллергическую реакцию.*

Во-вторых, каждое возможное объяснение проблемы следовало разъяснить пациенту и задать конкретные вопросы. Например: *Аллергическая реакция может быть как на продукты или лекарства, так и на косметику, кремы, воду и так далее. Вспомните свой аллергический анамнез. Может быть, вы употребляли в пищу что-то новое? Новые фрукты, которые раньше не пробовали? Или принимали какие-нибудь новые лекарства? Или это может быть реакция кожи на смену воды?*

И заключить эти рассуждения советом: *Можно пользоваться увлажняющими кремами. Если проблема усугубляется, следует обратиться к дерматологу.* Восполнение жанрового сценария помогло бы специалисту сделать консультацию гораздо эффективнее и комфортнее для пациента, избежать дисгармонии в общении.

Обратимся к каждому звену речевых сценария в отдельности. Первый контакто-устанавливающий этап анализируемых консультаций реализуется в приветствии. Форма: *Здравствуйте / Дарья // Чем могу вам помочь?* – соответствует цели установить контакт, врач называет пациента по имени, которое ему известно из анкеты каждого клиента в сервисе, что позволяет сократить дистанцию между незнакомыми людьми. Но врач не представляет себя, не называет ни имя, ни должность. Нам кажется, что даже такая элементарная самопрезентация может служить способом поддержания формального статуса общения и формирования имиджа медицинского работника. Другая форма выражения приветствия: *Здравствуйте! Терапевт Светлана Александровна* – наоборот, лишена обращения к пациенту. А инициальная реплика: *Да / здравствуйте!* – отвечает только потребности начать общение.

Инициальный общий вопрос врача является открытым и чаще всего выражается в формуле: *Чем могу вам помочь?* Или: *Что вас беспокоит?* Такое традиционное начало консультации обеспечивает смену коммуникативных ролей, врач дает возможность пациенту рассказать о волнующей проблеме, и эта формула, хотя и клишированная, помогает создать комфортную ситуацию для ответа. В отличие от фразы: *Какой у вас вопрос?*, которая не располагает к доверительному общению, предполагает, что в следующей реплике будет

только вопрос, а не развернутая жалоба. Если в очной консультации у врача есть большой арсенал внеречевых средств, чтобы сгладить резкость вопроса и расположить пациента к объемному ответу (поза, взгляд, кивок, мимика и жесты), то в заочной консультации следует осторожнее относиться к выбору речевых средств.

Во время экспресс-консультации врачи задают очень мало уточняющих вопросов или вовсе пропускают это сценарное звено. В то же время, по наблюдениям М. И. Барсуковой и Т. В. Кочетковой, три четверти всего времени очного приема расходуется врачом именно на реализацию диагностирующей стратегии [19, с. 159]. В записанных консультациях диагностирующая стратегия осуществляется преимущественно с помощью закрытых вопросов, которые позволяют специалисту собрать минимальный анамнез, достаточный для ответа на информационный запрос пациента. Это закрытые вопросы, предполагающие очень короткий ответ пациента: *После операции сколько времени прошло? Температура какая? Закрытые «да/нет вопросы»: Тяжести после еды в правом / левом боку? Боли в горле есть? Альтернативные вопросы: А какие-то боли / либо изменения / отечность данного сустава у вас имеется?; А-а смотрите вам доктор сказал / что нельзя а-а отдельно принимать валерьянку или а-а нельзя принимать с теми препаратами / которые вы принимаете другие успокаивающие?* Некоторые из уточняющих вопросов отвечают коммуникативной цели поддержать пациента, направляют его, помогают рассказать все, что тот планировал: *Сейчас какие жалобы беспокоят кроме того / что лимфоузлы увеличены? А так никаких жалоб / болей? А каких-то жалоб нет вообще? Только пятнышки вот беспокоят?* Подобные вопросы также обобщают уже полученную информацию и таким образом могут продемонстрировать внимание, интерес и эмпатию.

В силу того, что специалисту не хватает привычных диагностических методов, на заочных консультациях жанр постановки диагноза сильно редуцирован. На онлайн-консультациях специалист не должен ставить окончательный диагноз, часто врач озвучивает несколько предполагаемых проблем. В экспресс-консультациях постановка диагноза отсутствует. При этом возможно объяснение проблемы, если она несерьезная с медицинской точки зрения и не требует дополнительной диагностики. Мы уже приводили пример, когда врач отказывается от объяснения проблемы: *Мне сложно как-то что-то вам порекомендовать / если я не вижу.* Но и в том случае, когда врач дает объяснение, его речь очень аккуратна, некатегорична: *Если дополнительных никаких симптомов нет / то есть нет боли / нет отечности // то скорее всего / это просто физиологический вариант вашей нормы.* В этом примере выражение субъективной модальности (*скорее всего*) включает в себе высокую оценку вероятности, не исключая при этом возможность справедливости другой причины симптомов пациента. Так врач дает пациенту необходимую информацию в понятной для неспециалиста форме, однако не оказывает в полной мере информационную поддержку, опуская в своем объяснении варианты, возможные в меньшей степени. Пациент, обратившийся к врачу с симптомами, которые причиняют ему дискомфорт, хочет получить решение своей проблемы, ему недостаточно услышать, что это может быть нормальным состоянием, с которым ничего нельзя сделать.

Формулируя ответ на поставленный пациентом вопрос, специалист должен стремиться к ясности речи, добиваться не только информирования, но и суггестивного воздействия,

чтобы ответ на волнующий вопрос имел успокаивающий эффект. Разберем удачный, на наш взгляд, пример. Пациент, принимавший валериану, переживает по причине того, что его лечащий врач запретил ему пить этот препарат, и спрашивает специалиста сервиса, почему же ему нельзя принимать валериану. Консультирующий специалист начинает ответ с тезиса: *Смотрите а-а растительные препараты / валериана / пустырник / а-а на самом деле / как правило никаких противопоказаний не имеют.* Затем этот тезис объясняется более подробно: *А-а только определенные например индивидуальная непереносимость а-а этих препаратов // И бывает эти препараты несовместимы а-а с какими-то другими м-м препаратами.* Дополняется примерами: *Успокоительными например // А-а которые именно такого лекарственного эффекта / не растительные / а-а и-и фармкомпания разработаны.* И, завершая ответ, врач адаптирует заявленный в начале тезис под конкретный запрос пациента: *А-а если вы не принимаете другие успокаивающие препараты и у вас нет аллергической реакции на валериану / то в целом э-м а заболевание щитовидной железы не является противопоказанием к приему валерианы и пустырника.* Специалист, оказывая информационную поддержку, выбирает общеупотребительную лексику (*успокоительные препараты вместо седативных, аллергическая реакция вместо гиперчувствительности замедленного и немедленного типов, лекарственный эффект вместо фармакологического*), но заменяет разговорное *валерьянка*, которое использует пациент, на *валериана*; избегает сложных конструкций; дает однозначный ответ.

Рассмотрим следующий пример. Пациент сообщает, что один врач посоветовал принимать препараты йода, а другой категорически их запрещает. Какой вопрос может задать пациент? Кажется, что он хочет спросить, почему возможны такие разные назначения. Но пациент спрашивает: *Как быть мне? // Как быть?* В таком вопросе нет запроса на информацию, но запрашивается совет. Пациенту не так важно знать причину расхождения в рекомендациях, но нужно понимать, что ему делать, какие лекарства принимать. Поэтому врач не стремится объяснить фармакологические свойства препаратов, а дает совет: *Смотрите // А-а я согласна с тем доктором / который э-м-м последний раз вас консультировал и сказал / что препараты йода при а-а вашем заболевании не нужны и не должны приниматься // А нужно принимать только препараты а-а гормоны / то есть это левотироксин или эутирокс // В дозировке / которую по-по-подбирает вам эндокринолог / в зависимости от уровня а-а ваших гормонов // То есть какие у вас анализы / а-а такую дозировку и эутирокса или левотироксина назначает эндокринолог // Препараты йода а-а принимать не нужно / а-а поэтому м-м если вы до сих пор продолжаете прием этих препаратов / то стоит а их убрать из своего приема.*

На протяжении всей консультации врач не должен забывать о переживаниях клиента и должен уметь с ними работать. Ни объяснение проблемы, ни ответ на вопрос пациента, ни совет не должны звучать пугающе. Рассмотрим сначала удачный пример речевого поведения врача. Формулируя рекомендацию, специалист должен сообщить, что пациенту необходимо сделать анализы, чтобы исключить онкологическое заболевание: *Ну сначала это должен а-а осмотреть да? кожу дерматолог и сказать / что это доброкачественное все и можно пользоваться косметическими такими услугами <...> дерматолог посмотрит дерматоскоп и скажет / что пятнышки доброкачественные.* Модальность долженствования

исключает возможность негативного развития этой ситуации. Пациенту необходимо сдать такой анализ, но врач старается исключить лишние переживания пациента по этому поводу. Речь этого консультирующего специалиста в целом отличается большой мягкостью, это достигается за счет использования диминутивов (*процессики, бипантенчиком, ножичком, моментики, вопросики; легонько, аккуратненько, подробненько; немножечко; чистенькая*) и слов с позитивным значением или положительной коннотацией (*замечательно, хорошо, спокойно, чистая*), частом употреблении междометия *да* с вопросительной интонацией, которое выступает в функции частицы-обращения, такой вопрос не предполагает ответ пациента, а только включает его в коммуникативное событие (*Проверить работу внутренних органов / печени да? Нет ли какой-то интоксикации да? Сдать нужно / общеклинический посмотреть / нет ли состояния анемии да?*).

На другой консультации пациент получил неутешающий совет: *Ну / честно / впервые вообще слышу / то есть нужно смотреть заключение // <...> А-а-а обычно что делают // Чтобы понять каким препаратом человека лечить / когда в биопсии обнаружилось подобное / а-а производят посев / то есть выращивают эти грибы / определяют к какому препарату они чувствительны // Вот это будет более э-э точная рекомендация по лечению <...> То есть вам по сути найти этот результат биопсии и посмотреть вот чисто что там написано // Если это черная плесень / вопросов на самом деле много // Черная плесень впервые. Врач несколько раз повторяет, что впервые слышит о таком результате биопсии шейных лимфоузлов, это только усиливает напряжение пациента.*

Последним в сценарной цепочке является жанр прощания. Врач может использовать этот речевой акт как инструмент суггестивного воздействия. Для этого будет недостаточно нейтральной формулы *До свидания*, более удачными с точки зрения соответствия коммуникативным целям были следующие записанные нами завершающие фразы: *Тогда рада была вам помочь // Всего доброго / До свидания; Всего вам доброго // Не болейте // Минут через десять я напишу а-а свою рекомендацию и отправлю вам // До свидания; Хорошо // Спасибо вам за обращение и за а-а ожидание // Всего доброго // До свидания.*

Онлайн-формат общения требует словесного выражения всех моментов, в том числе и пресуппозитивных. Если на очной консультации врач выражает свое внимание, понимание, одобрение через позу, кивок, мимику, то в заочной консультации для этого требуются дополнительные речевые усилия. Поэтому речь специалистов в записанных аудиозвонках изобилует междометиями *да, угу, ага, так*; частотное употребление наречия *хорошо*. Избегая пауз, неловкой тишины в телефонном разговоре в момент формулирования высказывания, консультирующие специалисты заполняют это время растянутым *а-а*.

Заключение. Таким образом, для заочной медицинской экспресс-консультации как комплексного диалогического речевого жанра характерен синтез информативных, императивных, этикетных и оценочных жанров. Каждый речевой ход врача обусловлен коммуникативными целями, в зависимости от успеха их достижения речевое поведение специалиста можно оценивать как удачное или неудачное. Последовательность таких ходов составляет сценарную цепочку, которая организует все общение. Речевые роли коммуникантов регламентированы представлениями о стереотипическом речевом поведении «агента» и «клиента» института в медицинском дискурсе, а диктумное содержание обусловлено конкретной

жалобой пациента. Заочная экспресс-консультация отличается большей лаконичностью речи пациента, меньшим количеством уточняющих вопросов врача, отсутствием жанра постановки диагноза.

Общение с врачом является эмоционально насыщенным для пациента, речевое поведение специалиста может усугубить эмоциональное состояние больного или, наоборот, облегчить его. Овладевая жанровой компетенцией как частью коммуникативной компетенции, врач не просто повышает уровень своей речевой культуры, но формирует важный профессиональный навык, крайне необходимый для оказания медицинской помощи, особенно при заочном общении с пациентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи*. 1999. № 2. С. 26–31.
2. Алефиренко Н. Ф. Речевой жанр, дискурс, культура // *Жанры речи*. 2007. № 5. С. 44–55.
3. Седов К. Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова*. М.: Лабиринт, 2007. С. 124–136.
4. Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2004.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
7. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ: Перемена, 1992.
8. Swales J. M. *Genre Analysis: English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
9. Бейлинсон Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса: На материале логопедических рекомендаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ВГПУ. Волгоград, 2001.
10. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГУ. Саратов, 2007.
11. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: дис. ... д-ра филол. наук / ВГПУ. Волгоград, 2008.
12. Пономаренко Е. А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей) // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 117–121.
13. Пономаренко Е. А., Чуреева О. А. Речевые жанры обвинения и упрека в речевом поведении врача // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 21–27. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-21-27.
14. Седов К. Ф. Речезанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // *Жанры речи*. 2011. № 7. С. 25–46.
15. Бахтин М. М. *Собр. соч.: в 7 т. Т. 5*. М.: Русские словари, 1997.
16. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 88–98.
17. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
18. Кисельникова А. А. Речевое поведение врача в режиме телемедицины // *Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротиной*. Саратов: Наука, 2021. С. 103–112.
19. Барсукова М. И., Кочеткова Т. В. Слово в работе врача (Культура речи врача) // *Чтобы вас понимали: культура русской речи и речевая культура человека*. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 155–165.

Информация об авторе.

Кисельникова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, ул. Литовская, д. 2, Санкт-Петербург, 194100, Россия; соискатель ученой степени кандидата филологических наук Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: речевые жанры медицинского дискурса, коммуникация между врачом и пациентом.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Sirotinina, O.B. (1999), "Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre"", *Speech Genres*, no. 2, pp. 26–31.
2. Alefirenko, N.F. (2007), "Speech genre, discourse and culture", *Speech Genres*, no. 5, pp. 44–55.
3. Sedov, K.F. (2007), "Psycholinguistic aspect of the study of speech genres", *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: everyday communication], in Sedov, K.F. (ed.), Labirint, Moscow, RUS, pp. 124–136.
4. Filips, L.Dzh. and Iorgensen, M.V. (2004), *Discourse Analysis as Theory and Method*, Transl. by Kiseleva, A.A., Izd-vo "Gumanitarnyi Tsentr", Khar'kov, UKR.
5. Dijk, van T.A. (2000), *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication], Transl., BGK im. I.A. Boduehna de Kurteneh, Blagoveshchensk, RUS.
6. Dement'ev, V.V. (2010), *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres], Znak, Moscow, RUS.
7. Karasik, V.I. (1992), *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status], IYAZ, Peremena, Moscow, RUS.
8. Swales, J.M. (1990), *Genre Analysis: English in academic and research settings*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, UK.
9. Beilinson, L.S. (2001), "Characteristics of medical and biological discourse (on the material of logopedic recommendations)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VSPU, Volgograd, RUS.
10. Barsukova, M.I. (2007), "Meditsinskii diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Saratov, RUS.
11. Zhura, V.V. (2008), "Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii", Dr. Sci. (Philology) Thesis, VSPU, Volgograd, RUS.
12. Ponomarenko, E.A. (2015), "The classification of speech genres used in the sphere of institutional (medical) discourse (based on works by Russian writers-doctors)", *Speech Genres*, no. 1 (11), pp. 117–121.
13. Ponomarenko, E.A. and Chureeva, O.A. (2022), "Speech genres of accusation and reproach in the doctor's speech behavior", *Speech Genres*, vol. 17, no. 1 (33), pp. 21–27. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-21-27.
14. Sedov, K.F. (2011), "Speech genre identity as a component of the communicative competence of the individual", *Speech Genres*, no. 7, pp. 25–46.
15. Bakhtin, M.M. (1997), *Sobranie sochinenii* [Complete Works], in 7 vol., vol. 5, Russkie slovari, Moscow, RUS.
16. Shmeleva, T.V. (1997), "Model of speech genre", *Speech Genres*, no. 1, pp. 88–98.
17. Fedosyuk, M.Yu. (1997), "Unresolved issues in the theory of speech genres", *Voprosy yazykoznanija*, no. 5, pp. 102–120.
18. Kisel'nikova, A.A. (2021), "Speech behavior of a doctor in telemedicine mode", *Effektivnost' kommunikatsii: vliyanie sfer obshcheniya na faktory ee dostizheniya* [Communication effectiveness: the

influence of communication spheres on the factors of its achievement], in Sirotinina, O.B. (ed.), Nauka, Saratov, RUS, pp. 103–112.

19. Barsukova, M.I. and Kochetkova, T.V. (2017), "The word in the work of a doctor (Culture of doctor's speech)", *Chtoby Vas ponimali: Kul'tura russkoi rechi i rechevaya kul'tura cheloveka* [To be understood: The culture of Russian speech and human speech culture], LENAND, Moscow, RUS, pp. 155–165.

Information about the author.

Anna A. Kiselnikova – Senior Lecturer at the Department of the Russian Language, St. Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya str., St. Petersburg 194100, Russia; applicant for the degree of Can. Sci. (Philology), Saratov State University. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: speech genres of medical discourse, communication between doctor and patient.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.02.2024.*

Original paper
УДК 81'42:61
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-151-162>

Medical Research Genres in the English Academic Discourse

Elena V. Vakhterova¹, Anna O. Stebletsova²

¹*Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic*

²*N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia*

¹*elena91vahterova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8407-5808>*

²*annastabl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>*

Introduction. The research article in English has recently been under scrutiny by theoretical and applied linguists. The understanding of research article is heterogeneous: it can be defined as a scientific manuscript, an independent text type or a separate genre. In Russian academic discourse the concept of the research article usually implies a scientific publication with the definite word count which is less than a monograph. However, this broad definition comprises a variety of heterogeneous genres. The English academic discourse, on the contrary, specifies research genres manifested in Research, Review, Editorial, Commentary, Clinical Case Report and other text names. Additionally, these research genres can vary according to the scientific discipline. The objective of this paper is to identify and classify academic research genres in medical discourse.

Methodology and sources. The research corpus was collected from the original high-impact open-access medical journals, i.e., Lancet, New England Journal of Medicine, British Medical Journal, Clinical Infectious Diseases, Journal of Clinical Investigation, Brain, Pediatrics, Diabetes, Heart, Journal of Neuroscience. The research procedure involved contextual, semantic and comparative analysis of the journal requirements on the article type and content presented in typical sections About the Journal, Authors Guidelines and Table of Contents.

Results and discussion. The analysis has led to the development of differential parameters for further research genres classification. The findings have shown that a variety of research papers under different names can be classified as a system of research genres in the academic discourse represented by medical research publications. We have also found distinct correlations between medical journal requirements and linguistic characteristics of medical research genres.

Conclusion. The academic medical discourse functions in a wide spectrum of article types, which can be classified as medical research genres according to discourse parameters.

Keywords: academic discourse, medical research genres, classification parameters, article types, Research, Review, Case Report

For citation: Vakhterova, E.V. and Stebletsova, A.O. (2024), "Medical Research Genres in the English Academic Discourse", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 151–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-163-174.

© Vakhterova E. V., Stebletsova, A. O., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Жанровые разновидности научной статьи в англоязычном медицинском дискурсе

Елена Вячеславовна Вахтерова¹, Анна Олеговна Стеблецова²✉

¹Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Тирасполь, Приднестровская Молдавская республика

²Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Воронеж, Россия

¹elena91vahterova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8407-5808>

²✉annasteb1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Введение. Научная статья на английском языке находится в фокусе внимания современной лингвистики, теории жанров и дискурса. Само понимание научной статьи неоднозначно: ее можно рассматривать как публикационный формат, как тип текста, как текстовый инвариант, как отдельный жанр научного дискурса. В российском научном дискурсе понятие «научная статья», как правило, маркирует научную публикацию определенного объема, отличную от монографии, объединяя, однако, достаточно разнородные виды текстов. В англоязычном академическом дискурсе самостоятельные виды научной статьи отражены в названиях, например, Research, Review, Editorial, Commentary, Report, Clinical Case Report. Цель нашей работы – выявление и систематизация видов научной статьи в англоязычном медицинском дискурсе.

Методология и источники. Материалом исследования стали современные медицинские журналы: Lancet, New England Journal of Medicine, British Medical Journal, Clinical Infectious Diseases, Journal of Clinical Investigation, Brain, Pediatrics, Diabetes, Heart, Journal of Neuroscience, отобранные на основе их высокого импакт-фактора и открытого доступа к публикациям. Процедура исследования предусматривала контекстуальный, семантический и сопоставительный анализ требований к научным статьям, содержащихся в постоянных рубриках – About the Journal, Authors Guidelines и Table of Contents.

Результаты и обсуждение. На основе полученных данных были определены функциональные параметры классификации научных медицинских статей. Результаты исследования выразились в выявлении и систематизации различных видов научной медицинской статьи, соотнесении разных вариантов названий с определенным видом, что позволило упорядочить их разнообразие, а также установить корреляции между требованиями журналов и жанровыми характеристиками научных медицинских статей.

Заключение. Академический медицинский дискурс функционирует как широкий спектр научных текстов, которые являются самостоятельными научными жанрами медицинского исследования.

Ключевые слова: академический дискурс, научные медицинские жанры, параметры классификации, виды научных статей, исследовательская статья, обзорная статья, клинический отчет

Для цитирования: Вахтерова Е. В., Стеблецова А. О. Жанровые разновидности научной статьи в англоязычном медицинском дискурсе // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 151–162. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-151-162.

Introduction. The current academic publication turnover draws heavily on the research article which is highly efficient in transmitting and disseminating new knowledge around the

expert audience in short time. This is particularly relevant for medical discourse regarding the high frequency of medical data update. Naturally, the research article as an academic genre has been the focus of linguistic scrutiny. Since J. Swales' CARS model [1], numerous studies have analyzed the cognitive and semantic means of new knowledge introduction and argumentation [2–4] as well as the researchers' involvement demonstrated by their stance, hedges or boosters in the research discourse [5, 6]. K. Hyland et al. has discussed particular discipline-related markers revealing the correlation the chose of vocabulary and the “hard” or “soft” science the research article represents [7, 8]. Numerous comparative studies on ethnocultural implications of the research papers' language [9–11] have marked an applied linguistic trend to elimination of cognitive barriers for nonnative research writers participating in the academic communication.

Thorough as it has been, the linguistic examination of the research text in current Russian studies has rarely addressed specific varieties or subgenres of research papers. Analyzing academic discourse features in scientific publications on philological or economic issues [12–14] the researchers might attribute their research corpus to a research article without specifying its particular type, i.e., research, review, debate etc. While for humanities this specification may not be relevant, it is crucial for medical research papers as the genre type directly correlates with the content and structure of the article, the authors' presentation and argumentation of the message as well as the word choice and other language means [15, 16]. Even a brief overview of the recent studies of the research article shows that quite a few of them focus on the research genre identification and analysis [17, 18] along with a limited number of studies devoted to specific genres of scientific medical discourse [19–23].

The issues of disciplinary specificity of a medical research paper are addressed in a number of international studies [24–28]. However, they also do not fully clarify the principles for distinguishing certain types of research papers, the differential parameters that make it possible to distinguish, for example, a Research Article from a Review Article or a Case Report from a Report. Additionally, the current medical publication practice is characterized by a variety of genre names which might relate to the same research genre. This creates additional obstacles for a non-native speaking author who would probably need to have linguistic competence to attribute their paper to appropriate genre or differentiate between different names yet relating to the same genre.

Therefore, a large proportion of medical publications in English compared to the global academic turnover and a growing number of non-native writers publishing in English determine the need to examine the medical research paper in English from the genre perspective. We hypothesize that preconception about the research article as a homogeneous genre many non-native academic writers of English have needs updating with regard to current academic publication practice. Although the research article as a separate academic genre can be contrasted to monograph or essay, in medical research discourse it functions as a variety of types demonstrating distinctive features of content, structure and language origin. The awareness of the medical research genres' variety can enhance the access to the global discourse of medical publications in English for non-native academic writers. In this view research journals can be representative and reliable resource for functional criteria search along with linguistic methods of genres interpretation and analysis. Thus, the objective of this study is to provide functional criteria for the present medical research genre classification, to identify and analyze particular research genres in medical discourse.

Methodology and sources. Functional criteria development requires representative material sources which obviously include leading research journals in medical, biological or health sciences. Our corpus included ten international medical journals: Lancet [29], New England Journal of Medicine [30], British Medical Journal [31], Clinical Infectious Diseases [32], Journal of Clinical Investigation [33], Brain [34], Pediatrics [35], Diabetes [36], Heart [37], Journal of Neuroscience [38]. The journals were selected by the high impact factor as an objective marker of the journal authority, open access and peer-revision, and genre diversity of the journal contents. In case the journal name covers a collection of journals (e.g., The Lancet Group or BMJ), the inclusion parameters were measured by the brand title of the group. The table below shows the journals inclusion characteristics (see Table 1).

Table 1. Medical Journals' Inclusion Parameters

The Journal Title	Impact Factor	Open Access and Peer-Revision (+/-)	Article Types by Contents (n)
Lancet	202.7	++	10
New England Journal of Medicine	176.07	++	9
British Medical Journal	96.2	++	12
Clinical Infectious Diseases	20.9	++	10
Journal of Clinical Investigation	19.4	++	4
Brain	15.2	++	9
Pediatrics	9.7	++	15
Diabetes	9.3	++	5
Heart	7.3	++	5
Journal of Neuroscience	6.7	++	4

By the context analysis of the journal's websites, we have identified three sections i.e. About the Journal, Authors Guidelines and Table of Contents, concerning research article types and giving their names and description for the authors. We used quantitative and qualitative techniques to establish the correlation between article type titles and their description presented in each journal.

We have also applied classification parameters, i.e., communicative purpose, topic, structure, author, audience, universally used for text description [39–41]. In addition to these, we have introduced two parameters which would be specific for the research article to provide genre differentiation. One of them concerns the completeness of research representation in the paper. Any research paper by nature is a verbal representation of the research, the stages (from hypothesis to conclusion) of which can be either manifested in full or partially (some are missing as the research is not completed yet). Some research papers may only contain reference to the original research as they are to debate its strength and limitations. Apparently, the completeness of research representation in the text type has proven a distinguishing feature which we used for medical research genre classification. The other characteristic specifies the research paper composition: whether its format is rigid, i.e., standard that cannot be changed by the author or flexible it can be subject to the authors' variations. As we will show further on, this feature can also be in-genre differentiating, so it was included in the methodology of the study. All in all, the full list of genre classification parameters included topic-content, communicative purpose, author, audience, research representation, composition format and volume (word count).

Results and discussion. The overview of international medical journals included in this study has demonstrated that their requirements for research papers almost fully correlate with the

classification parameters we applied for this research. The journals usually specify what topic-content is expected from the author; they either describe or illustrate by templates what paper format is to be followed; the requirements concerning citation standards, language standards, ethical principles, etc. are always present in any biomedical journal. The authors seem to be expected not only scientifically original, but also linguistically competent.

Our analysis of requirements concerning the research article type was focused on three sections – About the Journal, Authors Guidelines and Table of Contents of each journal. We searched the sections for general description of journal publications, article type name, article type description, the number of headings in the table of contents. We have also established whether the headings in the table of contents have the name as the article type. The study has shown that the content of these sections varies significantly, e.g., the article type has a thorough or a brief description, the article type description can be found in different sections depending on the journal, the same article type can have different names depending on the journal. The findings below (see Table 2) demonstrate certain associations between the journal sections and the article type characteristics mentioned above.

Table 2. The Journal Genre Requirements: Distribution Across Sections

The Journal Title	About the Journal	Author’s Guidelines	Table of Contents
British Medical Journal (BMJ)	general description of all publications	12 article type names; brief description of each	12–18 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Brain	general description of all publications	9 article type names; brief description of each	8–10 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Clinical Infections Diseases	general description of all publications; article type names	10 article type names; brief description of each	8–9 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Heart	general description of all publications; article type names	5 article type names; brief description of each	10–11 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Lancet	general description of all publications; article type names	10 article type names; detailed description of each	10 headings; <i>all</i> headings’ names coincide with the article type name
New England Journal of Medicine (NEJM)	general description of all publications	9 article type names; brief description of each	8–10 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Journal of Clinical Investigation	general description of all publications	4 article type names; brief description of each	4–7 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Diabetes	general description of all publications	5 article type names; brief description of each	10–12 headings; <i>not all</i> headings’ names coincide with the article type name
Journal of Neuroscience	general description of all publications	4 article type names; brief description of each	3–4 headings; <i>all</i> headings’ names coincide with the article type name
Pediatrics	general description of all publications; article type names	15 article type names; brief description of each	13–14 headings; <i>all</i> headings’ names coincide with the article type name

Our findings demonstrate that About the Journal section in all the journals contains the general description of all publications with only four journals, i.e., Clinical Infectious Diseases, Heart, Lancet, Pediatrics, including article type names in this section. The Author’s Guidelines has proven the key section to contain research genre instructions specifying the article type name and providing its brief description.

Our data show the quantitative variation in the article type numbers: Pediatrics, BMJ, Lancet have 15, 12, 10 article types respectively which are the highest numbers compared to 5 article types in Heart and Diabetes and 4 article types in Journal of Clinical Investigation and Journal of Neuroscience. The most plausible explanation of this variation comes from the journals scope: while Pediatrics, BMJ, Lancet are multidisciplinary journals with a wide range of medical branches and research designs, Journal of Clinical Investigation and Journal of Neuroscience are focused on particular medical branches or specialties, which types of research can be represented by 4–5 article types.

As for the correlation between the headings in the Table of Contents and the article type names, we have revealed that only Lancet, Pediatrics, and Journal of Neuroscience are completely consistent in this aspect, e.g., Editorial, Articles, Clinical pictures are the heading in the Table of Contents and the article type name in Lancet. However, most journals have a wide range of headings in table of contents than the article types they expect from the authors. E.g., the BMJ Table of Contents has section under the headings Editor's Choice which publishes commissioned essays, features or interview-based publications which are not medical research but discuss current issues related to health and social care.

The findings of the headings and papers have revealed a wide range of article types which need regulation and classification as many of them though having different names belong to the same research article genre. We have analyzed and compared their basic parameters, i.e. topic-content, communicative purpose, author, audience, research representation, composition format and volume (word count). Table 3 provides the fragment of the descriptive procedure illustrated by a few common types of medical research articles.

Table 3. Parametric Description of the Research Article Type

Parameter	Research Article Types		
	Systematic Review	Original Article	Case Report
Topic-content	an overview of previous research in a particular area of current interest. A thorough meta-analysis of fundamental or clinical concepts	an investigation of an original medical problem according to conventional research designs (clinical trials, observational studies, modelling studies etc.)	an original clinical case, clinical signs, diagnosis or treatment which might lead to a further full-scale study
Communicative purpose	to update the knowledge in a particular medical field or branch; to contribute to evidence – based medicine	to inform medical community about the results of the evidence-based study which might lead to update of clinical guidelines and protocols of treatment	to inform medical community about remarkable clinical cases; to update empirical data in a disease clinical manifestation, treatment or diagnostics
Author	medical or biological scholar/ researcher/a team of researchers	medical or biological scholar/ researcher/a team of researchers	medical doctor/clinician/ researcher/a team of medical doctors/clinicians/researchers
Audience	academic community of medical scholars/researchers/ experts	academic community of medical scholars/researchers/ experts	medical doctors/clinicians/ researchers/academic community
Research presentation	complete (all research stages are manifested)	complete (all research stages are manifested)	incomplete (introduction into research, research question and empirical data are manifested)

End of table 3

Parameter	Research Article Types		
	Systematic Review	Original Article	Case Report
Composition format	Flexible (the author is entitled to variations within IMRaD, including paragraphs, descriptive subheadings)	Rigid (IMRaD) Introduction Methods Results Discussion Conclusion	Rigid (BCpDC) Background Case Presentation Discussion Conclusion
Volume (word count)	2 500–9000 words	4000–9000 words	1500–2500 words

After all other article types underwent the same procedure. They were classified as medical research genres – an umbrella term for the group comprising article types – research articles variants sharing the same characteristics though having different names. The overall classification of medical research genres associated with their functional article types is displayed in the table below (see Table 4). Each genre is accompanied with a brief description.

Table 4. Medical Research Genres: Article Types and Genres Description

Medical Research Genres: Article Types	Brief Description
Research: Research Article, Research, Original Article, Major Article, Original Research, Regular Article, Article, Research Paper	The Research explores an original medical problem related new knowledge discovery and addressed to medical scholars and researchers. The results of the research might lead to update of clinical guidelines and protocols of treatment. The research is completely manifested in the papers, the composition format is rigid. The text ranges from 4000 to 9000 words
Review: Review Article, Living Systematic Review, Clinical Practice Review, Methodological Review, Systematic Review, State-of-the-Art Review	The Review is a meta-analysis on a current clinical or fundamental problem based on the previous studies aimed at knowledge update. It has a flexible composition and complete manifestation of the research procedure. The authors are academic experts on the topic who are usually commissioned by the journal to perform the study. The text volume ranges from 2500–9000 words
Report: Report, Brief Report, Short report, Research Briefs	The Report is a brief description of a high-quality research aimed at informing medical community about its preliminary results. It can have either rigid or composition and partial manifestation of the research procedure often limited to the reference. The author and audience are medical researchers and clinicians, and experts on a medical problem. The text volume ranges from 700 to 2500 words
Case Report: Case Report, Clinical Case, Clinical Problem Solving, Clinical Picture, Endgames, Case Review Articles, Endgames Spot Diagnosis Articles, Minerva Pictures Articles	The content of the Case Report covers an original clinical case, its clinical signs, diagnosis or treatment. The genre is both to inform healthcare community on the original case and to offer clinical recommendations on how to deal with such cases. Presented in the rigid format, the Case Report has partial manifestation of the research procedure. The average volume of the text ranges between 1500 and 2500 words
Analysis: Analysis, Perspective, Viewpoint	The Analysis is to inform the medical community about debatable political social or ethical aspects of an urgent medical issue, which may be presented from opposite viewpoints. It has a flexible composition and partial manifestation of the research in the text. The author is medical expert or healthcare executive, while the audience from medical to non-medical community. The volume is 1200–4000 words

End of table 4

Medical Research Genres: Article Types	Brief Description
Commentary: Commentary, Correspondence, Research Letter, Letter to the Editor, Rapid response, Personal View, Opinion	The Commentary is to polemically discuss the previously published research with a particular focus on the author’s opinion. Demonstrating the diversity of types with flexible composition, the Commentary also exists in the letter format. The research manifestation is a reference to the discussed study. The authors and audience can be academic researchers and practicing physicians. The average text volume is 750–1200 words
Editorial	Editorial is to inform the medical and non-medical community about the author/journal position on a burning medical or social problem. It is addressed to a wide medical and non-medical community and usually commissioned to medical or healthcare expert. The composition is flexible, the research manifestation is incomplete and usually limited to the reference to previous studies relevant to the discussed issue. The average volume of the text is 750–1500 words

This classification shows that the research article is one of the numerous research genres functioning in the medical segment of the global academic discourse. The research article can be manifested in various article types which, nevertheless, share basic genre and discourse characteristics. It is also evident that the term research article is not synonymic to review article, report, etc. although the latter are scientific genres based on research. They are separate genres which distinctive features were identified according to the classification parameters and summarized in Table 4. Thus, these data have confirmed the initial hypothesis suggesting that the research article as a universal term for a variety of research genres can be misleading and that it should be classified as a medical research genre along with review, report, case report, editorial, analysis, and commentary.

Conclusion. The overall results of the study can be summarized as follows. The global academic medical discourse now functions in a wide spectrum of article types. The diversity of article types, names and formats is mainly determined by international research journals which represent the current publication requirements. However, various article types can be classified and grouped as medical research genres according to discourse parameters of topic-content, communicative purpose, author, audience, research representation, composition format and volume (word count). Having applied these parameters to article types from ten medical research journals, this study has classified them into seven medical research genres, i.e., Research, Review, Report, Case Report, Analysis, Editorial, Commentary. Most genres are represented by article types which might have different names but share genre characteristics. This classification can be expanded by other article types which might be added to the research genres identified by this study or even form new genres. In any case, this seems a promising direction of the further research.

REFERENCES

1. Swales, J. (1990), *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
2. Bloor, M. (1998), "Variations in the Method Sections of Research Articles Across Disciplines: The Case of Fast and Slow Text", *Issues in EAP Writing, Research and Instruction*, The Univ. of Reading, Reading, UK, pp. 84–106.
3. Chernyavskaya, V.E. (2016), "Scientific result in research paper in linguistics", *Speech genres*, no. 1 (13), pp. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.

4. Flowerdew, J. (2013), "English for Research Publication Purposes", *The Handbook of English for Specific Purposes*, in Paltridge, B. and Starfield, S. (eds.), Wiley-Blackwell, Oxford, UK, pp. 301–322.
5. Hyland, K. (2004), "Disciplinary Interactions: Metadiscourse in L2 Postgraduate Writing", *J. of Second Language Writing*, vol. 13, iss. 2, pp. 133–151. DOI: 10.1016/j.jslw.2004.02.001.
6. Hyland, K. (2005), "Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse", *Discourse Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 173–191. DOI: 10.1177/1461445605050365.
7. Hyland, K. and Tse, P. (2007), "Is there an "academic vocabulary"?", *TESOL Quarterly*, vol. 41, iss. 2, pp. 235–253. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1545-7249.2007.tb00058.x>.
8. Hyland, K. (2008), "As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation", *English for Specific Purposes*, vol. 27, iss. 1, pp. 4–21. DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001.
9. Hirano, E. (2009), "Research Article Introductions in English for Specific Purposes: A Comparison between Brazilian Portuguese and English", *English for Specific Purposes*, vol. 28, iss. 4, pp. 240–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esp.2009.02.001>.
10. Martin-Martin, P. (2003), "A Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences", *English for Specific Purposes*, vol. 22, iss. 3, pp. 25–43. DOI: 10.1016/S0889-4906(01)00033-3.
11. Mauranen, A., Hynninen, N. and Ranta, E. (2010), "English as an Academic Lingua Franca: The ELFA Project", *English for Specific Purposes*, vol. 29, iss. 3, pp. 183–190. DOI: 10.1016/j.esp.2009.10.001.
12. Emelyanova, O.P. (2019), "Genre characteristics of academic paper", *Kazan Science*, no. 6, pp. 57–63.
13. Galanova, O.A. (2013), "The genre of a scientific article as a form of culture", *J. of Siberian Medical Sciences*, no. 6, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-nauchnoy-stati-kak-forma-kultury> (accessed 21.10.2023).
14. Shamara, I.F. (2017), "Research paper: genre evolution and the modern standard", *Proceedings of the Southwest State Univ. Ser. Linguistics and Pedagogics*, vol. 7, no. 1 (22), pp. 47–53.
15. Vakhterova, E.V., Stebletsova, A.O. and Boriskina, O.O. (2020), "Research discourse: genre universals and disciplinary specifics of research papers", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2935>.
16. Vakhterova, E.V. and Stebletsova, A.O. (2022), "English research article: subject-specific characteristics of the results and discussion sections", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 62–70. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/62-70>.
17. Arkhipova, E.I. and Kazakova, O.A. (2013), "Genre specificity of a scientific article on linguistics (based on the material of the Russian language)", *Vestnik Nauki Sibiri*, no. 1 (7), pp. 263–270.
18. Bazhenova, E.A. and Kotyurova, M.P. (2006), "Genres of scientific literature", *Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], in Kozhina, M.N. (ed.), Flinta, Nauka, Moscow, RUS, pp. 57–67.
19. Naumenko, Yu.N. and Stebletsova, A.O. (2021), "Verbalization of the scientific category of relevance in English and Russian academic discourses", *Philology and culture*, no. 1 (63), pp. 84–93. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-84-93.
20. Shamara, I.F. (2021), "The role of discursive markers reflecting different types of logical connections in the organization of the text of a modern scientific medical article", *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 3 (42), pp. 236–245.
21. Stebletsova, A.O. (2022), "Cognitive structures of the research text: ethnolinguistic aspect", *J. of Psycholinguistics*, no. 2 (52), pp. 99–110. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-99-110.
22. Torubarova, I.I. and Stebletsova, A.O. (2020), "Medical research article: national indicators in the universal genre of academic discourse", *Herald of Tver State Univ. Ser. Philology*, no. 4 (67), pp. 145–153. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.145.
23. Yagenich, L.V. (2020), "Prescriptive signs of an 18th century English-language scientific medical text", *Scientific dialogue*, no. 2, pp. 178–193. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-178-193.

24. Davis, R.H. (2015), "A genre analysis of medical research articles", PhD thesis, Univ. of Glasgow, Glasgow, UK.
25. Greenhalgh, T. (2001), *How to read a paper: The basics of evidence-based medicine*, BMJ Books, London, UK.
26. Murawska, M. (2010), "Impersonality in medical case reports", *Constructing Interpersonality: Multiple Perspectives on Written Academic Genres*, in Lorés-Sanz, R., Mur-Dueñas, P. and Lafuente-Millán, E. (eds.), Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK, pp. 311–325.
27. Taavitsainen, I. and Pahta, P. (2000), "Conventions of professional writing: The medical case report in a historical perspective", *J. of English Linguistics*, vol. 28, iss. 1, pp. 60–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/0075424002200487>.
28. Wilce, J. (2009), "Medical Discourse", *Annual Review of Anthropology*, vol. 38, pp. 199–215. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-091908-164450>.
29. *Lancet*, available at: <https://www.thelancet.com/> (accessed 04.11.2023).
30. *New England Journal of Medicine*, available at: <https://www.nejm.org/> (accessed 04.11.2023).
31. *British Medical Journal*, available at: <https://www.bmj.com/> (accessed 04.11.2023).
32. *Clinical Infectious Diseases*, available at: <https://academic.oup.com/cid> (accessed 04.11.2023).
33. *Journal of Clinical Investigation*, available at: <https://www.jci.org/> (accessed 04.11.2023).
34. *Brain*, available at: <https://academic.oup.com/brain> (accessed 04.11.2023).
35. *Pediatrics*, available at: <https://publications.aap.org/pediatrics> (accessed 04.11.2023).
36. *Diabetes*, available at: <https://diabetes.diabetesjournals.org/> (accessed 04.11.2023).
37. *Heart*, available at: <https://heart.bmj.com/> (accessed 04.11.2023).
38. *Journal of Neuroscience*, available at: <https://www.jneurosci.org/> (accessed 04.11.2023).
39. Fairclough, N. (2003), *Analysing discourse: textual analysis for social research*, Routledge, NY, USA.
40. Karasik, V.I. (1998), "About the categories of discourse", *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Linguistic personality: sociolinguistic and emotive aspects], Peremena, Volgograd, RUS, pp. 185–197.
41. Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R. and Vetter, E. (2000), *Methods of text and discourse analysis*, SAGE Publications Ltd, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857024480>.

Information about the authors.

Elena V. Vakhterova – Associate Professor at the Department of English Philology, Faculty of Philology, Pridnestrovian State University, 128 25th October str., Tiraspol 3300, Pridnestrovian Moldavian Republic. The author of 28 scientific publications. Area of expertise: linguistics, academic discourse, medical research genres.

Anna O. Stebletsova – Dr. Sci. (Philology, 2016), Docent (2010), Head of the Foreign Languages Department, N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, 10 Studencheskaya str., Voronezh 394036, Russia. The author of 120 scientific publications. Area of expertise: applied linguistics and discourse analysis, professional communication, academic English writing and medical research genres.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.12.2023; adopted after review 12.12.2023; published online 21.02.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
2. Bloor M. *Variations in the Method Sections of Research Articles Across Disciplines: The Case of Fast and Slow Text // Issues in EAP Writing, Research and Instruction*. Reading: The Univ. of Reading, 1998. P. 84–106.

3. Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // *Жанры речи*. 2016. № 1 (13). С. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.

4. Flowerdew J. English for Research Publication Purposes // *The Handbook of English for Specific Purposes*, in B. Paltridge, S. Starfield (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 301–322.

5. Hyland K. Disciplinary Interactions: Metadiscourse in L2 Postgraduate Writing // *J. of Second Language Writing*. 2004. Vol. 13, iss. 2. P. 133–151. DOI: 10.1016/j.jslw.2004.02.001.

6. Hyland K. Stance and Engagement: a Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, iss. 2. P. 173–191. DOI: 10.1177/1461445605050365.

7. Hyland K., Tse P. Is there an “academic vocabulary”? // *TESOL Quarterly*. 2007. Vol. 41, iss. 2. P. 235–253. DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1545-7249.2007.tb00058.x>

8. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // *English for Specific Purposes*. 2008. Vol. 27, iss. 1. P. 4–21. DOI: 10.1016/j.esp.2007.06.001.

9. Hirano E. Research Article Introductions in English for Specific Purposes: A Comparison between Brazilian Portuguese and English // *English for Specific Purposes*. 2009. Vol. 28, iss. 4. P. 240–250. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esp.2009.02.001>.

10. Martin-Martin P. A Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences // *English for Specific Purposes*. 2003. Vol. 22, iss. 3. P. 25–43. DOI: 10.1016/S0889-4906(01)00033-3.

11. Mauranen A., Hynninen N., Ranta E. English as an Academic Lingua Franca: The ELFA Project // *English for Specific Purposes*. 2010. Vol. 29, iss. 3. P. 183–190. DOI: 10.1016/j.esp.2009.10.001.

12. Емельянова О. П. Жанровые особенности статьи академического дискурса // *Казанская наука*. 2019. № 6. С. 57–63.

13. Галанова О. А. Жанр научной статьи как форма культуры // *Медицина и образование в Сибири*. 2013. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26027073> (дата обращения: 21.10.2023).

14. Шамара И. Ф. Научная статья: эволюция жанра и современный стандарт // *Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. Лингвистика и педагогика*. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 47–53.

15. Вахтерова Е. В., Стеблецова А. О., Борискина О. О. Исследовательский дискурс: жанровые универсалии и дисциплинарная специфика научных статей // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 3. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2935>.

16. Вахтерова Е. В., Стеблецова А. О. Англоязычная исследовательская статья: предметно-специфические характеристики разделов «Результаты» и «Обсуждение» // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 3. С. 62–70. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/62-70>.

17. Архипова Е. И., Казакова О. А. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // *Вестн. науки Сибири*. 2013. № 1 (7). С. 263–270.

18. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Жанры научной литературы // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной*. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 57–67.

19. Науменко Ю. Н., Стеблецова А. О. Вербализация научной категории актуальность в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах // *Филология и культура*. 2021. № 1 (63). С. 84–93. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-84-93.

20. Шамара И. Ф. Роль дискурсивных маркеров, отражающих разные виды логических связей, в организации текста современной научной медицинской статьи // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2021. № 3 (42). С. 236–245.

21. Стеблецова А. О. Когнитивные структуры научного текста: этнолингвистический аспект // *Вопросы психолингвистики*. 2022. № 2 (52). С. 99–110. DOI: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-99-110.

22. Торубарова И. И., Стеблецова А. О. Научная медицинская статья: проявления национальной специфики в универсальном жанре академического дискурса // *Вестн. ТвГУ. Сер. Филология*. 2020. № 4 (67). С. 145–153. DOI: 10.26456/vtfilol/2020.4.145.

23. Ягенич Л. В. Прескриптивные признаки англоязычного научного медицинского текста XVIII века // Научный диалог. 2020. № 2. С. 178–193. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-178-193.
24. Davis R. H. A genre analysis of medical research articles: PhD thesis / Univ. of Glasgow. Glasgow, 2015.
25. Greenhalgh T. How to read a paper: The basics of evidence-based medicine. London: BMJ Books, 2001.
26. Murawska M. Impersonality in medical case reports // Constructing interpersonality: Multiple Perspectives on Written Academic Genres / in R. Lorés-Sanz, P. Mur-Dueñas, E. Lafuente-Millán (eds.), Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 311–325.
27. Taavitsainen I., Pahta P. Conventions of Professional Writing: The Medical Case Report in a Historical Perspective // J. of English Linguistics. 2000. Vol. 28, iss. 1. P. 60–76. DOI: <https://doi.org/10.1177/0075424002200487>.
28. Wilce J. Medical Discourse // Annual Review of Anthropology. 2009. Vol. 38. P. 199–215. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-091908-164450>.
29. Lancet. URL: <https://www.thelancet.com/> (дата обращения: 04.11.2023).
30. New England Journal of Medicine. URL: <https://www.nejm.org/> (дата обращения: 04.11.2023).
31. British Medical Journal. URL: <https://www.bmj.com/> (дата обращения: 04.11.2023).
32. Clinical Infectious Diseases. URL: <https://academic.oup.com/cid> (дата обращения: 04.11.2023).
33. Journal of Clinical Investigation. URL: <https://www.jci.org/> (дата обращения: 04.11.2023).
34. Brain. URL: <https://academic.oup.com/brain> (дата обращения: 04.11.2023).
35. Pediatrics. URL: <https://publications.aap.org/pediatrics> (дата обращения: 04.11.2023).
36. Diabetes. URL: <https://diabetes.diabetesjournals.org/> (дата обращения: 04.11.2023).
37. Heart. URL: <https://heart.bmj.com/> (дата обращения: 04.11.2023).
38. Journal of Neuroscience. URL: <https://www.jneurosci.org/> (дата обращения: 04.11.2023).
39. Fairclough N. Analysing discourse: textual analysis for social research. NY: Routledge, 2003.
40. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. / Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
41. Methods of text and discourse analysis / S. Titscher, M. Meyer, R. Wodak, E. Vetter. London: SAGE Publications Ltd, 2000. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857024480>.

Информация об авторах.

Вахтерова Елена Вячеславовна – доцент кафедры английской филологии филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, ул. 25 Октября, д. 128, Тирасполь, 3300, Приднестровская Молдавская республика. Автор 28 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, академический дискурс, научные жанры медицинского дискурса.

Стеблецова Анна Олеговна – доктор филологических наук (2016), доцент (2010), заведующая кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, ул. Студенческая, д. 10, Воронеж, 394036, Россия. Автор 120 научных публикаций. Сфера научных интересов: прикладная лингвистика и дискурс-анализ, профессиональная коммуникация, академический английский и научные жанры медицинского дискурса.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.12.2023; принята после рецензирования 12.12.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

Оригинальная статья

УДК 811.153.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-163-176>

Влияние инверсии и согласования в валлийском языке на английский синтаксис

Борис Станиславович Богданов¹✉, Андрей Арнольдович Шумков²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ udwiggg45@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8337-1373>

²noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>

Введение. Упорядочение пространственного и временного элементов в валлийском независимом предложении в случае образования подлежащего из существительного сопровождается весьма специфическим согласованием этих элементов по числу. В грамматиках валлийского языка обнаруживаются различные классификации неинверсивных и инверсивных предложений и большей частью практические замечания, касающиеся особенностей согласования главных членов. Теоретические объяснения при этом весьма скудны. Поскольку есть основания полагать, что особенности организации предложения в валлийском языке могли повлиять на синтаксис английского языка – языка международного общения, заявленная тема представляется весьма актуальной.

Методология и источники. Исследование выполнено на основе анализа четырех грамматик валлийского языка, содержащих обширные разделы, посвященные синтаксису. Также задействован сборник текстов, из которых отбирались примеры неинверсивных и инверсивных предложений. Методологической базой явилась идея двухчастности.

Результаты и обсуждение. В неинверсивных валлийских предложениях сказуемое согласуется с подлежащим по числу только в том случае, если подлежащее образовано из местоимения; в случае образования подлежащего из существительного всегда употребляется форма 3-го лица единственного числа. В смешанных и аномальных предложениях порядок слов становится инверсивным. Исследование эксплицитных элементов подлежащего и сказуемого оказалось недостаточным, пришлось прибегнуть к гипотезе об имплицитности и инэксплицитности некоторых элементов, а также о возможности эллипсиса. При этом удалось связать аналитическое время в валлийском языке с длительным временем в английском, а также выдвинуть предположение о возможном влиянии (эмфатических) валлийских конструкций на строй английского предложения.

Заключение. В валлийских независимых предложениях слабый пространственный уточнитель может быть модифицирован имплицитным сильным местоименным семифинитивом, и в состав подлежащего начинает входить имплицитный элемент, выполняющий функцию пространственного. Развивая гипотезу о возможной инэксплицитности фиксирующихся семифинитивов в валлийском подлежащем можно также предположить, что аномальное и смешанное предложения в валлийском языке берут свое начало от зависимой (придаточной) части сложного предложения. В рамках общей модели оказывается, что расстановка пространственного и временного элементов не противоречит индоевропейской системе, в полной мере проявляющейся в английском предложении.

© Богданов Б. С., Шумков А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: валлийский язык, инверсия в валлийском языке, согласование в валлийском, история валлийского языка, аномальные и смешанные предложения

Для цитирования: Богданов Б. С., Шумков А. А. Влияние инверсии и согласования в валлийском языке на английский синтаксис // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 163–176. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-163-176.

Original paper

Influence of Welsh Inversion and Agreement on English Syntax

Boris S. Bogdanov¹✉, **Andrey A. Shumkov**²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg Russia*

¹✉*udwiggg45@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8337-1373>*

²*noizen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>*

Introduction. Ordering the space and time elements in Welsh independent clause, when the subject is formed from a noun, is accompanied by a rather specific agreement of these elements in number. In the grammars of Welsh one can find various classifications of non-inverse and inverse sentences and, mostly, practical notions concerning the peculiarities of the agreement of the main parts. Theoretical explanations are meanwhile quite poor. Because it can be proposed, that the peculiarities of sentence organization in Welsh could influence the syntax of English – the language of international communication, the theme under discussion is rather topical.

Methodology and sources. The investigation is carried out on the base of four Welsh grammars, containing large chapters on syntax. We also used a collection of texts, from which the examples of non-inverse and inverse sentences were taken. The methodological base of the work is the binomiality idea.

Results and discussion. In non-inverse Welsh sentences, the predicate agrees with the subject in number only in case the subject is formed from a pronoun; in case the subject is formed from a noun, the 3-rd person singular is always used. In mixed and abnormal sentences, the word order becomes inverse. The investigation of explicit elements of subject and predicate has turned to be not sufficient, and we were forced to apply the hypothesis on implicitness, inexplicitness and ellipsis of some elements. In doing so, we managed to match the analytic tense in Welsh with the continuous tense in English. It was also suggested, that (emphatic) Welsh constructions can influence the structure of English sentence.

Conclusion. In Welsh independent clauses, the weak space specifier can be modified by an implicit strong pronominal semifinitive, after what an implicit element in function of the space element reveals in the subject. Developing the hypothesis about the possible inexplicitness of fixed semifinitives in the Welsh subject, we can also assume that abnormal and mixed sentences in Welsh originate from the subordinate clause of a complex sentence. Within the framework of the general model, it turns out that the arrangement of space and time elements does not contradict the Indo-European system, which fully manifests itself in the English sentence.

Keywords: Welsh language, inversion in the Welsh, agreement in Welsh, history of the Welsh language, abnormal and mixed sentences

For citation: Bogdanov, B.S. and Shumkov, A.A. (2024), "Influence of Welsh Inversion and Agreement on English Syntax", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 163-176. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-163-176 (Russia).

Введение. Валлийский язык известен многими грамматическими и фонетическими особенностями, которые отличают его от прочих индоевропейских языков. Часть этих особенностей присуща только валлийскому, в основном же они являются универсальными для всех кельтских языков, к бриттской подгруппе которых принадлежит и рассматриваемый нами язык. В области синтаксиса валлийский язык выказывает следующую особенность: упорядочение пространственного и временного элементов, входящих в состав подлежащего и сказуемого в повествовательном предложении, с индоевропейской точки зрения инверсивно (временной – пространственный), а в случае образования подлежащего из существительного сопровождается весьма специфическим согласованием этих элементов по числу. Для соседнего английского языка эта особенность совершенно экстраординарна. В грамматиках валлийского языка можно обнаружить различные классификации неинверсивных и инверсивных предложений, правила их образования, а также множество замечаний, касающихся особенностей согласования главных членов. К сожалению, эти замечания имеют в большей степени практический, чем теоретический характер.

Существуют несколько классификаций кельтских языков; основными критериями, по которым лингвисты их группируют, являются либо географические, либо фонетические. Наиболее распространена классификация, разделяющая кельтские языки на островные и континентальные [1, с. 5]. К континентальным относятся вымершие галльский, лепонтийский, кельтиберский языки [1, с. 5]. Островные в свою очередь делятся на бриттскую и гойдельскую подгруппы [1, с. 5]. К бриттской подгруппе принадлежат валлийский и родственные ему бретонский и корнский языки. Гойдельская подгруппа состоит из ирландского и отделившихся от него в XII–XIII вв. мэнского и шотландского гэльского языков. Все живые в настоящее время кельтские языки относятся именно к островной подгруппе.

Такое деление подвергается критике со стороны многих лингвистов-кельтологов. Их аргументация сводится к следующим положениям: во-первых, языки, традиционно относящиеся к континентальной подгруппе, вымерли несколько тысяч лет назад, ученые не располагают достаточным для полноценного исследования корпусом текстов на этих языках. Во-вторых, особенности, являющиеся универсальными для островных кельтских языков, могут быть результатом контактов между носителями этих языков (языковой союз) или же проявлением докельтского субстрата [1, с. 6]. В последние десятилетия такой взгляд на эволюцию островных кельтских языков находит все больше сторонников.

В основу другой популярной классификации легли фонетические различия гойдельских и бриттских языков. В соответствии с ней все ныне живые кельтские языки делятся на Р-языки и Q-языки. К первой подгруппе принадлежат бриттские языки, ко второй – гойдельские. Их главное различие заключается в том, что в гойдельских языках сохранился индоевропейский звук [k^w] – в форме [k] [1, с. 7]. В бриттских же языках этот звук перешел в [p] [1, с. 7].

Современные кельтские регионы расположены на северо-западе Европы: это Бретань, Уэльс, северо-западные окраины Шотландии и Ирландия. Раньше к этому списку можно было присовокупить Корнуолл и остров Мэн, но корнский и мэнский языки вымерли в 1777 и 1974 гг. соответственно [1, с. 5]. Небольшое количество носителей валлийского языка также живет в валлийской колонии в Чубуте (Патагония), основанной в 1865 г. [1, с. 207].

Лингвисты выделяют следующие отличительные черты валлийского языка: во-первых, порядок слов VSO (сказуемое, подлежащие, дополнение) в предложении практически любого типа, во-вторых, аномалии в согласовании главных членов, в-третьих, грамматическое чередование начальных согласных слов в соответствии с системой различных фонетических мутаций [1, с. 208]. Из взаимодействия первых двух черт вытекает тема настоящей работы: инверсия в валлийском языке и вызываемые ей аномалии в согласовании подлежащего и сказуемого. Эти явления рассматриваются не изолированно, а с учетом их возможного влияния на синтаксис (британского) английского языка. Также в целях сопоставления мы намерены рассмотреть схожие процессы в другом бриттском языке – бретонском.

Методология и источники. Настоящее исследование выполнено на основе материалов различных грамматик валлийского языка, как современных, так и начала прошлого столетия. Также широко использовались валлийские тексты из специализированных учебных пособий и художественные тексты, представленные в учебной хрестоматии, так как в данное время доступ к актуальным художественным произведениям на валлийском языке является весьма затруднительным. Использование материалов грамматик обусловлено типичностью представляемых там лингвистических фактов ввиду их общеупотребимости носителями языка. Обращение к грамматикам разных лет позволяет отследить не только развитие той или иной языковой особенности, но и то, как менялось ее употребление в определенный исторический период. В данном исследовании использовались четыре грамматики валлийского языка, а также сборник художественных и публицистических текстов на этом языке.

В качестве методологической базы преимущественно применялись основные положения идеи двухчастности, разрабатываемые в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» с 1993 г. Согласно этой идее, глагольные и субстантивные члены предложения представляют собой двухчастные структуры. Главный член предложения является семифинитивом, зафиксированным в уточнителе, а второстепенный – семифинитивом, зафиксированным в прауточнителе. Уточнитель и прауточнитель могут, в свою очередь, подвергнуться модификации семифинитивом. В подлежащем и сказуемом проявляются пространственный и временной элементы соответственно. Их расстановка зависит от типа предложения. Идея двухчастности показала свою высокую эффективность при объяснении синтаксических явлений, свойственных германским языкам [2, с. 175].

Результаты и обсуждение. Как уже упоминалось выше, в валлийском языке наблюдается необычное правило согласования сказуемого и подлежащего. Если подлежащее в независимом повествовательном утвердительном предложении выражено не местоимением, а существительным, то глагол всегда будет употребляться в форме 3-го лица единственного числа, даже если существительное стоит во множественном числе [3, с. 80]. Например: «Chwarddy plenty» – «Ребенок смеется», но «Chwarddy plant» – (буквально) «Дети смеется», где chwarddy – смеется (презенс 3-го лица единственного числа), plenty – ребенок, plant – дети; «Canai'r bard» – «Бард поет», но «Canai'r beirdd» – (буквально) «Барды поет», где canai' – поет (презенс 3-го лица единственного числа), bard – бард, а beirdd – барды [3, с. 80].

Согласование подлежащего и сказуемого поразительно тем, что в валлийском языке глагол имеет полноценную парадигму спряжения во флективных временах, хотя она и различается в литературном и разговорном стандарте. Более того, уже в средний период исто-

рии валлийского языка наблюдалось согласование с местоимением: «Trigyssant wynteu» – «Они жили», где *wynteu* – местоимение 3-го лица множественного числа [4, с. 219]. Причина рассогласования с существительным доподлинно неизвестна, вероятно, на появление такой причудливой ситуации повлияли изменения в бриттских наречиях, произошедшие в древний период истории этих языков, который недоступен ученым для изучения ввиду практически полного отсутствия текстов на древневаллийском языке.

В других кельтских языках наблюдается схожее явление. Например, в родственном валлийскому бретонском языке сказуемое согласуется с подлежащим по той же схеме. Глагол будет употребляться в подходящем числе и лице, только если подлежащее выражено местоимением: «Bremañ e lenn ar vugale al levrioù» – (буквально) «Сейчас дети читает книги», где *bremañ* – сейчас, *lenn* – презенс 3-го лица единственного числа, *vugale* – дети, *levrioù* – книги [5, с. 17]. Для сравнения: «Bremañ e lennont al levrioù» – «Сейчас они читают книги», где *lennont* – презенс 3-го лица множественного числа.

Уже упоминалось, что в независимых повествовательных утвердительных предложениях валлийского языка порядок слов строго закреплен и подчиняется следующей последовательности: сказуемое, подлежащие, дополнение (VSO). Такой порядок сохраняется в предложениях как с синтетическими (флективными), так и с аналитическими временами, например: «Mae hi'n mynd i'r theatr» – «Она идет в театр»; «Mae Elinor yn darllen y papur» – «Элинор читает газету»; «Mae prisiau wedi codi» – «Цены выросли» [6, с. 41]. Во всех приведенных примерах в начале предложений стоит глагол *mae*, являющийся презенсом 3-го лица единственного числа глагола *bod* – быть. Отметим, что все аналитические времена в валлийском языке могут быть заменены синтетическими и наоборот, эта взаимозаменяемость будет иметь для нас особую значимость для объяснения обсуждаемых явлений. К тому же в современном английском языке обнаруживаются сходные конструкции, выделенные в особую группу времен – Continuous. В этой группе, однако, знаменательный глагол выражен причастием I, а не герундиеподобным субстантивоидом, как в валлийском языке.

Разумно предположить, что инверсия в повествовательных утвердительных предложениях валлийского языка должна подчиняться набору определенных правил, регулирующих не только построение предложения, но и согласование его членов. Весьма интересным является тот факт, что, начиная со средневаллийского периода, для изменения порядка VSO используется частица «а», являющаяся также относительным местоимением «кто, который» [7, с. 350]. Эванс в своей грамматике средневаллийского языка показывает, что эта частица ставится перед глаголом, когда подлежащее или дополнение находятся во главе предложения: «Pwyll Pendeuic Dyuet a oed yn arglwyd ar seith cantref Dyuet» – «Принц Дюфеда Пилл был правителем семи королевств Дюфеда» [4, с. 62].

Примечательно развитие инверсивных предложений в средний период истории валлийского языка. Оказывается, конструкция с частицей «а» является укороченной версией сложного предложения, где «а» играло роль относительного местоимения [8]. Во главе предложения ставился глагол-связка «*ys*» – архаичный презенс 3-го лица единственного числа глагола «быть». Рассмотрим предложение «Eirch Arawn ei wrogaeth» – «Араун просит принести ему присягу» в разных вариантах порядка слов:

– Arawn a eirch ei wrogaeth. – Араун просит принести ему присягу (эмфазис на подлежащее).

– Ei wrogaeth a eirch Arawn. – Присягу попросил принести ему Араун (эмфазис на дополнение).

– Ys Arawn a eirch ei wrogaeth. – Это Араун, кто попросил принести ему присягу (исходная форма) [8].

В приведенных примерах отчетливо видно происхождение инверсивных конструкций в валлийском языке от зависимых придаточных предложений. Однако перед тем, как глагол-связка «*ys*» был элиминирован, в образовании этих конструкций произошли серьезные изменения. Изначально глагол-связка согласовывался с глаголом в зависимом предложении по времени и наклонению [4, с. 220]:

– Bydhawt ragot ti gyntaf yd agorawr y porth. – Тобой должны быть открыты ворота.

– Oed Maelgun a uelun in imuan. – Это был Маэлгун, с которым я мог бы сразиться.

Повествовательные отрицательные инверсивные конструкции образовывались постановкой отрицательной частицы «*ny*» перед глаголом-связкой: *Ny bu iavn na da y gynaeth a'r gviyuon*. – Неправильно и несправедливо ты поступил с невинным. [4, с. 220] В дальнейшем, когда связка была отброшена, отрицательные конструкции образовывались при помощи частицы «*nyt*», которую ставили перед тем членом предложения, на который падал эмфазис: *Nyt tidi a gredaf*. – Не ты, которому я буду верить. [4, с. 220] По такому принципу отрицание в предложениях с измененным порядком слов организуется и в современном валлийском языке.

Способ организации отрицания в предложении с нетипичным порядком слов позволяет выявить сам тип такого предложения в средневаллийский период. В предложениях с аномальным порядком слов отрицательная частица стоит перед глаголом, в то время как в предложениях, где эмфазис на подлежащие и дополнение достигается путем инверсии, отрицательная частица ставится в начале предложения [4, с. 20]:

– Y dyn ny doeth. – Человек не пришел (предложение с аномальным порядком слов).

– Nyt y dyn a doeth. – Человек не пришел (обычное инверсивное предложение, в некоторых источниках такой тип именуется смешанным предложением).

Ключевое же различие смешанного и аномального предложений заключается в согласовании сказуемого и подлежащего, образованного из существительного. В аномальных предложениях глагол и существительное согласуются по лицу и числу; в предложениях смешанного типа все ровно наоборот – глагол всегда употребляется в 3-м лице и единственном числе [4, с. 221; 8]:

– A'r guyrda a doethant y gyt. – Представители знати прибыли вместе (аномальное предложение).

– Y marchogyon a wnaethant ual y gorchymynnwys Hu udunt. – Рыцари поступили так, как им повелел Ху (аномальное предложение).

– Mi a'e heirch. – Я, кто спрашивает ее (предложение смешанного типа).

– Mi yd wyt un y geissaw. – Я, кто тебе надобен (предложение смешанного типа).

Как следует из представленных примеров, согласование в аномальных предложениях вступает в противоречие с основным правилом согласования сказуемого и подлежащего уже

в средневаллийский период. Причем не только согласования в сложных предложениях, но и глагола с существительным в принципе. Происхождение этой конструкции и причины ее сходства со смешанными предложениями на данный момент остаются невыясненными. Лингвисты сходятся на том, что появление аномальных предложений могло быть обусловлено латинским влиянием [9, с. 170]. Такие конструкции в средневаллийском возникли уже в Средневековье, когда писцы переводили тексты Священного Писания. При адаптации многие простые предложения заменялись своего рода квазипридаточными предложениями. Однако такие предложения не содержали эмфазы, и можно предположить, что замены были нужны переводчикам для сохранения библейской манеры изложения [9, с. 170].

Гипотезы о первопричинах многих особенностей валлийского априори являются крайне сложно доказуемыми – современные лингвисты-кельтологи имеют весьма ограниченное представление о ранней истории этого языка. Именно в Раннее Средневековье с бриттскими наречиями произошли перемены, оказавшие определяющее влияние на их развитие. Разобраться с загадками валлийского синтаксиса может помочь моделирование предложения, как независимого, так и зависимого. Особенно пригодна идея двухчастности, допускающая присутствие в субстантивных членах предложения имплицитных и инэксплицитных элементов [10, с. 10]. Так, модифицирование слабого пространственного уточнителя имплицитным сильным местоименным семифинитивом может применяться среди всего прочего и для организации эмфазы.

В целом образование инверсивных и аномальных предложений мало изменилось со времен средневаллийского языка. Для построения инверсивного предложения подлежащее, дополнение или любой другой член предложения, которое требуется выделить, перемещается в начало предложения и отделяется от глагола относительным местоимением «а» [6, с. 49]. Это местоимение подвергает глагол мягкой мутации. Рассмотрим подробнее образование предложений с измененным порядком слов в современном валлийском.

Так же, как и в средневаллийский период, инверсивные предложения подразделяются на собственно инверсивные, или же смешанные, и предложения с аномальным порядком слов. В предложениях с аномальным порядком слов глагол согласовывается с существительным в лице и числе [9, с. 171; 6, с. 50]:

– A'i ddisgyblion a ddaethant ato, ac a'i deffroasant. – *Ученики подошли и разбудили Его*, где ddisgyblion – ученики, ddaethant – подошли, deffroasant – разбудили.

– Canys efe a draddodir i'r Cenhedloedd, ac a watwerir, ac a amherchir, ac a boerir arno. – *Ибо предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его*, где canys – ибо, efe – его самого, draddodir – предадут (доставят), watwerir – поругаются, amherchir – оскорбят, boerir – оплюют.

– A 'm pechod sydd yn wastad ger fy mron. – *И мой грех стал мне ясен*, где pechod – грех, sydd – есть (этот презенс глагола bod (быть) используется в сложных предложениях), ger – статья.

– A Duw a ddywedodd, Bydded goleuni, a goleuni a fu. – *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет*. Здесь Duw – Бог, ddywedodd – сказал, goleuni – свет, bydded – да будет (повелительное наклонение), fu – был.

– A'r ysgrythur a gyflawnwyd. – *И исполнилось слово Писания*, где ysgrythur – Писание, gyflawnwyd – исполнилось.

Приведенные примеры взяты из Библии. Как уже отмечалось, такие конструкции возникли, вероятно, в ходе перевода Священного Писания на валлийский язык. Можно предположить, что целью такого рода деформации предложения являлось не выделение каких-либо отдельных предложений, а передача потока речи библейских текстов, акцентуализация библейского языка и придача ему особой выразительности. Ключевой же особенностью предложений с аномальным порядком слов является нормальное согласование глагола с существительным, ведь в неинверсивных предложениях сказуемое 3-го лица согласуется по числу, только если подлежащее выражено местоимением.

Предложения смешанного типа подразделяются на предложения, в которых во главе стоит подлежащее, и на те, которые возглавляются дополнением [9, с. 166]. Отличительной особенностью смешанных предложений является то, что глагол не согласовывается в числе и лице с существительным и всегда употребляется в 3-м лице единственного числа. Рассмотрим несколько примеров, в которых задействовано относительное местоимение «а» [11, с. 46]:

– Mae'r dyn a ddug y gemau yn y carchar. – *Человек, укравший драгоценности, сейчас в тюрьме*, где dyn – человек, ddug – украл, gemau – драгоценности, carchar – тюрьма.

– Hwn uw'r ci a achubodd y plenty. – *Это собака, которая спасла ребенка*, где achubodd – спасла, ci – собака, plenty – ребенок.

– Ni wn I am a ddigwyddodd. – *Я не знаю, что случилось*, где ddigwyddodd – случилось.

Предложения смешанного типа в валлийском языке образуются уже со средневаллийского периода. Однако в них возникают проблемы не только с согласованием глагола и существительного, но и с употреблением частицы «а» с глаголом «быть». Так, например, с относительной формой этого глагола (sydd) частица «а» не используется.

Необходимо отметить и фонетические особенности функционирования частицы «а» в предложении. Глагол, следуя за частицей, подвергается мягкой мутации. Так, буква p переходит в b, t переходит в d, c переходит в g, b переходит в f, d становится dd [ð], буква g редуцируется, ll [l] переходит в l, rh [r] превращается в r, m становится f [3, с. 8].

Однако ни фонетические, ни грамматические явления в валлийском предложении не позволяют нам системно ответить на главный вопрос: каков критерий употребления неинверсивных и инверсивных конструкций? Объяснять зарождение аномальных предложений стилистическими предпочтениями средневековых переводчиков Священного Писания можно, но это не прольет свет на тот факт, что рассматриваемая инверсивная конструкция является не просто частностью – она прижилась и используется в повседневной речи. Рассмотрим современное валлийское предложение [9, с. 167]:

– Cefais [i] anrheg. – *Я получил подарок* (неинверсивное предложение).

– Mufi a gefais anrheg. – *Я получил подарок* (аномальное предложение).

– Mufi (fi) a gafodd anrheg. – *Я тот, кто получил подарок* (смешанное предложение).

В первых двух предложениях местоимение «я» и глагол «получать» согласуются в лице и числе. В последнем предложении глагол «получать» согласован с местоимением «я» по числу, но не согласован по лицу – gafodd обозначает 3-е лицо. Вероятно, причина, по которой конструкции с аномальным порядком слов закрепились в валлийском, – стремление носителей языка, пусть и таким необычным способом, вернуть полноценное согласование сказуемого и подлежащего.

Постараемся ответить на вопрос, почему вообще обнаруживается такая разница между местоимениями и существительными в плане согласования их с глаголом. Согласно идее двухчастности, субъектное местоимение возводится в семифинитив прочности 6, который может быть только сильным. Существительное, напротив, возводится в семифинитив прочности 5, который может быть как сильным, так и слабым. Кроме того, слабый семифинитив прочности 5 находится на одном уровне со слабым семифинитивом прочности 0. Семифинитив прочности 0 может быть также сверхслабым.

Предположим, что изначально в валлийском повествовательном утвердительном предложении наличествовал индоевропейский порядок (подлежащее – сказуемое – дополнение). Однако по неизвестным причинам слабый пространственный уточнитель, на котором строилось подлежащее, мог подвергнуться модификации имплицитным сильным местоименным семифинитивом.

Если второй частью подлежащего является местоименный семифинитив (сильный и только сильный), то вновь образуемое подлежащее представляет собой сильный местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом пространственном уточнителе, который модифицирован имплицитным сильным местоименным семифинитивом. Вследствие имплицитности пространственного элемента (слабый пространственный уточнитель, модифицированный имплицитным сильным местоименным семифинитивом) порядок слов в предложении воспринимается как VSO. S в данном случае являет собой лишь второй элемент подлежащего – сильный местоименный семифинитив; первый элемент (пространственный) имплицитно предшествует V.

Если второй частью подлежащего является семифинитив существительного (либо сильный, либо слабый), то вновь образуемое подлежащее представляет собой сильный или слабый семифинитив существительного, зафиксированный в слабом пространственном уточнителе, который модифицирован имплицитным сильным местоименным семифинитивом. Известная обобщенность семифинитива прочности 5 с семифинитивом прочности 0 может привести к тому, что слабый пространственный уточнитель, модифицированный имплицитным сильным местоименным семифинитивом, будет склонен преобразоваться в имплицитный сверхсильный пространственный уточнитель – сверхслабость семифинитива существительного обеспечивается снижением его прочности с 5 до 0 (при условии, что этот семифинитив не попадает в мертвую область). Вследствие имплицитности пространственного элемента (сверхсильный пространственный уточнитель) порядок слов в предложении воспринимается как VSO. S в данном случае являет собой лишь второй элемент подлежащего – сверхслабый семифинитив существительного; первый элемент (пространственный) имплицитно предшествует V.

Легко видеть, что пространственный элемент подлежащего, образованного из местоимения, задает сказуемому шесть возможных сочетаний лица и числа. Пространственный элемент подлежащего, образованного из существительного, задает сказуемому лишь одно возможное сочетание – 3-е лицо и единственное число.

Не исключено, что обобщенность семифинитива прочности 5 с семифинитивом прочности 0 является причиной пристрастия валлийского языка к аналитическим временам, построенным на глаголе «быть». Действительно, присутствие в предложении сверхсильного про-

пространственного уточнителя, пусть даже имплицитного, влечет за собой возможность строить сказуемое на глаголе «быть», сопровождаемом знаменательной частью речи, например герундиоподобным субстантивоидом. Иными словами, синтетическое время, испытывающее давление сверхсильного пространственного уточнителя, может преобразоваться в аналитическое. Чрезвычайно важным является тот факт, что синтетическое время, испытывающее давление слабого пространственного уточнителя, также может преобразоваться в аналитическое. Аналитические времена следуют вышеизложенным правилам согласования: пространственный элемент подлежащего, образованного из местоимения, задает сказуемому шесть возможных сочетаний лица и числа, а пространственный элемент подлежащего, образованного из существительного, задает сказуемому лишь одно возможное сочетание – 3-е лицо и единственное число. Мы предполагаем, что широкое использование аналитических времен в валлийском языке (а равно и в других кельтских языках, соседствующих с английским) могло привести к возникновению в английском языке отдельной группы времен – Continuous. В основном эти времена используются для выражения непрерывного действия, а знаменательный глагол выражен в них причастием I. Однако в английском языке пространственный и временной элементы согласуются в лице и числе вне зависимости от того, из какой части речи образовано подлежащее. Вероятно, английский язык воспринял концепцию аналитического времени лишь в общих чертах – была заимствована возможность замены синтетического времени на конструкцию с глаголом «быть», а специфика кельтского согласования пространственного и временного элементов никак не отразилась на германской системе.

Отметим также, что английские времена могут сопровождаться частицами «there» (сильный пространственный уточнитель) или «it» (сверхсильный пространственный уточнитель), однако эти частицы не имеют такого широкого употребления как валлийская частица «у». Эта частица нередко сопровождает аналитическое или синтетическое время вне зависимости от того, из местоимения или существительного образовано подлежащее. Ее синтаксический статус на сегодняшний день не установлен. Не исключено, что в рамках нашей модели эта частица может иметь отношение к пространственным уточнителям. Однако это предположение требует дальнейшей проверки.

Что же касается повествовательных утвердительных предложений с частицей «а», то на сегодняшний день единственным объяснением их существования в рамках идеи двухчастности является предположение об эмфатичности всех разновидностей повествовательных утвердительных предложений в валлийском языке. В предложениях с кажущимся порядком VSO эмфаза достигается посредством модифицирования слабого пространственного уточнителя (имплицитным сильным местоименным семифинитивом). В предложениях с частицей «а», которые, по существу, являются сложными предложениями, эмфаза достигается постановкой инэксплицитного подлежащего в зависимое предложение, где уточнение главной субстантивной единицы идет от сверхсильного уточнителя к слабому. Для организации сложного предложения требуются, разумеется, как минимум две главные пары. Нам представляется, что главная пара независимого предложения могла элиминироваться, а оставшееся дополнение получало предикацию со стороны независимого предложения. Проиллюстрируем наше предположение следующими примерами:

1. Эмфаза модифицированием:

– Ō_{ss} collodd (потерял) fy mrodyr (мои братья) у llyfr (книгу).

– Ō_{ss} mae (есть) fy mrodyr (мои братья) yn colli'r llyfr (при терянии книги).

2. Эмфаза зависимым предложением:

– [Это] [есть] fy mrodyr (мои братья) а (которые) o gollosant (потеряли) у llyfr (книгу).

– Fy mrodyr (мои братья) [есть] [это] а (которое) o gollodd (потеряло) у llyfr (книгу).

Почему же повествовательные утвердительные предложения в валлийском языке подвергаются эмфазе? Мы уже упоминали повествовательные отрицательные предложения, которые, благодаря постановке отрицательных частиц на первое место, априори являются эмфатическими (впрочем, существуют дополнительные средства усиления эмфазы). Эмфатическими являются и вопросительные утвердительные/отрицательные предложения; в них на первом месте стоит частица «а»/«oni(d)». Весьма гипотетически можно предположить, что повествовательные предложения стали усиливать свои подлежащие вослед вопросительным. В вопросительных предложениях эмфаза достигается уточнением семифинитива главной субстантивной единицы от сверхсильного уточнителя к слабому; в аномальном и смешанном предложениях способ достижения эмфазы тот же. В неинверсивных предложениях эмфаза достигается модифицированием слабого пространственного уточнителя имплицитным сильным местоименным семифинитивом. Чрезвычайно важно отметить, что в современном английском языке в повествовательных утвердительных предложениях эмфаза также возможна, но вместо модифицирования слабого пространственного уточнителя сильным местоименным семифинитивом проводится замена слабого временного уточнителя на сильный временной уточнитель (в случае глагольных семифинитивов 1-й и иногда 2-й прочности такая замена невозможна). Впрочем, конструкции с сильным временным уточнителем возможны и в кельтских языках, но это тема отдельной статьи.

Заключение. В настоящем исследовании рассмотрена инверсия в валлийском языке (достигаемая образованием сложного предложения) и ее взаимосвязь с особыми случаями согласования подлежащего и сказуемого в неинверсивных предложениях. Согласование глагола и существительного в неинверсивных предложениях с порядком VSO – одна из особенностей валлийского и других родственных ему бриттских языков. Сказуемое согласуется с подлежащим 3-го лица только в том случае, если оно выражено местоимением, в противном случае всегда употребляется форма 3-го лица единственного числа. Эта отличительная черта валлийской грамматики появилась в языке уже в Средние века. Для построения инверсивного предложения подлежащее, дополнение или любой другой член предложения, которое требуется выделить, перемещаются в начало предложения и отделяются от глагола относительным местоимением «а»; это местоимение подвергает глагол мягкой мутации.

В отношении возможного устройства предложений с инверсивным порядком слов – смешанных предложений (т. е. обычных инверсивных) и аномальных предложений, в которых порядок слов изменяется не для акцентуации подлежащего или дополнения, было проведено отдельное исследование. Главное отличие смешанных предложений от аномальных заключается в том, что глагол в них не согласовывается в числе и лице с существительным и всегда употребляется в 3-м лице единственного числа. Рассмотрение истории происхождения смешанных и аномальных предложений в валлийском языке позволило выявить, что они явля-

ются сложными предложениями, где частица «а» играет роль относительного местоимения. По утверждению множества лингвистов, аномальное предложение могло зародиться под влиянием библейских текстов. Такие конструкции в средневаллийском возникли уже в Средневековье, при переводе книг Священного Писания. При адаптации многие простые предложения заменялись сложными для сохранения порядка слов, принятого в латыни.

Таким образом, в отношении валлийских повествовательных предложений можно высказать следующие предположения. Неинверсивные (простые) предложения эмфатичны. В случае подлежащего, образованного из местоимения, происходит модифицирование слабого пространственного уточнителя имплицитным сильным местоименным семифинитивом; это местоимение совпадает с местоимением, возведенным в фиксирующийся семифинитив. В случае подлежащего, образованного из существительного, также происходит модифицирование слабого пространственного уточнителя, но имплицитным сильным семифинитивом местоимения «это» с последующим преобразованием этих единиц в имплицитный сверхсильный пространственный уточнитель; фиксирующийся семифинитив существительного становится сверхслабым. Инверсивные (аномальные и смешанные) предложения также эмфатичны. Это обусловлено их сложностью: в зависимом предложении инэксплицитный фиксирующийся семифинитив неминуемо уточняется от сверхсильного уточнителя к слабому. Разница в согласовании глагола (в зависимом предложении) и местоимения/существительного (в независимом предложении) по лицу и числу может быть объяснена предполагаемым функционированием в независимом предложении главной пары «это есть», на сегодняшний день подвергшейся эллипсису. Инверсивная главная пара «это есть» приводит к согласованию глагола с антецедентным местоимением/существительным по лицу и числу. Неинверсивная главная пара «есть это» вынуждает глагол принимать 3-е лицо единственного числа для согласования с антецедентом «это».

Чрезвычайно важно отметить, что в настоящей статье под неинверсивным порядком понимается порядок VSO, в то время как в индоевропейской традиции такой порядок считается инверсивным. Если принять все предположения, высказанные нами в отношении валлийских повествовательных утвердительных предложений, то окажется, что во всех рассмотренных разновидностях мы имеем дело, по существу, с неинверсивными индоевропейскими предложениями, которые в кельтских грамматиках признаются инверсивными. Действительно, в рамках нашей модели в независимых предложениях слабый пространственный уточнитель может быть модифицирован имплицитным сильным местоименным семифинитивом, отчего подлежащее усложняется – в его состав начинает входить имплицитный элемент, выполняющий функцию пространственного. В таком случае пространственный и временной элементы упорядочиваются по индоевропейскому типу. В зависимых предложениях мы имеем дело с инэксплицитным семифинитивом, фиксирующемся в слабом пространственном уточнителе, отчего образуется инэксплицитное подлежащее, являющееся инэксплицитным пространственным элементом; упорядочение пространственного и временного элементов также идет по индоевропейскому типу. Легко видеть, что это упорядочение совершенно такое же, как и в английских предложениях. Таким образом, применение формально-логических моделей субстантивных и глагольных членов предложения позволяет «увидеть» глубинную структуру синтаксических конструкций, объединяющую

кельтские языки с германскими и тем самым обуславливающую их взаимное влияние. В результате изложенных сопоставлений есть веские основания заявить, что английские времена группы Continuous, а также некоторые эмфатические времена берут свое начало от кельтских синтаксических конструкций, но в самых общих чертах, без сохранения специфических особенностей. Дальнейшее сближение кельтских категорий синтаксиса с германскими представляется нам важной и вполне выполнимой задачей.

В заключение необходимо отметить, что тема инверсии и согласования в валлийском языке не исчерпана и имеет широкие перспективы для дальнейших исследований. В частности, подлежат тщательному анализу заведомо эмфатичные предложения, выражающие вопрос или/и отрицание, а также в целях сопоставления синтаксические средства достижения эмфазы в английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калыгин В. П. Введение в кельтскую филологию. М.: КомКнига, 2006.
2. Степаненко И. С., Шумков А. А. Взаимодействие и организация глагольных и субстантивных членов предложения в германских языках. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012.
3. King G. Modern Welsh: A comprehensive grammar. London: Routledge, 2016.
4. Evans D. A grammar of Middle Welsh. Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies, 1970.
5. Borsley R., Tallerman M., Willis D. The Syntax of Welsh. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
6. Халипов С. Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб.: Наука, 1995.
7. Jones J. A Welsh grammar: historical and comparative. Oxford: At the Clarendon press, 1913.
8. Morgan M. Reading Middle Welsh. URL: <https://www.mit.edu/people/dfm/canol/index.html> (дата обращения: 25.09.2023).
9. Williams S. J. A Welsh Grammar. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1980.
10. Ибрагимова Э. Ю., Шульженко Т. В., Шумков А. А. Новый взгляд на нулевое подлежащее в английском языке // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 6. С. 175–195. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-175-195.
11. King G. The Routledge Intermediate Welsh Reader. London: Routledge, 2013.

Информация об авторах.

Богданов Борис Станиславович – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, кельтские языки, англо-валлийские языковые контакты.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.12.2023; принята после рецензирования 15.12.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.*

REFERENCES

1. Kalygin, V.P. (2006), *Vedenie v kel'tskuyu filologiyu* [Introduction to the Celtic philology], КоМКniga, Moscow, RUS.
2. Stepanenko, I.S. and Shumkov, A.A. (2012), *Vzaimodeistvie i organizatsiya glagol'nykh i substantivnykh chlenov predlozheniya v germanskikh yazykakh* [Interaction and organization of verbal and substantive parts of sentences in Germanic languages], ETU Publishing house, SPb., RUS.
3. King, G. (2016), *Modern Welsh: A comprehensive grammar*, Routledge, London, UK.
4. Evans, D. (1970), *A grammar of Middle Welsh*, The Dublin Institute for Supplementary Studies, Dublin, IRL.
5. Borsley, R., Tallerman, M. and Willis, D. (2007), *The Syntax of Welsh*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.
6. Khalipov, S.G. (1995), *Kratkaya grammatika valliiskogo yazyka* [Concise grammar of welsh], Nauka, SPb., RUS.
7. Jones, J. (1913), *A Welsh grammar: historical and comparative*, At the Clarendon press, Oxford, UK.
8. Morgan, M., *Reading Middle Welsh*, available at: <https://www.mit.edu/people/dfm/canol/index.html> (accessed 25.09.2023).
9. Williams, S.J. (1980), *A Welsh Grammar*, Univ. of Wales Press, Cardiff, UK.
10. Ibragimova, E.J., Shulzhenko, T.V. and Shumkov, A.A. (2022), "A New Approach to the Zero Subject in English", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 175–195. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-175-195.
11. King, G. (2013), *The Routledge Intermediate Welsh Reader*, Routledge, London, UK.

Information about the authors.

Boris S. Bogadnov – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of two scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, Celtic languages, Anglo-Welsh language contacts.

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.12.2023; adopted after review 15.12.2023; published online 21.02.2024.*

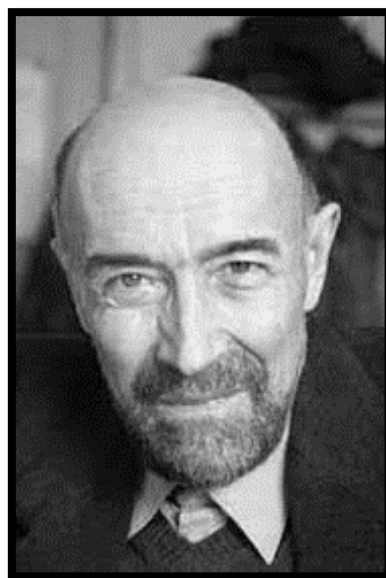
В ушедшем году произошло событие, которое обязывает обратить интенцию философского сознания в такое еще близкое прошлое. В финальный летний месяц 2023 г. ушел из жизни замечательный петербургский философ, с момента учреждения неперемный член редакционной коллегии нашего журнала Борис Васильевич Марков. И это печальное событие переводит идейный и эмоциональный багаж Бориса Васильевича в модус наследия. Наследия, которое может и становится источником биения философской мысли, прежде всего в Санкт-Петербурге. «Но для этого тоже должно пройти свое время», – справедливо утверждает в ниже следующем эссе Д. Ю. Дорофеев¹, которое и свидетельствует об этом.

Борис Васильевич Марков. ПАМЯТНОЕ СЛОВО

13 августа 2023 г. ушел из жизни Борис Васильевич Марков. Умер на своей малой родине, в деревне Звон Вологодской области, там, где родился 1 июля 1946 г. и куда стремился выезжать при первой возможности и оставаться там столь долго, сколь было возможно. Похоронен поблизости, в трех километрах от этой деревни, в селе Горицы, на деревенском кладбище, откуда открывается такой умиротворяющий вид на Волго-Балтийский канал.

Одной из любимых тем Бориса Васильевича была философия языка. Как можно и нужно говорить об умершем близком тебе человеке? Ответить на этот вопрос непросто и, наверное, каждый, кто задумается, ответит на него по-своему. Однако, кажется, все согласятся, что об умершем и живом мы говорим по-разному.

Официальный некролог подчеркивает факты жизни, регалии, делает упор на значимость и значительность событий, но за всей этой формальной данностью зачастую теряется сам человек. Смерть, если она воспринята лично, дистанцирует по отношению к умершему и одновременно сближает, но никак не объективирует его, а, наоборот, предельно персонализирует, экзистенциально обостряет, вплоть до болезненности, ощущение его присутствия и ухода. О Борисе Васильевиче только и можно говорить лично, от первого лица, а не делать упор на его заслугах, количестве монографий, защитившихся под его началом аспирантов и докторантов. После смерти образ человека меняется, мелкие, случайные детали отбрасываются, а что-то по-настоящему значимое, чему при жизни, возможно, и не уделялось должного внимания, наоборот, раскрывается и становится определяющим. Образ Бориса Васильевича накладывается на его книги, в которых он проявлялся и которые поэтому мы – по крайней мере, те, для кого этот образ имел личную ценность – тоже со временем будем читать иначе. Ведь если человек при жизни меняется в процессе написания важной для себя книги, то после его смерти меняется смысл и само содержание этой книги, открывается ее новое измерение для того, кто перечитывает ее с личностным вниманием, памятью и уважением к образу автора. Но для этого тоже должно пройти свое время. Пока же горечь,

¹ Первая публикация: Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, вып. 3 (1). С. 305–308.

ощущение печали и несвоевременности этой смерти, несмотря на полные 77 лет Бориса Васильевича, которые, впрочем, применительно к нему никак не назвать «почтенные», не оставляют. Не так много осталось в Петербурге философов, по которым можно судить о философии нашего города, которые прожили свою жизнь с честью и достоинством, представляя собой философию и образ петербургского университетского профессора.

Умирает человек, не философ. Но Борис Васильевич был человеком, для которого философия неотделима от жизни, повседневной жизни, о которой он так много писал. Может, и поэтому живой человек в своем повседневном бытии был главной темой его философских исканий, которая объединяла, скрепляла и наполняла глубиной его обращение к феноменологии и герменевтике, аналитической философии и структурализму, теории коммуникаций и семиотике. Борис Васильевич говорил, что уже в начале своего философского пути его глаза загорались, как только речь начинала идти о человеке, хотя в это время «философия человека» тщательно опекалась и была под идеологическим надзором официальной философии; лазейки, впрочем, успешно находились и в те времена. Но непросто было развивать философскую антропологию и в эпоху «смерти человека». Ведь нужно было уметь самому выживать в свободные 90-е и хоть как-то спасать, держать на плаву философскую антропологию, маневрируя для этого в разные стороны и обращаясь к разным широко признанным в то время персоналиям (Хайдеггеру, Гуссерлю, Фуко, Витгенштейну, Хабермасу, Луману и др.), чтобы, возможно, после она могла бы раскрыть себя по достоинству, которого заслуживает. В этом смысле Борис Васильевич был умелым дипломатом в эпоху кризиса, обращаясь к разным содержательным стратегиям ради сохранения значимости философско-антропологической линии в современной философии. И ему это удалось, недаром основанная им в 1993 г. кафедра философской антропологии была таким ярким явлением, а он был долгие годы, почти три десятилетия, даже не столько ее заведующим, сколько ее симпозиархом, «гением», вдохновителем, который управлял, следуя завету Лао-цзы: лучший правитель тот, о ком его подданные не знают, что он правитель. Такая деликатность, открытость и благожелательность проявлялось и в личном общении, и не только в стенах кафедры или университета. Когда коллегам нужна была помощь, шли именно к нему, и он ее оказывал. Потому что Борис Васильевич Марков был не только интересным и глубоким мыслителем, но и по-настоящему добрым, отзывчивым, сердечным (недаром он писал о сердце!) человеком, хотя и с присущей ему хитринкой в глазах, позволяющей предположить, что он понимал больше, чем говорил.

Большинство будут помнить о нем именно как о ярком, по-своему харизматичном, с особенным образом жизни, стилем и видением философе. Ведь трудно найти в философском сообществе Санкт-Петербурга того, кто не знал бы профессора Маркова, не сталкивался бы с ним в тех или иных профессионально-институализированных пространствах (еще одна любимая его тема). Он оставался философом и когда общался с деревенским жителем, причем так, что тот и не подозревал, что перед ним именитый профессор, и когда объяснял что-то очень важнее из своего жизненного опыта внукам, и когда присутствовал в профессиональном сообществе, не возносясь перед студентами и не преклоняясь перед властью предрешающими в философии и образовании – последнее, может быть, еще более трудно. Он был живым – живым человеком и философом, таким, хочется думать, и останется в нашей памяти.

Вспомним же сейчас его образ, пока время не стерло его жизненные черты. На философском факультете ЛГУ/СПбГУ, ныне Институте философии, где он проработал почти 50 лет (если отталкиваться от 1974 г., когда Борис Васильевич стал ассистентом кафедры диалектического материализма ЛГУ, трансформировавшейся благодаря ему в 1989 г. в кафедру онтологии и теории познания), можно было часто встретить человека с добродушно-ироничной, без злорадства и высокомерия, улыбкой, сутулившегося, но очень активного, почти всегда одетого неофициально, иногда даже в любимой толстовке из грубого льна, подвижного, смолящего очередную сигарету, обычно окруженного студентами, аспирантами, диссертантами, молодыми коллегами, для которых он всегда, даже если спешил, находил пару слов. В нем не было официоза, искусственно или произвольно полагаемой элитарности, какой-то величавой закрытости или неприступности от чувства собственного достоинства или ощущения приближенности к истине, чем отличались многие его коллеги. Для Бориса Васильевича это была не поза, не игра, не маска, а жизнь. Жизнь научила его работать руками, чем может похвастаться далеко не каждый городской житель, она научила его общаться с людьми, относиться к ним с уважением независимо от их социально-образовательного статуса, она же приобщила его основополагающим ценностям, которым Борис Васильевич был верен и в повседневности, и в философии. Думаю, все это наследие его народных вологодских корней, о которых он всегда помнил и которые ценил, как ценил он энергетику земли, с которой был связан не только генетически, но и осознанно, в своем образе жизни и в своей философии, когда, например, писал о гипнотической, почти магической силе устного слова. Деревенская земля его породила и вскормила, питала мысль и все бытие, она же его приняла, дав последний приют.

Борис Васильевич не только писал об этой идущей из земли и народа силе, он ею сам обладал, что непосредственно и очень остро ощущалось при личном общении с ним. Это ясно было и всем, кто слушал его лекции и семинары или читал его книги – ведь письменный язык Бориса Васильевича, отличаясь четкостью, ясностью, афористичной выразительностью (и в этом, несомненно, влияние его занятий на заре карьеры неопозитивизмом под руководством Марии Семеновны Козловой, привившей ему на всю жизнь любовь к философии Людвиг Витгенштейна), не слишком-то сильно отличался от его устной речи, а это встречается довольно редко. И даже то, что Борис Васильевич, как он сам признавал, часто писал в спешке, второпях, не слишком отделявая язык своих книг и статей, сближает его письменный язык с устным, всегда в той или иной мере отличающимся незавершенностью, стилистическими погрешностями, пропусками и т. п. В этом можно видеть недостаток, но в этом же есть достоинство выразительности, непосредственности, спонтанности речи и мысли. Борис Васильевич всегда радовался успехам коллег и учеников, сказанное им слово поддерживало и укрепляло каждого, к кому его слова были обращены.

Смерть завершает жизнь, но при этом смерть способна по-новому открыть жизнь умершего и даже в определенном смысле начать ее, без его физического присутствия, но с присутствием того смысла, который он оставил и который будет жить в своего рода личной ноосфере – если не человечества, то близких коллег и родных. Борис Васильевич на свой 75-летний юбилей признавался, что он уже устал, что сделал все, что смог, и он покорно возвращается к своему деревенскому прошлому, готовясь встретить смерть с чистой сове-

стью... Наверное, для нас, его друзей и близких коллег, он мог бы сделать еще больше, ведь только за последние два года у Борис Васильевича вышли три книги. Но усталость от жизни, к которой прибавилась и болезнь, уже была у него, хотя она парадоксально сочеталась с творческой активностью, которой многие молодые люди могли бы позавидовать. Срок у каждого свой, конец одного похода означает начало другого, потухшая свеча живет загоревшимися от нее: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Послушаем слова из песни Булата Окуджавы, это и о нем, Борисе Васильевиче Маркове, пусть земля ему будет пухом; это и о нас, оставшихся и помнящих о нем:

*«...Вот еще одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.
Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим».*

Даниил Юрьевич Дорофеев,
д-р филос. наук,
заведующий кафедрой философии
Санкт-Петербургского горного университета

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 20.02.24. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,05. Печ. л. 23,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 12.
Цена свободная.

Signed to print 20.02.24. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24.05. Conventional printed sheets 23.25. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 12.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56